

АРТ ЛАД

СОДЕРЖАНИЕ (6+)

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

Ф. Конев. Зыряне. Роман. Продолжение	4
Д. Мизгулин. Верю. Эска. Стихи в переводе Е. Козлова	62
С. Журавлёв. «Простите меня, я тропу проложил меж болот...» Стихи	72
А. Попов. Олём войтъяс. Миниатюраяс	84

ИВАНУ АЛЕКСЕЕВИЧУ КУРАТОВУ – 175

П. Лимеров. Иван Алексеевич Куратов: поэзия, длиною в жизнь	102
И. Куратов. Выль сыланкыв. Кывбуруъяс	118

ВОЙНА 1941-1945

А. Ульянов. Александры из Деревянска	126
Н. Мальцев. От Буга через Сысолу до Одера	143

АРТ-ФАКТ

С. Торлопов. Мои полевые университеты	160
---	-----

ОБЗОРЫ. НОВОСТИ. ПИСЬМА

В. Гранкин. «Сысольский кот» — канкан в зырянском стиле	180
А. Бушенева. В память о художнике	182
Программа фестиваля «Литературная Норвегия на земле Коми»	187

Приложение к журналу:

сборник стихотворений В. Кушманова, Н. Мирошниченко,
А. Суворова «Светлые реки. Югыд ваа юяс»

**Республиканский литературно-публицистический,
историко-культурологический, художественный журнал**

**Республикаса литература, публицистика,
история, культурология да художественной журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов осуществляется при государственной поддержке в форме субсидии Агентством Республики Коми по печати и массовым коммуникациям.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Учредители: Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми вайтыр»

Главный редактор — Галина Бутырева

Зам. главного редактора — Павел Лимеров

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д.229, каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499. E-mail: artkomi@mail.ru <http://www.artlad.ru>

© «Арт», 1998 г.

Подписано к печати 20.05.14. Формат: 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29.

Тираж — 1200 экз. Заказ 2878. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с дискет заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов, 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

Подписной индекс 78503

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

В оформлении обложки использована работа С. Торлопова «Суровый Вангыр». 1970 г. Х., масло. В оформлении заставок использованы работы (©) Ю. Лисовского.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам. Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йөзөдтөм гижёдъяс редакция оз рецензирует и авторъяслы найос оз мөддө. Редакция оз век во ѿти кывйө авторъяскöд.

Проза. Поэзия

Фёдор Конев

Фёдор Егорович Конев, сценарист, писатель. Уроженец коми села Мужи Тюменской области. В 1960-е годы работал на Сыктывкарской студии телевидения. В настоящее время живёт в г. Минске.

Член Союза кинематографистов РБ, член объединённого Союза писателей России и Беларуси.

Зыряне

Роман

Начало в № № 3–4 2013 года, № 1 2014 года

Отшельники

Часть третья

Глава 5

...

Когда мать повредилась умом и ушла в тайгу, оставив его одного, Прокопий много молился деревянному идолу. Он просил божка помочь бедной матери прийти в ум и вернуться домой. Идол стоял в лесу на небольшой поляне, поставленный ещё далёкими предками, был выше Прокопия ростом, и плоское лицо его всегда было похоже на лицо человека, который не слышит. Однажды Прокопий обозлился за это на божка, потому что мольбы его были напрасны, подошёл и стукнул кулаком, будто желая разбудить. А идол рассыпался в прах и остался кучкой коричневой трухи у ног. Дерево сгнило под дождями за долгие годы, и его изъели жуки. Разве мог такой божок помочь?

- Что он ёщё там наговорил твой дед? — спросил Прокопий.
- Нет у тебя веры, говорит.
- А у него есть?
- У него есть. Сам же знаешь — есть.

— Знаю, — вынужден был признать Прокопий, хотя настроен был ворчливо.

В отличие от отца и деда Санча много раз перечитывал евангелие. И ему казалось, что он принял православную веру. Правда, в церкви ни разу не был. Но ведь, по его разумению, вера не тем определяется, ходишь ли ты в церковь и считаешь ли сам себя верующим. Этого мало. Прадед Матвей говорил, что Стефан Пермский пошёл бы в огонь без всякой боязни ради веры. А ведь дед Харла тоже говорил о такой вере, которая важнее самой жизни. А Санча? Шагнул бы в огонь?

Пожалуй, Прокопий поверил бы в небесного Бога, о котором рассказывал Матвей. Но тот Бог требовал: — «Не убей». А разве же мог Прокопий забыть, каким он даром владеет? И разве небесный Бог не отвернётся от человека, который убивал? Так что останется душа Прокопия на земле и превратится в нечистую силу. Марпа говорит, что злые духи — это души умерших грешников, которых небеса не приняли, и остались они на земле неприкаянными, отчего и злые.

Вот какая участь ждёт Прокопия.

— Уговаривает, нет? — спросил Прокопий сына, повернув к нему голову и прищурив глаз, будто прицелился.

Взгляд был цепким, взыскательным.

— Дед-то? — догадался Санча, о чём это отец. — Раньше просил. Теперь нет.

— Почему раньше просил, а теперь — нет?

— Ну, какой я главный тун? Придётся врать. А я не смогу. Не получится у меня.

— Зачем врать?

— Затем...

— Твой дед на тебя надеялся, — печально проговорил Прокопий. — Кто же теперь?

— Опонько мечтает стать главным туном. Дружит с Калей. А тому нужен свой человек, чтобы пройти в пещеру.

— Зачем это Кале?

— Думает, там кучи золота.

— А есть оно? Ты же был в пещере.

— Нет там никакого золота. Сказать ему?

— Не поверит, — рассудил отец. — Ты вот что, сын. Будь осторожней. Он не любит, когда кто-то ему мешает.

Об этом Санча и сам догадывался. Но не его Санча опасался больше, а собственного деда. Харла что-то задумал или пока ещё обмозговывает. Только дед может помешать раскрыть людям глаза и увести в другую жизнь. А это жизненно необходимо, подобно тому, как из зарастающей ряской старицы перетащить лодки в живую реку, по которой можно вольно плавать. Иначе лодка скниёт и затонет.

Выходит, дед Харла и есть главный противник затеи Санчи.

Предупредив сына о возможной опасности, Прокопий попросил отнести его в постель, чего-то уж сильно устал от долгого сидения. Санча выполнил просьбу, накрыл отца одеялом и двинулся к выходу, намереваясь навестить Калю. Надо поговорить с ним по-мужски, без обиняков. Спросить прямо — чего затеваешь?

Занятая детьми Марина увидела, что Санча даже не глянул на неё, а опять куда-то навострился. Вот она и выскоцила следом на улицу и ухватила миленьевского за локоть.

- Куда спешим? — спросила с издёвкой.
- Да я скоро. Навестить надо одного человека.
- Успеешь, не убежит. Ты совсем обо мне забыл?
- Санча даже остановился от удивления.
- Как это забыл?
- А то нет? Мне без тебя страшно.
- Ведь придумываешь, — укорил Санча. — Ничего тебе не страшно.
- Откуда ты знаешь?
- По глазам вижу.
- А ещё что видишь? По глазам?

Не слепой же Санча. Чего спрашивать? Он сам задыхался от нежности к девушки. Но он мужчина. А как ведут себя мужчины? Раньше времени не расслабляются. Марина должна понимать, что Санча прежде должен покончить с делами. Пока он не знает, какие планы строит Каля и что затеял дед. А вдруг упустит время? Вдруг поздно будет? И тогда он этой вины своей не простит до скончания дней.

— Сегодня ты никуда не уйдёшь, — заявила Марина. — Я одна не останусь на ночь.

Она демонстративно повернулась, гордо вскинула головку и ушла в дом. Санча остался в растерянности. Он-то рассчитывал после разговора с Калей, ради чего и спустился с гор, вернуться к деду и быть при нём неотлучно. Дед не будет медлить, если уже надумал, что делать. Останется Санча дома, а дед за ночь так поступит, что никто и никогда уже не узнает, что в пещере таилось.

Санча направился к подворью Каля, когда негромко окликнула его баба Марпа. Она отвела его подальше от дома, чтобы уж точно никто не услышал их разговора, и сообщила Санче, что молодой Ягса жену ищет. Лет тридцать-то ему уже стукнуло. Куда же тянуть? А с невестой вышла сложность. Ближнее семейство леших за рекой Обью обретается. Это ж какая даль! Да и есть ли дочь в невестином возрасте? Тоже ведь неизвестно. А молодой Ягса, видать, не такой шустрый, чтобы тайгу обежать, да подругу себе найти. Он проще путь выбрал, к женщинам селища приглядывается. Так что надо ожидать случая, когда умыкнёт кого-то.

- Узя наплела? — с недоверием спросил Санча бабушку.
- Я тебе говорю, — строго ответила Марпа. — Смотри, как бы Надею не выбрал. И ушла, обиженно метя подолом сарафана.

Глава 6

На этой высоте гора поднималась почти отвесно и никакие растения уже не могли уцепиться за мёртвый камень. Неширокая ровная площадка находилась перед входом в пещеру, рядом с которым в скальной стене было углубление, будто специально выдолбленное для того, чтобы человек мог удобно расположиться и смотреть с высоты на землю. Может быть, и впрямь эта ниша была делом рук давно живших людей, но скорее всего — её вымыли дожди за многие века.

Во время восхода и заката, если не оказывался на охоте или в отлучке по другой какой причине, Харла неизменно выходил из своей тесной кельи и садился

в эту нишу. И каждый раз он удивлялся тому, как меняется мир с появлением солнца и с его уходом. Он видел сверху огромную долину, окружённую горами, которую надвое делило длинное озеро. Вся видимая земля обильно заросла лесами, а по низким берегам озера тянулись луга, после покосов уже успевшие застать отавой. Среди яркой зелени стояли золотистые зароды сена.

Уже сколько лет Харла смотрел, как появляется солнце и как прячется за горную гряду, но ему нисколько не наскучило это занятие. Он любил солнце. Марпа рассказывала, как оно возникло. У Марпы много историй, она столько помнит, сколько не уместилось бы в памяти всех жителей селища вместе взятых. Конечно, Харла сомневался, так ли всё было на самом деле, как толкует Марпа, никто же не был свидетелем, кроме самого солнца. А оно-то ж разве подтвердит? Спрашивай, не спрашивай, знай — улыбается, да помалкивает. Мол, сам думай, на то у тебя мозги.

Но как бы там ни было, а Харле очень нравилась в этой истории утка-чирок. Она среди уток самая маленькая. Может быть, потому и родилась раньше всех. Но не в этом дело. Плавала она по морю-океану и никак не могла найти хотя бы крохотный островок земли, чтобы высидеть яйца. А как было найти, если земли ещё не было? Одна вода. Снесла утка четыре яйца, и все они ушли в пучину морскую. Еле удалось два последних яйца спрятать под крылья. Высидала их, и вылупились два птенца, два брата — Ен и Омоль. Мать носила их на спине, пока не подросли. А потом попросила подросших детей достать со дна морского остальные четыре яйца. Те стали нырять. А утка мать взмыла ввысь, сложила крылья и разбилась о воду.

Вот этот её поступок стал часто припоминаться Харле в последнее время. Ведь она зачем это сделала? Чтобы твердь основать. Когда Ен вынырнул с яйцом, он увидел мёртвую мать и, должно быть, с горя метнул добычу вверх. А яйцо не упало назад, оно обратилось в солнце, и стало светло. До этого темно было. Под лучами солнца тело матери обратилось в землю, та твердь вытянулась в длину, раздалась в ширину, а Ен и Омоль приняли человеческое подобие.

Если бы утка-чирок не пожертвовала собой, то и не было бы этой прекрасной земли, что видел Харла с высоты в закатный час. Будучи практическим человеком Харла, конечно, сомневался в том, что из маленького чирка могла разрастись огромная земля с озёрами и горами, потому об этом не задумывался. И суть истории была не в этой маленькой правде или неправде, а совершенство в другом. Утка не посчиталась со своей жизнью, чтобы дети её могли удобно жить на земле и под солнцем. Вот ведь в чём смысл! Именно эта правда волновала главного туна, потому что постоянно думал, как и что будет после него на земле предков, окружённой горами от лютых ветров и злых врагов. Так же ли будет радовать его сородичей зырян ясное солнце, или увязнут они в дрязгах и в душевной смути настолько, что и на небо поглядеть будет стыдно.

Родился и первые годы детства Харла провёл в селище Выльтим, которое находилось за озером у подножия дальних гор, а теперь его нет. Харла ходил туда, и в последний раз — месяца три назад. Там не осталось никаких признаков человеческой жизни. За эти годы всё заросло весёлым березняком, а среди него поляной выделялась яма, где стояло то просторное жилище, которое стало общей могилой жителей. Да ещё оставшиеся в целости дома-землянки заселили медведи.

Копать-то же надо берлоги в каменистой земле, а тут такое удобство. Как не воспользоваться! Тоже ведь соображают.

Медведи выбрались из берлог и смотрели на Харлу, скосив набок головы, и чего-то выжидали. Может быть, хотели понять, с чем пришёл незваный гость. Их было много и они не боялись человека. А, может, какие другие мысли ворочались в сумрачных головах косолапых. Тогда Харле подумалось, что чего доброго ещё и признает кто-то из них в нём своего родича. Ведь могли и мать, и отец, и сёстры с братьями не умереть навсегда, а обратиться в этих бурых мишек. Чего бы с таким напряжённым вниманием смотреть им на Харлу?

Давняя беда с поселением Выльтим случилась в отсутствие Харлы. К тому времени он уже находился на обучении у тогдашнего главного туна по имени Лунег. Имя было старинным, працадовским и происходило, видимо, от слова «лун», что означало день. Лунег рассказывал повзрослевшему Харле, что во времена охоты на опушке леса неподалёку от Выльтима случайно встретил мальчишку с кучерявой копнью белых волос на голове и такого голубоглазого, что изумился. Глаза мальца показались туну умными не по годам, что вызвало ещё больший интерес. Да и был оголец в игре с друзьями ловчее всех.

С родителями Лунег в тот же день договорился, и те передали сына главному туну. Семья оказалась многодетной, хватало, кого кормить, да и большой честью считалось отдавать мальчиков на служение Зарни Ань. Было Харле тогда лет пять. И он уже знал, что быть ему хранителем.

Поначалу он воспитывался среди других ровесников, с которыми жил в одной пещере. Их учили врачеванию, умению говорить с людьми, знаниям легенд и мифов, строгой вере в Зарни Ань и разным ловкостям, а проще говоря — фокусам, чтобы стать волхвами. Лежит, скажем, на ладони камушек, хранитель накрывает его второй ладонью, потом отводит руку, а камушка нет. Куда делся? Не всем эти чудеса давались, а Харла осваивал с лёгкостью.

В двенадцать лет Лунег выделил Харлу от остальных, стал дополнительно заниматься с ним. Лунег хорошо понимал, что главную тайну не каждому доверить можно. Далеко не каждому! А юному Харле не только легко давались знания, но и характера он был твёрдого. Если во что-то поверил, то уж сомневаться не будет.

А понять надо умом и сердцем, что никакого значения не имеет то, что хранится в пещере. О том, что там, знает только главный тун, и никто больше. Так было до него и после должно быть так. Эту тайну надо хранить всю жизнь. Главное не то, что в пещере, главное — вера людей. Вот что понять важно.

— Покуда люди боятся, они будут жить, как завещали наши отцы и деды, — поучал Лунег.

Изо дня в день, из года в год наставник внушал Харле, что людей от плохих поступков может остановить только страх, от которого леденеет кровь. Пусть они боятся гнева Зарни Ань, только тогда не станут обижать друг друга. А если этого страха не будет, то каждый потянет одеяло на себя, и получится великая свара. Все возможные беды навалятся на голову жителей селища, если иссякнет страх перед Зарни Ань.

Такова была основная наука Лунега. И он хорошо понимал, что она должна не только осесть в голове, но раствориться в крови. А этого можно добиться, если неустанно повторять одно и то же.

В восемнадцать лет Харла стал главным туном. К тому времени он возмужал, стал рослым и крепким юношем с длинными белыми волосами и красивым лицом. Все хранители были старше его, но слушались своего нового туна, признав его ум и справедливый нрав. Он действительно сердцем освоил науку своего наставника — имеет значение не что в пещере, а что в душах.

При своей истовой земной жизни тун Лунег был требовательным к своим помощникам до жестокости. Хранители не имели права жениться. Этого не могла бы потерпеть Зарни Ань, сама будучи женщиной. Так объяснял Лунег. Семья отвлечёт от служения, ласковая в постели женщина может стать важней золотой богини. Вот ведь что! А Лунег замечал, как меняются нравы хранителей. Они бывали в большом мире и видели там много такого, что их блазнило. У них возникали мечтания, от которых они глупо улыбались. Лунег стал посыпать по неотложным делам не всех, самым молодым отказывал. И как же Лунег был потрясён, когда узнал, что один из хранителей завёл за горами семью.

Это его он изгнал, а тот показал дорогу служивым людям к поселению Выльтиам и невольно сгубил всех жителей. Говорят, что после этого бывший хранитель сильно запил и лишился разума. Это Зарни Ань наказала преступника. Лунег часто приводил этот пример в своих наставлениях, чтобы хранители знали, чем заканчивается измена.

Но не только к своим помощникам Лунег относился требовательно. При нём чаще обычного Зарни Ань подавала гневный голос, наводя на людей первобытный ужас. Лунег был вынужден идти на это, чтобы сохранить извечные нравы. Он знал, что слаб человек и падок на соблазны. Дай чуть поблажку, тут же разгорится аппетит. И к чему это приведёт?

В начале своей бытности главным туном Харла соблюдал заветы своего учителя и следил за тем, чтобы в душах людей не слабел страх, чтобы ни на миг не забывали они, что суровая богиня следит за каждым их шагом и даже мыслями. Но с годами всё больше Харле не нравилось такое положение. По своей природе он не был злобив и доверял людям. Ему не нравилось только пугать, как будто никакого другого языка его соплеменники и понять не могут. А тут произошла встреча, которая в корне изменила взгляды Харлы.

Тогда ему едва было за тридцать, мужчина в совершенной зрелости — ростом высок, в плечах широк, статую ладен и лицом пригляден. Не в шутку девки горевали, что такой молодец никому не достанется, никого в объятьях не согреет, а проживёт холостым и умрёт бездетным. Но вслух рассуждать не смели, побаивались Зарни Ань, своей неравной соперницы. Скажешь не то слово, а на носу бородавка выскочит. Кто ж этого хочет?

Как и все мужики, Харла с малых лет ходил в тайгу. Охота была не обязательным, а любимым занятием. Главному туну не приходилось заботиться о еде и одёжке. По возвращении с торгов хранители часть прибыли оставляли себе, и никто из жителей не возражал. А как иначе? Начальство кормить надо. Харла охотился потому, что в мужчине эта страсть заложена изначально самой природой. Это древнее занятие настолько захватывало Харлу, что утихали в нём запретные плотские позывы, внезапно возникавшие против воли. Молодой же был! Охота вроде снадобья оказалась.

Но как раз в тайге он и встретил Ульяну. Он как-то оказался в тех лесах, где

начинался большой мир. Дальше река становилась порожистой, и Харла пристал к отмели, затащил на низкий берег лодку и направился к отвесной кручке, где кончалась пойменная низина. Он забрался наверх по сухой лощине, заросшей кустами.

Оказался на просторной поляне, покрытой толстым мхом и островками черничных зарослей. Высились одно дерево — старый кедр, а лес начинался поодаль. Чего он отдельно стоял, будто отился от собратьев? В обиде что ли был? Харла мог запросто пройти мимо этого кедра, и уже направился было в другую сторону, как услышал негромкий смех. Он застыл, потом бесшумным шагом приблизился к дереву, под которым спал, как показалось, подросток, свернувшись калачиком. Притомился охотничек, подумалось, вот и приморило.

Но когда пригляделся к лицу, понял, что это девушка. И таким милым было её лицо, что Харлу бросило в жар. С чего бы, кажется? Девок не видел? Сам не понимая, что с ним, Харла опустился на колени и дотронулся кончиками пальцев до щеки спящей. Что-то очень приятное снилось девушке. И должно быть, во сне она ожидала этого прикосновения. Её милое лицо вспыхнуло румянцем, а губы набухли. Она повернулась на спину, будто ждала кого-то.

Притворялась Ульяна или на самом деле спала, этого уже никто не узнает. Да и зачем? Какое это имеет значение? Если завидев незнакомца, притворилась, то очень даже умно поступила. Слова-то ведь могли только помешать. Всё случилось в молчаливом согласии, она была покорна его рукам и желанию. А потом отвернулась от него и спрятала лицо, на котором он успел заметить улыбку, но не стал спрашивать, спит ли она. Зачем?

Неслышными шагами охотника он уходил. Вроде, побоялся разбудить незнакомку, а на самом деле бежал в большой душевой сумятице. Ведь нарушил заветы своего учителя. Теперь с ним должна случиться какая-то беда. Может, упадёт замертво. Может, молния поразит средь ясного дня. Мало ли что! Зарни Ань не простит...

Но добрался домой без всяких злоключений, только так и не успокоившись. Сердце рвалось и билось в груди, но явно бушевало не от страха. Причина была другая. И первым делом Харла направился в пещеру. Там на могучих козлах неподвижно висел колокол. Харла опустился под ним на каменный пол, желая одного, чтобы тяжёлый медный язык чудесным образом отвалился и рухнул на его голову.

Пробыл так много времени, но ничего с ним не случилось. И всё это время он думал не о смерти, которой не боялся, а перед его глазами снова и снова повторялась встреча, которая всё внутри взбаламутила. Прежде кровь текла по жилам спокойно, и он даже не чувствовал её, а теперь обжигала сердце. И уже знал Харла, что снова пойдёт на ту далёкую кручу и будет ждать под кедром, когда придёт девушка.

Однако и ожидание кары долго не покидало его. Но Зарни Ань почему-то не наказывала Харлу за случай в лесу и за неотступные мысли о девушке со смуглым лицом. И тогда Харла догадался, что запрет жениться хранителям установила не Зарни Ань. Женщина не могла подвергнуть мужчин такому испытанию. Зачем? Какой толк? Да и Марпа рассказывала, что Жалейко, приведший в эти края зырян, сам был женат в одно время, правда, не очень удачно. Может быть, он уже

на старости лет надумал это мучительное правило для хранителей и тунов. Только старики способны на такую злую издёвку.

Но что станется, если Харла нарушит традиции, за многие века окрепшие корнями? Да не где-то, а в мозгах людей. Подвластные ему люди свято относятся к дедовским обычаям. И если нет среди них воровства, обмана и похоти, а есть согласие и лад, то только по той причине. Коли выросло дерево кедром, то нельзя её превратить в берёзу. Так и веру нельзя менять. Чуть подправил, захочется ещё. Почему бы нет, коль позволительно? Вера должна оставаться вечно такой, какая она есть. Так считал Харла, будучи главным туном своих земляков.

За многие годы наставник Лунег не зря старался, ему удалось внушить ученику чувство долга настолько глубоко, что оно стало частью души, и того более — её основой. А долг же состоял в том, чтобы не допустить ничего такого, что помешало бы беспечально жить зырянскому люду. Только и всего. Но ради этого Харла готов был принять смерть без малейшего колебания. Правда, при одном условии, чтобы она оказалась не напрасной. И в последние дни он только и думал о том, чтобы его последний шаг не получился бесполезным, подобно холостому выстрелу. Шуму наделает, а толку никакого. Вот чего опасался Харла.

Солнце скрылось за остроконечной горой, похожей на огромный медвежий зуб. Долину окутала темень, наступившая внезапно с уходом солнца. Край неба будто раскалился, стал багровым, и на этом фоне вершинные белки сверкали особенно ярко. Прямо-таки праздник света устраивало солнышко напоследок. Ещё и шутку учиняло. Скрывалось на какое-то время, да заново появлялось в расщелине гор и освещало всю округу, будто раздумало заканчивать день, отчего птицы и звери приходили в растерянность, а люди отвлекались от всего и смотрели на солнце, едва ли думая в эти минуты о суетном. Потом уже светило скрывалось за горным кряжем, и небо постепенно тускнело.

Не так ли на короткое время приходила в жизнь Харлы девушка по имени Ульяна. Много времени прошло, но ничто не помнится так ясно, как та встреча. И сегодня Харле было печально думать, что не мог он дать волю тому своему чувству. Будто вихрь подхватил его — летим! А он не полетел. Уж больно пристально стали приглядываться к лицу Харлы женщины стойбища, и слишком часто он стал слышать за спиной перешептывания, да приглушенные смешки. А как-то Марпа открыто спросила:

- Что с тобой?
- Ничего, — прикинулся он равнодушным. — А что?
- Ходишь, улыбаешься. Чему улыбаешься-то?..
- Нельзя что ли?
- Без причины? — в свою очередь спросила Марпа.
- Ну, без. И что?
- Без причины так не улыбаются.
- А как я улыбаюсь?
- Как дурачок, — сказала Марпа, подумала и добавила: — Которому шаньгу дали.

Ни остерегать, ни осуждать Марпа не стала, а тревогу поселяла, догадалась — не маленький, поймёт. Харла ушёл в горы и долго таился от людей в келье, усмиряя сердце от шалых страстей и собирая вольные мысли, как разбредшихся

оленей в стадо. Его не смущали пересуды, и даже людское осуждение не пугало, он и от службы главного туна отказался бы ради той девушки. И в хранителях не остался бы. А стал бы охотником, как другие мужики, и у него было бы, кому и куда приносить добычу. Но тогда открылась бы тайна пещеры. Что станет с верой, если земляки узнают, что никакой Золотой бабы нет, а есть покрытый патиной колокол? И некому было пока доверить тайну. Вот что стеной стало перед Харлой. И та стена оказалась неодолимой. Своё место туна честный Харла не мог покинуть, подобно трусу и слабаку. Хитрить и лгать не хотел, да и при желании не получилось бы. И он выбрал долг.

Однако сильно себя ограничив, о девушке не забывал. Скрыто разузнал, кто такая, как зовут и где живёт. Не раз тайком наблюдал за ней, таясь в густых зарослях. И Ульяна об этом догадывалась, всё-таки охотницей была, не только далеко видела и остро слышала, а каким-то непонятным образом чуяла, что не одна в том лесу, где была. Да чего-то и слишком везло с неких пор. Ни один силок на зайцев не бывал пустым. Это что значило? Лисы попадались в западню чаще других охотников. Полюбили её что ли? Прямо даже неудобно было перед мужиками. И сердилась она. Нужны ей подношения! Сам бы показался...

В одну из редких встреч Марпа заметила, что улыбки на лице Харлы не стало. Она вздохнула и отвела взгляд, а Харла догадался, отчего. Пожалела. Чего ещё?

- Такая твоя доля, — тут же нашла оправдание Марпа.
- Не я выбирал, — невесело заметил Харла.
- Кому-то ж надо, — спокойно рассудила Марпа.
- Так оно, так, — согласился Харла.

Когда Харла заметил, что Ульяна пополнела в талии, он очень обрадовался. Теперь только и думал о том, что у него родится сын, он заберёт его к себе и будет учить тому, чему самого обучал Лунег. Харла был спокоен, что передаст тайну пещеры в надёжные руки.

И, конечно, стало неожиданностью для него самого то, что однажды по весне пришлось вернуться из тайги с подростком на руках. Скрыть от жителей селенья всё равно не удалось бы, и он объяснил Марпе, а та уж всех кумушек известила, что ребёнка Харла подобрал полуживым в лесу. Видать, заблудился. Вылечит, разузнает, с какого посёлка, вернёт родителям. Немножко скучавил, да уж не так велик был грех.

Сидя этим вечером на выступе горы и глядя на затухающий закат, Харла вспомнил ту надежду, которая вспыхнула в нём с обретением сына, и ту боль, когда понял, что чаяния его напрасны. Белокурый, крепенький и ладный телом мальчик, мучаясь от мышечной ломоты, менялся на глазах отца и за несколько дней изменился настолько, что и не понять было, что же это такое.

Харла призвал к себе Марпу, которая всё на свете знала, а если на что-то не отвечала, так значит, на то и ответа не было в природе. Пришла она со своими травяными отварами, но при первом же взгляде на мальчика осознала, что мучает его не болезнь, которую можно излечить, а происходит с ним другая беда — вселяются в него духи. Все шаманы этот переломный возраст переносят тяжело, некоторые даже умирают.

- Глянь в глаза, — попросила Марпа.

Недавно же Харла видел, какой чистой голубизной отливали они у сына, а теперь в них затаилась недобрая и настороженная мгла. А разве может за такой теменью скрываться доброта? Только злые духи прячутся во мгле. Марпа сказала, что кто-то в роду матери обладал нечистой силой, и будет Прокопий чёрным шаманом. Тогда умерла в душе Харлы надежда. Разве может стать хранителем Зарни Ань человек, в душе которого поселилась чёрная сила? Даже помыслить об этом нельзя! По выздоровлению мальчика, Харла отвёз его на оленьей упряжке и оставил возле одинокого кедра. Дальше к родительской юрте Прокопий дорогу знал.

Спустя немного времени в стойбище появился человек, который назывался Матвеем Мезенцевым и поставил чум рядом со скитом, в подножии горы возле родника. В то время ещё был жив старец, но уже не поднимался с лежака, ослабев настолько, что мог только слова выговаривать и то с передышкой. Харла уже знал, что Матвей был отцом Ульяны, не раз следил тайком, как они суетились по разным житейским делам возле своей юрты. Матвей как-то легко и быстро перезнакомился с жителями селения, оказался приветливым и разговорчивым человеком, лёгким в общении, а оттого находил ко всем подход. Когда Харла встретился с ним, то невольно смущился, на него смотрели умные понятливые глаза много чего повидавшего на свете человека.

— Ты? — спросил он.

И Харла понял, о чём он спросил, но отвечать не стал. Откуда мог знать, что пришлый человек сохранит тайну? Но Матвей и без слов понял. Больше не спрашивал. Это и значило, что понял.

— Зачем пришёл? — спросил Харла.

— Искал вас с молодых лет, — ответил Матвей.

— Зачем? — опять же спросил Харла.

— Чтобы жить среди вас.

— Мог утонуть в болотах.

— Мог.

— А шёл?

— Шёл.

— Иначе никак было?

— Иначе никак.

И Харла поверил, что у человека нет другого пути. И уже было не важно, какие тому причины.

— Живи, — сказал он.

По сути они ведь были близкими родственниками, но не это сблизило их, а обоюдный интерес к тому, что каждый говорил, о чём размышлял, как понимал жизнь.

— Ладно ли тебе у нас? — спросил Харла, спустя время.

— Хорошо. Лучше не бывает. Но боюсь, что ваше время уходит. Придёт другое время. И вам от него не уйти.

— Что хочешь сказать? Ты пришёл, и другие придут? Так что ли? Уже приходили. По воздуху прилетели. Беда была.

— Я не о том. Не о беде со стороны. Она в здешних людях уже зародилась.

— Не понимаю тебя.

— Марпа рассказывала о старине. Люди, говорит, другими были. Обходились тем, говорит, без чего не прожить. А теперь и лишнего хотят.

— А чего ж такого лишнего? Что привозят хранители, знаю. Строго слежу.

— В жилищах, вижу, появились спички. В кои-то поры завелись ружья.

— Так не высекать же огонь, как деды. Коль проще можно. И не из луков же стрелять.

— Вот именно! Конечно, проще, легче. Но это и меняет человека. Хуже или лучше будет, не об этом говорю. Но будет он другим.

— Таким, как в большом мире?

Ему, Харле, приходилось выходить за горы, особенно будучи ещё молодым, по торговым делам. Когда в селе, куда прибыл обменять пушнину, впервые увидел пьяных мужиков, то принял их за бесноватых. Очень испугался, уехал на своей оленевой упряжке, не завершив дела, и всю дорогу думал об этих тронутых умом несчастных. Потом и сам видел, и хранители рассказывали про чудную жизнь тамошних людей. Сосед, к примеру, зарубил топором соседа, а по какой такой причине, сам никак не мог понять, отрезвев наутро. Почудилось ему, что сосед у него хомут украл. А какой хомут, если коня сроду не держал?

В большом мире беспрчинная злость сидела в людях. Откуда она, та злость? Матвей говорил, что вещи виноваты. У одного больше, у другого меньше — вот и вражда.

— Нашу веру не знаешь, — уверенно сказал Харла. — Мы другими не будем.

Но оказалось, что Матвей не был уж таким несведущим, про Золотую бабу слышал. И надеялся увидеть. Но как ни упрашивал Матвей показать ему богиню, Харла не пошёл на уступку. В конце жизни Матвей, слабея уже, со слезами молил да уговаривал:

— Гляну, умру спокойно.

Но Харла стоял на своём. Он-то знал, не поможет Матвею спокойно умереть то, что увидит в пещере. Пусть и на том свете думает, что есть она — Зарни Ань.

Этим вечером Харла засиделся на привычном месте. Уже и следа не осталось от зари, звёзды высыпали на небе, тесня друг друга, всё живое спало крепким сном, а он всё сидел и вспоминал прошлое. Харла не забыл, как стал подыскивать себе воспитанника. А тут подобно диву появился в селении сын его Прокопий и рассказал отцу о том, что случилось в юрте, как чудом спасся, а невеста вернулась к матери.

— Однако не одна ушла, — пояснил главную суть Прокопий.

В урочное время она родит Прокопию сына. Вот что означало — «не одна ушла». И будет дитя походить на мать, у которой волосы светлые, а глаза сероголубые. Харла слушал исповедь сына, затаив дыхание. И в нём в эти минуты пробудилась новая надежда.

И снова Харла знал, что ему делать. У него появилась мечта, которую надо было осуществить. И помешать этому никто не смог бы, так решительно был настроен Харла. Он не хотел терять эту новую надежду, потому что третьей уже не будет.

Это же Харла устроил так, что Санча на второй день рождения оказался в селище на коленях молодой кормилицы. А с медичкой, что принимала роды, а та с матерью роженицы легко уладили, помогли деньги. В том большом мире деньги

всё могут. Разве только смерть не подкупить. А внука выторговал за какие-то бумажки.

Прокопий вскоре женился на дочери Марпы, перебрался в их дом и стал любимым зятем. Как только отучили от груди мальчишку, тут же Харла отнёс его в семью сына. Там он подрос до тех лет, когда Харла мог уже внушать мальчику свою науку туну.

Если бы один Харла был наставником Санчи, то всё получилось бы, как ему хотелось. Но ведь и Матвей поучал Санчу. Два учителя боролись между собой, ни разу открыто не столкнувшись, глухо соперничали, и так вышло, что Матвею больше повезло. Взял он верх, потому что пособляли ему в этом деле книги, будто целое войско имел. Так что и вторая надежда Харлы умерла. А уже старческие годы подоспели, и не было срока подготовить преемника, который так же, как он, стоял бы за людскую веру, зная, что нет богини.

И сидя в нише, да глядя с высоты на землю, которую окутала мгла настолько, что не видно было ни зги, Харла скорбно думал о том, что и души людей могут погрузиться в такую темень, если они потеряют веру. Вот чего добьётся не послушный внуk со своей правдой. А уже завтра он может подняться с друзьями в гору, да спустить в долину колокол, чтобы люди своими глазами увидели, что веками от них прятали туны.

И выходило так, что с решением медлить Харла больше не мог. Цель была понятна — никто не должен увидеть колокол. Но что он может один?

Трудно было Харле найти нужную мысль. Вот он и сидел в темноте, да изводил себя. И тут впрямь, как свет во тьме, вспыхнула в памяти картина. Когда на закате солнце оказывалось в межгорье, стиснутые с боков лучи устремлялись вверх. Светлый столб уходил в бездну неба, а если были облака, то пронизывал их.

Теперь мысль Харлы развивалась дальше легко и в большой уверенности. А почему Зарни Ань не может вознести? Она же богиня. И пусть это люди увидят своими глазами, тогда и объяснять ничего не надо будет. В полуночную пору ударит Харла в колокол. Над долиной разнесутся звуки, искажённые многократным эхом, будут они тревожными, холодящими душу страхом.

Что бывает звон, который называют набатом, Харла не знал. И того не знал, что в таком надрыве звонят колокола в пору больших бедствий. Но именно такими частыми ударами он будет бить и бить, не жалея сил, чтобы вспугнутый народ встрепенулся со сна и выскочил на улицу, как на пожар.

Когда Харла почувствует, что и глухие услышали, что все сородичи стоят в исподнем в темени и смотрят на гору, где находится запретная пещера Зарни Ань, он прекратит звон. И тогда люди внизу увидят, как полыхнет пламя, и лучи от него устремятся в небо, будто вознесётся некий Огненный Дух, в который превратилась Зарни Ань.

Годового запаса охотниччьего пороха на это хватит, пожалуй.

Замысел показался главному туну настолько удачным, что он в груди почувствовал тёплую радость, отчего даже не подумал о своей части.

Глава 7

Чуть сутуловатый и с впалой грудью он казался выше своего среднего роста из-за худобы. Ходил так, будто постоянно подкрадывался, при этом как-то по-птичьи водил головой, рывками. Взгляд был цепким и настороженным. Нижняя часть лица вытянута вперёд, тонкие губы приоткрыты, отчего возникало ощущение, что постоянно готов ухватить зубами добычу.

Прозвище Каля прилипло с малых лет. Говорят, мамины титьки хватал, будто проглотить готов. Ну, это могли и придумать шутки ради. А вообще-то каля или халей, крупная речная чайка, птица прожорливая и в выборе пищи не разборчивая, ей что ерша слопать, что зазевавшуюся полёвку, аппетит не испортится.

Всё-таки прозвища давали приметливые люди, оттого и прилипали к человеку, что банный лист. Да какой там лист! Он высохнет и отвалится. А прозвище нестереть, как родимое пятно. Была кличка, стала именем. Так исстари велось.

Дома хозяина Санча не застал, жена сказала:

— Бес его знает — где!

Но без всякой злобы или досады. Просто ей помешали, она отвязалась. Звали её Арся, что значило — осенняя, была полной, сдобной и часто вздыхала. Сидит себе одинёшенько и вздыхает. Спросить — с чего бы? — так и не ответит. Сама же не знает. Но, пожалуй, приятнее занятия для неё и не было, как вздыхать. Бабы говорили — от лени это.

Жилище Каля находилось на окраине селения и несколько даже на отшибе. Лес начинался в двадцати шагах. Санча услышал звук топора и двинулся в ту сторону. Вышел на небольшую полянку. Каля колол дрова и складывал в поленницу. Приходу Санчи нисколько не удивился, будто ожидал. Воткнул топор в колоду и сам сел рядом, бросив на колени руки, временно ненужные.

— Поговорить надо, — сказал Санча, устроившись напротив.

Он опустился на землю и привалился к стволу сосны.

— Раз надо, так чего? — согласился Каля, не поднимая глаз, а внимательно разглядывая носки поношенных калош, надетых на толстые вязаные чулки до колен.

— Чего задумал? — прямо спросил Санча. — Только не виляй.

Мельком глянув на него, будто кольнув глазами, Каля усмехнулся и вытер мокрые губы широкой ладонью. Руки у него крупные и длинные, как общипанные крылья. Может быть, и впрямь прежде был птицей-халеем, да оборотился человеком для какого-то своего интереса?

— Лучше скажи — надолго приехал? — спросил Каля.

Конечно, Санча не мог на это ответить и не потому, что скрывал, а поскольку сам не знал, как сложится у него дальше.

— Это важно? — спросил Санча.

— Уехал и остался бы, — ворчливо проговорил Каля. — А зачем-то же приехал.

— Тебя беспокоит?

— Порядок нужен, — вдруг сказал Каля и посмотрел на Санчу сердитыми глазами. — А ты всё путаешь. То уехал, то приехал.

— Что путаю? Кого путаю?

— Людей. Кого ещё? Все ж думали, деда заменишь. Кто против? Все согласны. Он тебя на ноги поднимал. Уму-разуму учили.

— И ты не против?

— А что я? Я как все.

— Может, я и вернулся потому.

— Так скажи, чтобы народ знал. А то ведь разговоры пошли. А всё с них начинается, с разговоров.

— Что начинается?

— Один одно говорит, другой другое... И пошло, и поехало. Прежде каждый знал, что ему с утра делать. А тут начнут перепириаться. Не до работы будет. Смотришь, зима наступит, а дров не наколото, бочки пустые... Некогда было утятиной набить, лясы точили.

И он стал говорить о том, что если в голове человека начнётся сумятица, то руки и ноги не будут знать, что им делать и куда идти. Отцы-деды жили спокойно и благодушно, потому что не думали о том, как им жить. В этом-то и есть вся крепость человека, когда идёшь по утоптанной дороге от колыбели до гробовой доски. Трудись, семью корми, детей расти, жену не обижай и соседям не вреди. Делай, что тебе положено, а лишнего не позволяй. Сыт, одет, обут — что ещё тебе надо? А уж Зарни Ань тебя не забудет, беду отведёт, хвори отгонит, в любой день милостью не оставит.

А чтобы так обустроено жилось, пуще собственного ока должны охранять Зарни Ань предназначенные для этого люди. А это — хранители и главный тун. Так всегда было и так быть должно. Времена наступили смутные. Рыба с головы гниёт. Каля слышал, что некоторые хранители остались в большом мире. Ушли по делу и не вернулись, потому что семьи завели. Главный тун не допустил бы этого, если бы по-прежнему был в силе. А стареет Харла, стареет. Из обиталища стал редко выходить. Здоровому-то человеку чего бы на лежаке валяться?

Сведения эти, конечно, Каля получил от своего приятеля Опонько. Об этом дед говорил. Но Санча не ожидал, что Каля так горячо будет стоять за веру. Прямо хоть самого ставь главным туном. И согласился бы, не стал бы томить себя сомнениями. Может, к этому неторопливо и ведёт. Но зря Санча так думал. Каля хорошо понимал, что так не бывает, чтобы любой мог занять место туна, неподготовленный человек даже в хранители не годился. С детства к этой службе приучают.

Каля знал, что ума у него с избытком, хоть другим раздавай, не убавится, но в остальном человек он обыкновенный. Зуб не заговорит, боль не снимет, даже муху не усыпит. Конечно, это занятие бесполезное — муху усыплять, но Каля пробовал. Мол, вдруг получится? Зря старался. А Опонько смог. Нет, не муху усыпил, а заговорил зуб. Нашептал, дал чего-то пожевать, и Каля белый свет увидел, а то же хоть с горы вниз головой, так извёлся. Нет, Каля в главные туны не метит, ума хватает.

— Ну, вот скажи — как быть? — спросил с непримечательным интересом Каля. — Все мы не вечные. Заменишь деда?

Усмешливо покачав, головой сам же и ответил:

— Нет. Ты не останешься. Я видел твою жену.

— Невесту, — поправил Санча ради справедливости.

- Ишь ты! — удивился Каля. — Ещё невеста? Тогда тем более.
- Что «тем более»?
- Она не приживётся у нас. А ты без неё не останешься.
- Ну, так что?
- Вот и спрашиваю — зачем приехал?

Судя по его словам, Каля только одного желает, чтобы всё оставалось по-старому. И в глазах не разглядеть лукавства. Вроде и впрямь искренен. Но откровенничать с ним Санча всё же не стал. «Зачем приехал?» А зачем тебе это знать?

Утешительным было одно, интересы Кали показались не опасными, вроде ничего дурного против деда не затевал. Если заботится о следующем главном туне, то в этом осудительного умысла нет. Любого спроси, не отмахнётся — «Что мне до этого?». Всем до этого есть дело. Люди на земле ещё не научились жить без вожака.

- А почему Опонько? — спросил Санча.

Только на миг глаза Кали напряглись, но тут же лицо расслабилось в улыбке. Видимо, неожиданностью для него было, что Санча знает, кого Каля хотел бы видеть главным туном. Отрицать было бы глупо.

— Меня же не спросят, кого я хочу, — смиленно заявил он. — А что Опонь? Говорит, доверяет ему Харла. Вот я и говорю — пусть Опонь.

— Решать не нам, — перебил Санча, поднимаясь. — Ты прав. И вот что я скажу — не суетись. Я деда не оставлю, пока...

- И не стал договаривать, что значит — «пока», пусть Каля гадает.

С тем он ушёл, не оглядываясь, и не видел, как круглые птичьи глаза Кали моргнули, будто перевернулись на миг, показали обратную сторону, где одна хитрость таилась, да тут же встали на места. Не было такой угрозы, которая смущила бы Калю настолько, чтобы он отказался от своей мечты. Он её выносил, взлелеял, можно сказать — под пазухой носил и сердцем грел. Как можно мечту выбросить? Это же не обглоданная кость.

Опонько мужик старательный, но своим умом жить не умеет. Ветры у него в голове гуляют, оттого там сквозняк — никакая мысль надолго не удержится. А Каля умный. Это Опонь признаёт. Слушает Калю, открыв рот, и каждый раз диву даётся, как ловко Каля рассуждает. К тому же Опонько ленив до невероятности — вот бы сидел, да болтал языком, а дела бы за него кто-то улаживал. Как будет главным туном, без Кали не обойдётся. Все хозяйствственные заботы Каля на себя возьмёт. Опонько только обрадуется этому.

А какие это заботы? Прежде всего, распоряжаться надо пушниной, что сдают охотники хранителям. Их же нужно обменивать в большом мире. Заготовщику — белку да лису, а он в обмен — нужный товар. А много ли его нужно — нужного товара? Пила там или чугунок много лет служит. Расходуется порох, дробь, соль, к примеру. Такими запасами можно. Соль, кстати сказать, многие не употребляют. Кто помоложе приучатся стал и то не очень-то с давних времён. А старики и старушки на дух не выносят.

В общем, нужный товар обменять можно на малую часть пушнины. За остальные — деньгами брать. Опонь в село-то ходил, есть у него там свой знакомый заготовитель, и тот взамен давал зелёные бумажки. Каля сам их видел, Опонь

показывал, говорит — очень надёжные. С такими бумажками в большом мире можно жить вольготно, как душе угодно.

Про золото Каля только предположения строит, Опонь ничего не знает — ушами не слышал, глазами не видел. Но если даже и нет золота — чему не хотелось верить, — то всё равно можно за короткое время мошну набить изрядно. Да и Харла, думается, запасы имеет. Может, внук-то за этими зелёными бумажками и приехал. Тоже бы выведать надо.

Если бы знать точно, что за прибытком, то огорчаться особенно нечего, возмёт своё, да и поминай, как звали. А если у него какие-то иные намерения? Тоже ведь не дурак, свою выгоду понимает. Если другого наметил в главные туны, да деда уговорит? И вся мечта Кали прахом. У него-то согласие наложено только с Опонько. Как бы так устроить, чтобы Санча убрался восвояси, не досаждал. Опять же думать надо. Голова одна, а работы сколько!

Самое забавное состояло в том, что Каля и сам не знал, зачем нужно ему мошну набивать за счёт земляков. Ну, любил повторять Опонько, что там, в большом мире, жить можно беззаботно и в полное своё удовольствие, если завелись деньги. Что только есть на свете, всё твоё, были бы бумажки. Ну и что?

Ведь Каля вовсе не намерен перебираться в большой мир. Как там уживётся? Чем там заниматься будет? Не сидеть же целыми днями да конфеты есть. А тут и охота, и рыбалка. Разве же он проживёт без тайги? Люди опять же все с детства знакомые, есть с кем поговорить. Да лучшего места на земле, может быть, и нет. Все так думают, и Каля тоже.

Так зачем ему деньги и на кой ему золотишко? Выходит, привлекала его сама возможность прибрать к рукам хозяйство главного туна и так его наладить, чтобы свою выгоду иметь. Вот и всё. А что своих земляков будет обдуривать, что веру использует для корысти, так это не доходило до ума. Разве ж о чём лишнем думаешь, когда по следу зверя идёшь? Азарт же!

Так что жадность уже зародилась в нём, но пока ещё неосознанно, без понимания. Видать, всему своё время.

Теперь, когда тревога по поводу Кали улеглась, Санча беспокоился только о том, не опоздает ли удержать деда от опрометчивого шага. Что-нибудь да замыслил, не будет сидеть сложа руки, не тот человек Харла. Надо бы подняться в горы.

Марина оглянулась на скрип двери, увидела Санчу, бросилась к нему и повисла бы на шее, да вспомнила о детях, удержалась. Она взяла Санчу за руку и увела его в свой закуток. К полному огорчению детей ещё и зашторила вход циновкой. Взрослые всегда находят занятия важнее игр. У них вообще скучная жизнь. Даже удивительно, как они этого не понимают.

— Сегодня никуда не уйдёшь, — сказала Марина, когда оказались наедине. — Слышишь меня?

Санча опустился на лавку, на которой в прошлую ночь спала Марпа, и задумчиво покивал, явно думая о чём-то другом. Потом он протянул руку и усадил Марину рядом. Обнял бы хоть! Нет, ему и в голову не пришло.

— Ну, и где пропадал? — спросила Марина.

— Да так, — отмахнулся Санча. — Как ты?

— У меня всё хорошо. А почему? Потому что голову не забиваю глупостями.

— А я забиваю?

— А то нет? Мне, например, нравится здесь. Я уже соседей знаю. Они улыбаются мне, у них добрые лица, что-то непонятно говорят, но тоже доброе. А ты всё — правда, правда! Зачем она им? Они живут. Вот что я заметила. Понимаешь? Мы там в городе не живём, мы всё устраиваем жизнь. Нам всё мало, всё не хватает чего-то, чтобы жить. И так до самой смерти. А тут живут. Просто, ясно, понятно. А ты хочешь нарушить эту жизнь. Зачем? Ради чего?

— Может, останемся? — предложил Санча. — Раз тебе нравится... А?

Марина смущалась, не ожидала этого предложения, но быстро нашлась.

— Я выросла там. Понимаешь?

— Значит, мы уедем, а они останутся. И будут жить просто, ясно, понятно, как живут зайцы, медведи, лоси... У них выбора нет, а у тебя есть. Это хорошо?

— Ну, знаешь? — воспротивилась Марина. — Насчёт зайцев ты зря. Очень даже зря. Я поражаюсь тому, как много знают эти дети. Я столько лет хожу по своему двору и не знаю, что за деревья стоят. Кроме берёзы разве... А они травинки различают, называют птиц, букашек и что-то всё рассказывают, рассказывают, объясняют мне. Я ничего не понимаю, но догадываюсь, что здешние дети природу читают так же запросто, как городские — книги. А ты хочешь, чтобы они сиднем сидели за компьютерами, вялые и бледные, как спирохеты? Ты глянь — какие они крепыши!

— Рассуждаешь, как прадед Матвей, — улыбнулся Санча, — примерно...

— Вот видишь? — подчёркнуто заметила Марина. — Ему тоже нравилось тут?

— Он не хотел, чтобы сюда добрался большой мир.

— А я что говорю? Слушай, Санча. Сегодня такой случай был. У меня осталось немного ирисок, я высипала детям. А не всем хватило. Так ты знаешь? Те, кому досталось, даже не подумали, а тут же поделились с теми, кому не досталось. А наши дети стали бы отнимать, сильные у слабых. Мне так понравилось, что они поделились!

Марина провела ладонью по его щеке.

— А ты хочешь, чтобы эти дети выросли и стали жадными?

— Да не хочу я этого!

— Тогда не мешай людям жить, как они хотят. Будь умным, как твой прадед Матвей. Или как я.

— Но ведь он писал, что нельзя дышать воздухом прошлых веков. Вечно жить в стороне от цивилизации не можно. Не хорош, даже погиблен путь, по которому идёт человечество. И всё-таки надо выходить на этот путь. Эти слова в его книге написаны. Я сто раз читал.

— Но ведь он не вмешивался в чужую жизнь.

— «Пусть это случится после меня», — говорил. — Хочу в раю дожить». Получается, что он был эгоистом. Вот он доживёт, а там пусть будет, что будет. Это правильно?

— Ну, не совсем...

— Вот видишь? А сама собираешься уехать, чтобы они остались одни. И не будет тебе до них дела?

— Да нет! Это неправильно!

— Тогда я поступаю правильно. Представь себе, что о селении узнают.

Прилетят на вертолётах. Конечно, не с автоматами, времена другие. Но как они поведут себя? Примут за дикарей, смеяться будут, издеваться над верой. И случится то, что случилось. Я рассказывал о соседнем селении. Помнишь?

— Ужас какой-то! Что ты говоришь?

— Пусть не чужие, пусть я буду тем, кто правду скажет. Поняла?

Она кивнула. Он сказал, что ему надо в горы. И Марина не стала удерживать, хотела даже проводить, но он строго-настрого запретил выходить на улицу. Мало ли что! Всё-таки вокруг медведи, волки... О Ягсе не упомянул, а подумал-то о нём.

Оставшись одна, Марина откинула одеяло и увидела две подушки, её руками заранее старательно уложенные рядом. И ей стало горько, сердце заныло от печали. Она же решила всегда быть рядом, если нужно, следовать за ним, куда угодно. Как же отпустила?

И она поспешила на выход, очень осторожно отворила дверь, чтобы не скрипнула, и выскочила на улицу. Но Санча уже скрылся в тайге. Да и что она сказала бы ему? Так он и послушается кого-то, одержимый. Прямо возьмёт за руку, и пойдут они рядышком в ногу! Может, ещё и в обнимочку? Дождёшься от него! Как же... Да никогда он в свои мужские дела её не допустит, и надеяться нечего.

Марине стало совсем не до сна, и она пошла к озеру. Уже светло стало, и было так тихо, словно весь мир прислушивался только к её тихим шагам. Ничто не мешало думать, а мысли были грустными, потому что они касались Санчи и её будущего с ним.

Казалось, что озеро тоже спит, как всё вокруг. Даже рыба не играла. Высокое небо отражалось на ровной глади воды, и озеро казалось бездонным. Уткнувшись носами в берег, стояли лодки. Марина забралась в одну из них и устроилась на корме. От шаткой лодки побежали кругами волны, искашая отражения облаков, потом опять всё застыло в неподвижности.

Марина почувствовала, как природа успокоительно действует на неё, не объяснимая тревога улеглась, печальные мысли ушли куда-то, растворились, и уже не верилось, что среди такой благодати природы может случиться что-то плохое. Она смотрела на далёкие горы, за которыми уже чувствовалось солнце, уже лучи его различались, и вскоре оно само должно было выползти меж двух гор. Марина ждала этого момента и только этим была занята, когда услышала чей-то глубокий вздох. Подумала, что это корова. Но откуда ей быть? Марпа говорила, что на лето коров отгоняют на дальние выпасы.

Осторожно повернув голову, Марина увидела недалеко от лодки сидящее на гальке существо. В голове сразу промелькнула догадка — снежный человек! Она много раз читала о нём и не верила, что он есть в природе. А тут в пятнадцати шагах сидело огромное мохнатое чудище и смотрело на неё глубоко посаженными маленькими глазами. Лицо было коричневым, походило на человеческое и показалось молодым. Волосы были длинными, даже с виду жёсткими, а всё тело покрывала пепельного цвета густая шерсть. Гигант сидел, обняв колени руками, и не показался Марине агрессивным. Это, возможно, и удержало сознание, а так упала бы в обморок.

В голове промелькнула совершенно неуместная и дурацкая мысль о том, что никто из подруг не поверит, что она видела снежного человека. Мол, раз побывала

в далёких краях, так тут же сразу и чудеса. Потом постепенно стал холодить сердце страх, когда поняла, что бежать ей некуда, он на пути, сцепает ручищами, как зайчишку медведь. Прыгнуть в озеро и поплыть? А он-то не плавает что ли? И совсем не по себе стало Марине, когда он ощерил зубы. Она не сразу поняла, что он пытался улыбнуться, но у него с непривычки не получилось.

И тут Марина увидела бегущую к озеру бабу Марпу с хворостинкой в руке. Крохотная старушка безбоязненно подошла к Ягсе и хлестнула по ноге.

— Ты чего это? Ну-ка уходи. Вставай! Вставай! Уселся тут...

Ягса с неохотой, огрызаясь, поднялся на ноги и пошёл от лодки. А Марпа следовала за ним, размахивая прутиком, и совестила:

— Иди, иди... Нечего тебе тут делать. Девчонку испугал. Разве не видишь? Совести у тебя нет — она же ещё ребёнок.

Марине послышалось, что Ягса бормотал слова. Он оглядывался, отмахивался от бабки, но шёл к лесу.

— Иди, мой хороший, иди, — уже напутствовала по-доброму Марпа. — У тебя своя жизнь, у нас — своя. Что уж тут поделаешь? Иди к себе и не беспокой нас.

Когда отогнала Ягсу на безопасное расстояние и убедилась, что тот направился к лесу, бабка Марпа вернулась к Марине.

— Испугалась, милая? Ну, ничего, ничего... Всё уже прошло. И как это я проспала, не услышала, как ты ушла? Совсем старая стала. Если бы не Узя, так и спала бы себе.

Прижал руку к сердцу, которое теперь забилось воробышком в тесной клетке, Марина поднялась на неуверенные ноги и выбралась из лодки. Марпа, видя, как она нетвёрдо ступает, как споткнулась, взяла её под руку.

— Господи! — проговорила Марина. — Чуть не умерла со страха.

А потом, подумав, добавила:

— Но я видела, он пытался улыбнуться. Вы понимаете?

— Не хотел он тебе зла.

— Он сам об этом сказал? — живо заинтересовалась Марина. — Я слышала, он что-то бормотал.

— Корова тоже мычит, — хитренъко увильнула от ответа Марпа и успокоила: — Показалось тебе, милая. Идём домой.

Она не хотела, чтобы знала Марина, что молодой Ягса не обычный леший, а особенный — мать у него человеческая женщина. Узя говорит — ума лишилась, а слова-то помнит. Только забыла, как их правильно расставлять, чтобы понятно было.

Вот молодой Ягса и научился повторять несвязные слова, а по голосу-то понять можно, что жалуется. Броде один остался. Всё кивал в сторону селения, мол, вас вон как много, вам хорошо, а ему очень плохо, потому что один. Куда делась мать? Она же видела, как муж кинулся в топь. Вот и последовала за ним, видать. Ума-то нет, так чего не сделаешь? Ничего толком Марпа не знала, одни догадки строила, потому и не стала путать девушку. Ей и того страху довольно, что досталось. Да и зачем Надее знать про несчастную женщину и её бедного сына Ягсу?

— Как Санче-то? — осторожно спросила Марпа. — Скажем или нет?

— Ни в коем случае! — порывисто ответила Марина. — Не надо его отвлекать.

Марпа хотела спросить, от чего это такого нельзя отвлекать Санчу, но решила повременить. Нельзя же с ходу и в лоб! Но её заинтересовали слова Мариньи, и она их запомнила.

Днём, улучив время, Марпа сходила в ту рощу, в которой ночью скрылся Ягса. Три берёзы поломал, кусты голубики вырвал и побросал по деревьям, невеликую ёлку вывернул с корнем... «Как же было плохо ему, горемыке!» — подумала Марпа.

Глава 8

В том, что Марпа всему на свете найдёт объяснение, Харла знал по опыту жизни. И главное ведь — ей поверят, и прежде всех, конечно, бабы. А после них мужикам куда деваться?

Они, мужики, не дадут бабам совать нос в свои дела, тут уж не подступись. Посмей жена подолом задеть ружьё, так потом виниться будет до хрипоты. Разве же с таким ружьём на охоту идти можно? Звери же обсмеют, белки сверху орехами забрасывают. Из такого ружья с двух метров в лося не попадёшь. Тут даже и спорить нечего. Правда, охотники ружьём пользовались мало, на белок разве да на птиц чаще ходили, а доверяли больше дедовским разной хитрости самоловам. Но всё равно, мужик прялку не трогает и ты, баба, не смей трогать его снастей. А как иначе?

Но когда касалось обычая, традиций, веры, тут первое место занимали бабы, тут им равных не было. Мужик, к примеру, на покосе плюнет с досады, а баба уже подскакивает к нему. Что ты, мол,творишь такое? Трава обидится и затвердеет, так что косой не возьмёшь. Не топором же рубить. Мужику приходится перед травой повиниться, мол, сплоховал сгоряча, не со зла, по дурости. Трава и простит. Так что духовной жизнью в данном зырянском селении без названия правили женщины. И на этом благом поприще каждая считала не себя — что уже чудо! — а Марпу выше и важней, не сомневаясь в том, что она особенная, что она одна держит и берегает неотрывную нить, которая тянется от предков, от первых людей, что пришли сюда, а то и более ранних. И нить та называется памятью.

И главное, Марпа всё могла растолковать. Марина просто изумлялась этой способности бабки. Марина, конечно, прожила гораздо меньше лет, но она уже успела встретить множество людей, и были среди них — не ровесники, конечно! — очень даже умные, начитанные, опытные, но что-то не припомнит никого, кто бы мог всё объяснить. Спроси кого, как там будет, на том свете. Никто ведь не ответит убедительно, чтобы представить можно было воочию. А бабке Марпе труда не стоило пояснить своей Надее.

- Как будет? — переспросила она. — Что нынче приснилось тебе?
- Будто бегу в институт, опаздываю.
- Это где бежала-то?
- Ну, в городе, конечно.
- А сама где была?
- Как где? Здесь.
- Под одеялом лежала?

— Под одеялом.

— Вот видишь, милая? Бежала там, а лежала тут. А я вот нынче летала. И будто молоденькая, молоденькая! А разве ж я летать могу? Сама подумай. Вот так и будет.

— Я не очень поняла.

— А что тут понимать? Вот ты сны видишь, но ещё и живёшь. А потом только сны останутся.

Уж доступней и доходчивей никак не скажешь. Сразу же и представить можно, как будет. Как во сне. Но главное — Марпа ни капли не сомневалась в своих словах. И это её уверенность каким-то непонятным путём передавалась Марине. Её просвещённый ум не то, чтобы поверил бабкиному толкованию, но очень даже примирительно к нему отнёсся.

Не высокого роста, сухонькая бабка Марпа была очень подвижной, как будто так и не вышла из детской непоседливости. И вообще в ней много было из ранней поры жизни, когда человека наполняет любопытство и удивление. Марина вспомнила бабок своего подъезда, обычно полных, тучных, ходивших тяжело, опираясь на клюки, сидевших подолгу на лавках и говоривших об одном и том же, как раньше было всё хорошо и как теперь стало всё плохо. Бабке Марпе явно было за семьдесят, но она без дела минуту не проводила, то мяла камусы, жёсткую шкуру с оленьих ног, то ощипывала и потрошила уток, то разделывала рыбу, то циновку плела, то шила обувку, то детей лечила от цыпок... Да не перечислить всех дел, что находила себе Марпа. И как-то не уставала, что удивительно!

— Бабушка, а сколько тебе лет? — спросила как-то Марина.

Она замахала руками.

— Ой, что ты спрашиваешь? Да разве ж можно такое спрашивать? — перешла на шёпот: — Узнает урес, скажет: «Долго живёшь, Марпа. Хватит тебе». И я помру. А с кем ты будешь разговаривать тогда, Надея?

И весело ей стало от собственного вопроса, засмеялась, а смех её приятный, добрый и тихий. Оказывается, урес — это злой дух, нечисть, погань. Чуть подумашь о нём, он уже рядом, такой вот прилипчивый. Да ещё завистливый до невозможности, если кому хорошо, так ему от этого плохо, прямо места не находит, будто на углях стоит. Поэтому хвастаться удачей ни в коем случае нельзя, иначе урес услышит и прибежит. А от него добра не жди. Говорят, в старину один рыбак принёс домой куль и похвастался уловом, а из мешка выползли мыши и по дому разбежались. Вот тебе и рыба! А если бы не хвалился, то сколько можно было бы ухи наварить.

А то вот ещё достоверный случай. Попалась мужику рыба, да крупная такая, как бревно. «Ну, я, — говорит мужик, — тебя не выпущу. Я тебя вытащу в лодку». А урес-то услышал. Как раз мимо шёл. Не знаю, куда шёл. А может, это водяной был. Тоже ведь из этих, нечистых. Мужик-то вывалился из лодки, в сети запутался, а рыба ушла. Ну, вот зачем было хвастаться?

— Утонул, мужик-то?

— Выбрался как-то. Но с тех пор не хвастается больше.

Этих поучительных историй Марпа помнила неисчислимое множество, на все случаи жизни, но ведь она ещё и знала, как сама жизнь возникла, как земля

образовалась, как всё живое сотворилось. Если бы не Ен и Омоль, так ничего и не было бы. Одни облака да вода были бы. Так бы всё это и тянулось без конца — облака да вода. Но однажды показалась лодка, а на ней плыл человек. Это был Ен. Может, не знал он, что из этого получится, а может, предвидел — всё-таки бог! — но вот плюнул он зачем-то, а из его плевка возник Омоль и назвался братом. Теперь они вдвоём и взялись за трудную работу.

Вода-то водой, а какая у неё глубина, никто не мерил. Ен обратил младшего брата в гагару, нырнула птица и через какое-то время вынырнула с куском тины в клюве. С этого и возникла земля. Ну, ладно, одно дело сделано, и вроде между братьями пока согласие. А надо же землю кем-то заселить. Что она такая пустая и будет лежать? Зачем она, пустая?

Братья принялись за новую работу. Но тут уже возникло кой-какое соперничество, которое заметно стало расти. Между мастерами такое бывает, один сколотил одно, другой другое, но позатейливей, это первого раззадорило, он сработал что-то этакое, но первый же не успокоится, тоже ответит. Так и тут.

Началось-то всё с того, что Ен сотворил человека. Уже солнце светило, леса выросли, в общем, жить можно было. Омоль видит, что больно уж хорошо человек устроился — ни забот, ни печалей. А характер у Омоля был нехороший. Потом-то совсем плохой стал. Вот он назло и слепил тоже из глины бабу. Ну, она, конечно, сразу к мужику с претензиями — где я жить буду? чем меня кормить станешь? что, мне так голой и ходить прикажешь? Женщины эти претензии до сих пор повторяют, поэтому можно послушать. Всё то же самое слышал первый человек, у которого не было имени. Зачем человеку имя, если он один? И бабе зачем, если она тоже одна?

Но не это важно. Ен решил помочь мужику, чтобы он мог содержать жену, и создал белку, петуха, курицу, тетерева, куропатку, утку, зайца, оленя... Ну, и так далее. Охоться, мол, корми, одевай, обувай себя и супругу. А там глядишь, и дети пойдут, на то вы горазды будете. На детей тоже хватит рыбы и дичи, так что плодитесь на здоровье.

А Омоль не стоял в стороне от дел, сотворил куницу, чтобы та ела белку, да на том не успокоился, а ещё создал ястреба, филина, ворону, лисиц, рысей, росомах и других хищников. Вот же какой злой был! Если бы Ен один старался, то мир бы получился другим, жили бы одни добрые существа на земле, но брат оказался неугомонным, излишне старательным. Вот и получилось то, что получилось.

Наверно, Ену не очень понравился созданный с братом мир. Почему-то же не захотел оставаться на земле, а сотворил семь небес. Сам поднялся на самый верхний, а брата оставил внизу. Но чтобы Омоль дальше не усердствовал, превратил его в Лешего. Нового ничего, говорит, не твори, а живи в тайге и следи за всем зверьём, чтобы одни других не поели.

Как-то не очень Марину устраивало, что мужчину создал Ен, а женщину — плохой Омоль. Несправедливо показалось.

— Да что ты, милая? — всполошилась Марпа. — Я не сказала что ли? Вот же пустая голова! Омоль-то слепить слепил женщину. А получилось чучело глиняное. Рот не откроет, рукой не двинет. А Ен подошёл к ней и вдохнул жизнь. Она сразу и ожила да такой красивой стала, что мужик только охнул и сел на пень. Не сел бы, так упал. Хорошо, пень оказался рядом. Конечно, характер баба от Омоля

взяла. Трудно ей угодить. Зато мужик старается для неё. И никто ж его не заставляет. А чего он старается? Не знаешь?

И с такой озорной хитрецой глянула на Марину бабка Марпа, что удержаться от смеха было невозможно. И уже никакой несправедливости Марина не видела, раз Ен вдохнул в женщину жизнь, отчего стала красивой. А так осталась бы куском глины.

— Ну, а хищникам? — спросила Марина. — Тоже вдохнул?

— Так ведь как бы они ожили? — резонно ответила Марпа.

— Ну, зачем? Тогда не было бы хищников...

— Так брат же просил. А как родному брату откажешь?

Со временем Марина заметила, у бабы Марпы были кое-какие нестыковки в толкованиях. То Ен превратил брата в гагару, и тот принёс в клюве тину, от чего пошла земная твердь, то маленькая птица чирок пожертвовала собой, чтобы суша была, то летала другая какая-то птица, никак не могла найти, где гнездо устроить — всё вода и вода! — вот и бросила перо, от которого возник остров.

Да и с первыми людьми одного единственного варианта не было. То братья их создали, мужчину и женщину, то они каким-то образом сами возникли.

— Всё, что есть на земле, из семян рождается, — с присущим ей убеждением говорила Марпа в другой раз. — И человек, и комары... Из семян земли... И человек из земли вышел. У ручья, в мышиной норе жил. Может, десять человек в одной норе умещались. Тесновато, конечно...

— Что, такие маленькие были?

— А как же, милая? Ты ведь тоже не сразу большая стала. От дождя под грибом прятались. Разве же большой спрячется под грибом? Сама подумай.

Однажды Марина не удержалась и всё-таки спросила, отчего Марпа вчера одну версию рассказывала, а сегодня совсем другую. Но бабка нисколько не смущилась, потому что не была забывчивой и не плела небылицы, а сама даже удивилась, что Марина не поняла главного.

— И так было, и этак было, всяко разно было. А как ты думаешь, Надея? Погляди, сколько всего разного вокруг. Разве ж по одной колодке подгонишь? И теперь Ен сидит на небе и зёрнышки бросает на землю, а из тех зёрнышек всё и возникает.

Ну, и чего тут неясного?

— Что-то я, бабушка, не видела, чтобы с неба сыпались зёрна.

— Уж прямо не видела! А дождь.

И снова всё оказалось проще простого. Ен создал радугу для того, чтобы она спускалась с неба в озеро или в реку и пила воду. И чем она больше пьёт, тем больше облаков становится на небе. Потом уже тучи возникают. И начинается дождь. А в каждой капле дождя Ен спрятал махонькое, глазу даже и не видное зёрнышко.

Из них-то, из тех малых зёрнышек, и возникают все животные, птицы, рыбы, насекомые, а так же человек.

— Так я же не из земли выросла, — не согласилась Марина. — Меня мама родила от папы.

— А как ты оказалась в папе? Он под дождём шёл или воды попил, вот и всё. Теперь поняла, умница ты моя?

В тот раз, как пришли с берега озера после приключения с Ягсой, Марпа уложила Марину спать и сама устроилась рядом на лавке.

- Санча-то опять куда ушёл? — осторожно поинтересовалась Марпа.
- В горы, — недовольно ответила Марина.
- К деду что ли?
- Ну, конечно!
- Так ведь намедни был?
- Опять надо, говорит. И ушёл.
- Надея, — притушив голос, позвала Марпа, словно кто-то мог их подслушивать, — может, ты знаешь, да молчишь. Ты уж мне скажи.
- Что сказать, бабушка?
- Зачем он к деду ходит? Ночью в горы так просто не пойдёшь. Тебе-то же сказал.
- Ну, да, — неопределённо ответила Марина.
- Так зачем пошёл?
- Не могу я, бабушка, сказать. Я слово дала. Честное!
- Слово дала? Ой, ой, ой! Жалко-то как!
- А спроси, бабушка, сама. Он и тебе скажет.
- Если мог, сказал бы уже. Что-то скрывает. Что же теперь делать?
- Я не знаю.
- Ладно. Ты спи, Надея. Уже утро скоро. Спи.

Молодой организм своё взял, Марина только закрыла глаза, как сон тут же навалился, словно выскочил из укрытия, и окутал сознание тёплым облаком. А Марпа никак не могла задремать. Что-то ей было тревожно. И знала она, что зря сердце не станет беспокоиться. В покое-то ему лучше. А уж если ноет, то чего-то чует.

В кромешной темноте — продушина была закрыта — пропустило чуть приметное серое пятно. Марпа поняла, что это Узя заявилась. Вот кого надо попросить! «Узнала бы, о чём могут говорить внук с дедом». «А как? — недовольно ответила Узя. — Я-то в горы не поднимусь!» Узя подобно комарю держалась низинных мест и ближе к болоту. Рыба без воды не может, Узя — без хлябей вонючих. Даже в селеньи надолго не задерживалась, надо было спешить в топи. Кикимора-то ж болотная, не какая-нибудь другая. Так что зря Марпа надеялась.

Общение между ними происходило не на словах, губы Марпы и не шевелились даже, а похоже было это на то, как мысленно человек с кем-то разговаривает. Кому это незнакомо? И чего уж проще! На этот раз Узя обиделась, что Марпа занята какими-то своими мыслями, на неё не обращает внимания, и ушла. Она часто обижалась, и даже вернее будет сказать — жила в постоянной обиде. Впрочем, и люди много зря обижаются. А ведь каждый в своих бедах больше сам виноват. Ну да, что уж поделаешь, коль натура такая.

Марпа так и не уснула в эту ночь.

А Марина чуть ли не до полудня почивала, так что дети заждались тёти-сони, уже от нетерпения прямо ёрзали на скамейке. Бабушка Марпа усадила и строго-настрого наказала, чтобы не уходили, пока Надея не проснётся. Но вот, наконец-то, тётя-соня вышла из комнатки. Дети подбежали к ней, стали теребить, тянуть на улицу, при этом все разом галдели, да так громко, что уши заложило. Когда

утихли, так Марина минуту ничего не слышала. А угомонились они только на окопице селения, куда привели. Там собралась небольшая толпа. Среди них была и Марпа. Завидев Марину, поманила рукой к себе.

— Погляди, как бывает, — сказала она.

По просьбе Ош Пеля спустился с гор колдун Опонь. Никто же не знал, что Опонь такой же кудесник, как ворон птица певчая. Тем более, что Опонь так важничал, будто все таинства мира в себе носил. В руках перед собой держал он берестяной туесок, плотно закрытый. Люди стояли по кругу, почтительно отстранившись от колдуна. Опонь долго бормотал чего-то, даже взвизгивал, а потом высыпал под ноги из туеска труху, взятую из муравейника. С мурашками, конечно. И все стали смотреть, затаив дыхание, как поведут себя муравьи. А те, шустрики, минуты две не двигались, приходя в себя после путешествия, а потом деловито и скоровисто принялись собираять мусор в кучу, строить жильё.

Ну, тут ни у кого уже не оставалось сомнения, что именно на этом месте Ош Пель может строить дом. Здешняя молодёжь не стремились отделяться от родителей, как это принято в городе. Вместе жить было легче. В одиночку и невод не бросишь, нужны подсобники. А вместе всё одолеть можно, никакой труд не в тягость.

Но тут такой случай — тесновато стало Ош Пелю с тремя сыновьями, да с десятком внуков и внучек в одном жилище. Вот он и решил строить дом. Баба Марпа объяснила Марине, что в иные разы муравьи прытко разбегаются, и тогда надо искать другое место. А тут сразу повезло Ош Пелю, теперь сыновья возьмутся за лопаты и будут копать основание жилья.

Люди стали расходиться по своим делам, от которых отвлеклись на время. Событие-то важное, не каждый год случается, да и дело же всем до того, как себя поведут муравьи. Теперь можно спокойно заниматься тем, чем занимались. Одна баба Марпа явно была встревожена, всё поглядывала на Опонько и Калю. Чего это они так поспешно сошлись и пошли рядом? О чём Каля всё говорит и руками показывает на горы? Куда направились?

Расспрашивать Марину заново Марпа не посмела, догадывалась, что данное Санче слово она не порушит. Но и томили её предчувствия чего-то недоброго, что назревает исподтишка. Она даже поговорила с Прокопием, может, тот чего-то знает. Но Прокопий в подробности вдаваться не стал, явно не осведомлённый в них, но сказал о том, что Харле пора думать о своём преемнике. И уже этого стало достаточно для Марпы, чтобы догадаться, чего зачастил в горы Санча. Видимо, дед уговаривает принять службу главного туна. Но Каля чего суетится? Прокопий насчёт Кали то же самое сказал — суетится чего-то.

— Уезжать-то будешь? — спросила Марпа Марину.

Та занималась с детьми, как учительница в школе, а потом дала им передышку, чтобы не устали. Без беготни дети не могли долго жить, в них накапливалась взрывная энергия, которая рвалась наружу. Теперь они устроили догонялки перед домом, а Марина присела на скамью. И тут же рядом оказалась баба Марпа. Вот и спросила.

— Мне же учиться надо, — объяснила Марина. — Институт закончить.

— А Санча уедет?

— Бабушка! — удивилась Марина. — Как это? Я уеду, он останется? Да мне в голову такое не пришло бы!

— Да я так просто, — стала виниться Марпа. — Думаю, спрошу-ка. Да и спросила. Понарошку. Да разве ж я не понимаю!

О чём могут толковать дед с внуком, если Санча всё равно уедет? А раз толкуют, то значит, есть о чём. И если Каля с Опонько о чём-то секретничает, то значит, есть и у них, что скрывать. При людях молчали, будто и не приятели, а как отошли в сторону, то тут же у них языки развязались. И неуютно было Марпе в незнании оставаться. Хуже нет того, когда не понимаешь, что вокруг творится.

Ведь Марина как раз завидовала тому, что баба Марпа живёт в понятном мире, то есть для неё объяснимо всё, что было до, что теперь происходит и что после будет. Послушали бы бабу Марпу институтские знакомые, подружки те же, так назвали бы сказочницей, и ни одного её слова всерьёз не приняли бы. Но сама-то баба Марпа не сомневалась в правдивости своих представлений, отчего ум её был ясен, не замутнён непонятностями, а душа светлой, как вода в озере. Вода ж какая? Глубина три метра, а дно видно, и каждая плывущая рыбина различается.

Подружки Марину посмеялись бы, а на самом-то деле, это они глупые, как клуши, а баба Марпа мудрая, да ещё и счастливая. Человек, который живёт в понятном мире, не может быть несчастлив. В солнечный день зрячий не ищет дорогу на ощупь. А ум Марпы жил в солнечном дне.

Что-то около полутора тысячелетия люди, считавшие себя просвещёнными, верили, что солнце вертится вокруг земли, а так же и другие планеты следуют в том же порядке. Теперь можно снисходительно улыбаться по поводу теории Птоломея. Уж мы-то, мол, живём в просвещённом веке. А подлинно ли так? Не будут ли студенты через сто лет ухмыляться над нашими представлениями о мироздании? А через тысячу лет? Возможно, вовсе смешными покажутся тогдашним людям былья достижения наук своей малостью. Но даже и они, возможно, сумевшие связаться со многими цивилизациями во Вселенной, доберутся ли до самой сути бытия? Или всё-таки не разберётся человеческий разум в том, что сотворил Бог?

Прежде Марина и не задумалась бы над этим, потому как знала, что важно держать в голове только то, чему училась, ради чего пришла в институт и без чего невозможно жить. А обучалась она тому, как делать бизнес, проще — деньги. И смысл видела она только в том, что поможет ей стать самостоятельной, независимой и способной иметь если не всё, то многое из того, чего хотят люди. А хотят они благ.

Какая может быть польза от того, о чём думала в эти минуты Марина? Да никакой. Но это происходило помимо её воли да и не могло быть иначе, видимо, в соседстве с бабой Марпой. И чудно же получается! Всему тому, что говорит Марпа, разум противится, а душа принимает. Какое-то наваждение! И чтобы уйти от него, Марина стала думать о Санче.

— Я хочу быть с ним, а он всё уходит и уходит, — пожаловалась Марина и прямо-таки сокрушённо вздохнула.

— Уж такая у них доля, — пожалела Марпа, но не Марину.

— У кого?

— У мужчин. Уйдут и жди. Птичка не прилетит, не принесёт весть. Вот и мается баба. Такая доля у неё — ждать. Я ведь тоже замужем была, милая. Уйдёт мой в тайгу, месяц его нет. Жив, не жив? Может, медведь помял, может, леший водит, а то голая женщина заманила.

— Что за голая женщина?

— Мерещится иной раз. Говорят, на жену похожая. Ну, нечистая сила, конечно. Кто ещё? Зовёт за собой, сама уходит, а там дальше — болото. Случай-то были, уйдёт в тайгу мужик и не вернётся. Мужикам-то ведь тяжело приходится. Их жалеть надо.

— А я всегда хочу быть с ним вместе, — капризно заявила Марина.

— Кто ж не хочет? — вздохнула Марпа.

Подозрительным показался Марине бабкин вздох, уж больно живым что ли, сердечным.

— А муж давно умер? — осторожно спросила Марина.

— Ой, давно, милая! — слабо махнула рукой Марина.

И на этот раз не было в её голосе сожаления. Значит, не о муже она вздохнула. Как бы это исхитриться и выведать, о ком это баба Марпа подумала, что вздох вырвался. Спросить прямо Марина не смела, не ровесница сидит рядом, не подружка, а пожилая женщина. Неловким-то вопросом можно и обидеть. К тому же подозрение, может, возникло на пустом месте.

Хоть Марина и была юной, однако по природе-то женщиной, и чутьё на любовь имела остренькое. Она заметила, как лицо Марпы светлело, когда она говорила о Матвее. А вспоминала она его часто. Но ни одного лишнего слова не сказала, конечно. Однако отчего-то ж на лице возникал свет? Просто так что ли, без причины? Что-то не верилось.

К тому часу Марина уже знала, что Матвея Мезенцева охотники нашли в тайге таким ослабшим, что жизнь в нём еле теплилась. Знахарка Марпа выходила полуживого, буквально вытащила с того света. Тогда Харла пришёл в её дом, чтобы посмотреть на чужака. Он один мог решить, оставить в селенье пришельца или отвезти к ближнему жилью на оленей упряжке, как выздоравливает, но чтобы обратной дороги не запомнил. Но Харла признал в больном отца Ульяны и оказался в затруднительном положении.

С одной стороны, тун опасался чужаков. А с другой стороны, какой он чужак, если отцом приходится женщине, которая родила ему сына. Харла рассудил так, что никакого вреда никому не будет от человека, который всего-то и хочет знать, как люди живут. И позволил остаться.

А Марпа была очень довольна, что так всё сложилось. Сама себе объясняла это тем, что нездоров был пришелец, коль не вылечить, так обязательно без ног останется. А чтобы ноги исцелились, время нужно. При этом сама же и не верила своим объяснениям, потому что больно уж тянуло ходить за больным, слушать его да отвечать, и слишком часто чего-то смеяться стала. Вот зачерпнула деревянной бадейкой воды из озера с лодки, да загляделась на своё зыбкое отражение с каким-то особым интересом. А увидев уже в спокойной воде счастливые свои глаза, со смехом выпрямлялась, потом несла бадейки на коромысле, а улыбку никак не унять было. Раньше вроде не бывала такой глупой.

В ту пору Марпа состояла в самых лучших бабьих годах. И замечала же, как мужики охотно с ней разговаривали. Но вдовы в селении дважды не выходили замуж, не принято было. Вроде никакого запрета не существовало, но так повелось с каких-то пор, и нарушать обычай никто не решался. Возможно, причиной тому служило поверье, что умершие мужья ждут своих жён на том свете.

Кстати, Марпа толковала Марине, что смерти как таковой вообще нет в природе. Правда, плохим людям хорошего ждать не приходится от этой вечной жизни.

— Уж лучше не быть плохим человеком. Правда же, Надея?

Ведь как худо ворам приходится там, страшно подумать. Что наворовал в земной жизни, таскай на себе. Вот как строго там. Ладно, если весло стащил. А если лодку своровал? Так вот и волоки на себе, коли куда пошёл. Потому люди не воруют. Никому не хочется, к примеру, таскать на горбу чужого оленя.

— Верно же, Надея?

А если человек правильно жил, мужик он или баба — неважно, от ближних навсегда не уходит. Они живут где-то неподалёку, умершие. «Кулэма» называют их. Только не надо о них забывать. Тогда они даже и помогают живым. Вот случай был, умерла при родах мать. А ребёнок остался. И кормящих-то баб не было других. Но смотрит родня, а мальчик сытый, весёлый, здоровый растёт. А это умершая мать приходила по ночам и кормила грудью.

— Вот ведь как бывает, Надея!

А то ещё случай был, говорят. Не теперь, а давно когда-то. Осталась молодая вдова бездетной. И родных нет никого. Ни отца, ни матери, ни сестры, ни брата. Вот и мыкай одинокую долю свою. Но умерший муж пожалел жену. Ночью пришёл, будто с охоты вернулся. Жена его покормила, поговорили по-хорошему. И остался он до утра. Вот вдова-то и родила сына, нарадоваться не могла.

— Что ты улыбаешься, Надея? Не веришь что ли?

Но Марина не стала отвечать, а прижалась лицом к плечу Марпы, обняв её за шею.

— Как же можно не верить, если это так? — недоумевала Марпа.

— Да нет, — сказала Марина. — Я о другом подумала.

— О чём? Скажи-ка.

— А тебя он ждёт? — спросила хитрая Марина.

— Кто? — растерялась Марпа.

Вот и попалась! Всё-таки Марина изловчилась выведать бабкину тайну. Вот же молодец! На этот раз баба Марпа выдала себя с головой. Она о муже в эту минуту даже не вспомнила. Это сразу понятно стало Марине. А подумала она о Матвее. Поэтому так растерялась — кто? Разве не ясно? Чего бы это вдова стала спрашивать, кто её ждёт?

А Марпа от этого каверзного вопроса Марине прямо-таки внутренне опешила, впервые подумав, что не мог о ней забыть муж, а это означает, что ждёт, но во сне — она встречается с Матвеем. Как же будет? А поскольку Марпа терпеть не могла неясности, то подумала о семи небесах, сотворённых Еном. Ведь только седьмое небо сам занимает. А зачем сотворил ещё шесть небес? Для кого? И очень может быть, что умершие со временем поднимаются всё выше, всё дальше удаляются от живых, в конце концов, становясь недосягаемыми. Муж-то ведь давно умер. На каком он теперь небе? А Матвей не мог от Марпы далеко удалиться.

Во сне говорил Марпе, что там у них старости нет, там все молодые... Зачем он это говорил? Просто так что ли? От нечего сказать? Да нет, какую-то надежду давал. Значит, дождётся на первом небе. А уже выше вместе пойдут.

Марина заметила, что Марпа очень немного говорит о главном, о Зарни Ань. А почему? Вот и спросила.

- Попусту беспокоить нельзя, — тихим вкрадчивым голосом ответила Марпа.
- Не одни же мы с тобой у неё. Забот-то хватает. Зачем мешать?
- А если я чего-то хочу попросить?
- Так она не знает что ли, чего ты хочешь? Знает, милая, лучше тебя знает.
- Хорошо бы...
- Только нельзя людям забывать одного.
- Чего же?
- Пока Зарни Ань не покинет нас, — сообщила Марпа, — будем жить.
- А если покинет?
- Все и помрём.
- Ну, почему же?
- Да как почему? Уйдут из леса звери, опустеет озеро, грибы-ягоды перестанут расти... Что кушать-то?
- А почему она может вас покинуть?

Причиной тому могло быть только одно — поведение людей. Непослушный ребёнок родную мать доводит до слёз. А если взрослые люди будут вести себя, как кому хочется, то почему Мать-Земля должна терпеть? А ведь Зарни Ань кто? Олицетворение Матери-Земли.

Марина так же уверенно хотела бы чувствовать себя в понятной действительности, в которой невозможно заблудиться. Но всё-таки не хватало Марине неприворной природной фантазии, их вытеснили из её разума книжные знания. Даже печально было, что никогда она не примет умом бабкины представления о мире.

Куда проще было разобраться в том, что же было у них с Матвеем. Зачем он её русскому языку учил? Сам-то же знал зырянский. И говорили бы на своём. Так нет, им надо, чтобы никто вокруг не понимал, о чём они секретничают. Да и учёба та — хороший повод для встреч. Большие подозрения возникли в головке Марине и уж в покое не оставят, знала она свою женскую натуру. Но и то знала, что баба Марпа свою тайну не раскроет.

И тут просто гениальная мысль пришла в голову Марине. Она вспомнила о рукописной книге Матвея Мезенцева. А ведь там уж непременно есть о Марпе. Не может не быть, если между ними что-то было.

Ну, неужели не чувствует Санча, как он тут нужен? Кто ей почитает? Страсть как хочется послушать о любви. А что о любви там написано, уже не сомневалась Надея.

Глава 9

Как ни спешил, а не успел Харла перетаскать в нужном количестве пороху из одной пещеры в другую, а именно в ту, где находился колокол. Всё-таки не было прежних сил и ловкости. За этой не бойкой работой застал его Санча и затею деда, конечно же, сразу понял. От взрыва своды рухнут, и пещера исчезнет вместе с колоколом. Видать, ничего лучшего дед не придумал.

Харла понимал, что бороться бесполезно, не справится он с внуком, потому

отошёл к колоколу, сел на пол и обречённо склонил седую голову. Санча подошёл к деду и опустился рядом.

Так они посидели с минуты, не проронив ни слова. Потом, полностью успокоившись, Санча пристыдил деда:

— Это же не детская игра. С порохом! Если бы сам подорвался?

Дед молчал, не поднимая взгляда, сидел с омертвевым лицом, словно в нём всякий интерес пропал к человеческому слову.

— Не поймут тебя люди, — пожалел деда Санча.

А Харла усмехнулся. Теперь он поглядел на внука с высоким превосходством в глазах, один зная главный секрет. Санча смотрел на него, чувствуя, что никогда так не любил деда. Ведь явно шёл на собственную смерть ради сородичей.

— Поняли бы, — сказал Харла.

Санча задел его самолюбие.

— Сами увидели бы, — добавил Харла.

— Что увидели бы?

— Как вознеслась бы...

Теперь Санча умолк, опустив голову. Такого поворота не ожидал.

— Дед Матвей что ли? — после молчания спросил Санча.

— Чего Матвей?

— Подсказал?

— Да когда он умер! — обиженно сказал Харла. — Сам я...

— Но слышал-то от него?

— Что слышал?

— О том, как распяли... Да? А Он воскрес и вознёсся. Так?

— Может, что и говорил.

— С вознесением ты ловко, дед. Молодец! Я не додумался бы.

— Чего помешал?

— Не до конца продумал, дед. Упустил кое-что.

— Что упустил?

— Вот люди увидели, как в огне вознеслась Зарни Ань... И что? Спокойно по домам разошлись?

Харла на это не знал, что ответить, об этом он и на самом деле не подумал.

— А ты не слышал, что говорит баба Марпа? — спросил Санча.

— Много чего она говорит, — осторожно произнёс Харла.

— Если Зарни Ань покинет нас, будет конец света.

— Да слышал я, слышал! — недовольно отмахнулся Харла.

— И что скажешь? Люди-то ведь так же думают, как она.

И что случится на самом деле? Людей охватит страх. Это уж безусловно, это уж так и будет. Разве ж можно оставаться спокойным перед концом света, который наступит не когда-то в отдалённом будущем, а начнётся в нынешний день?

Когда внук заговорил о том, как могут повести себя люди, лицо Харлы переменилось, в глазах испуг появился. Он вспомнил, как подростком, не помня себя, спустился с гор, как бежал до родного селища, чуть не надорвав сердце, и не нашёл своего дома, в котором жили его родители, братья и сёстры. На том месте была яма, и услышал он стон, донёсшийся из-под земли. Но, может, почудилось...

Тихо было, в одночасье замерла жизнь, которая тут кипела не один век. Над вершинами гор уносилась вдаль железная птица.

И теперь старый Харла понял, что всё на земле устойчиво, зима с летом не поменяется местами, деревья корнями вверх не будут расти, не рухнут небеса, от природы чудес не приходится ждать, а от людей можно — чего угодно. Если однажды случилось, почему не повторится в другой раз. Или вера людей ослабла? У Марпы что ли?...

Как-то на глазах сник Харла, лицом осунулся, глаза потухли. Санча помог ему подняться на ноги и повёл впереди себя, поддерживая за локти. Харла безразлично подчинялся. С тем же безучастием Харла позволил внуку уложить себя на твёрдое ложе. При свете керосиновой лампы бледное, осунувшееся лицо деда встревожило Санчу. Но Харла слабо улыбнулся и сказал:

- Не бойся, не помираю.
- Так ли, дед? — заботливо дотронулсь до его плеча Санча.
- Так, так. Иди.

Надо бы спустить его в долину и отдать в руки бабки Марпы, чтобы травяными отварами укрепила тело, а словами дух, но дед на это не пойдёт. Санча и уговаривать не стал, дело напрасное. Посидел возле деда при слабом свете керосиновой лампы, постарался разговорами отвлечь от безвыходных мыслей, но Харла упросил оставить его. Договорились так, что два дня Санча ничего предпринимать не будет, а дед соберётся духом. Не так ему легко согласиться с тем, что предлагает внук. А через два дня встретятся, и дед скажет свою волю.

Санча уходил со спокойной душой, потому что верилось ему, что дед ещё крепок, оклемается, и трезвым, не вертлявым умом своим поймёт, что ложь нельзя оставлять, как валун на дороге, ничего хорошего от этого не будет.

А как спускался с горы по крутыму склону, заросшему берёзами, которые по ходу с карликового роста становились всё выше и всё величавей, задумался Санча о том, что теперь всё от него зависит. Когда-то пришёл на земли далёких предков проповедник Стефан, жёг деревянные идолы, изгоняя из людских душ темень и вселяя свет, и был истов в делах, потому что верил в свою правоту настолько, что мог за веру в огонь пойти. А Санча? Была ли в нём та же сила духа?

И усомнился.

Ему нравилась вера, которую прадед Матвей называл православием. Но сможет ли Санча убедить людей в той вере, как Стефан? Если бы слов не хватило и осталось поступком доказать, шагнул бы в пламя?

И снова усомнился.

Так что он может дать людям, отобрав у них Зарни Ань?

С этой растерянностью Санча подходил к селению и на опушке леса увидел поломанные деревца и вырванную с корнем ёлку. Тут и гадать было нечего о том, кто это мог сделать. Опять Ягса был рядом с людским жильём. Чего повадился? Что ему надо от людей?

На полянке возле дома Марина учila детей прыгать через скакалку. У неё это получалось ловко, а дети путались ногами в бечёвке, но были упорны и старательны. Плотной стайкой стояли соседские мальчишки и девчонки, ещё сильно стесняясь, но уходить им явно не хотелось. Увидев Санчу, Марина забыла

обо всём и подбежала к нему. Глаза её светились детской радостью. Но Санча в большом беспокойстве спросил:

— Ничего не случилось... тут без меня?

Марина не ответила словами, а замотала головой, да так старательно, что Санча тут же и понял, что скрытничает. Он не стал мучить Марину. Скорее всего, Марпа запретила ей говорить. В глазах-то вон сколько смятения!

— Буду с тобой, — сказал Санча и добавил: — У меня целых два дня.

От радости Марина не удержалась, обняла Санчу и поцеловала в щёку. Ели бы она оглянулась, то поразилась бы распахнутым глазам детишек. При них родители никогда не целовались, не принято было. Тем более, чтобы девушка сама первая. Это было непостижимо! Но так интересно...

Марпа, как обычно, была занята работой, подметала пол. Санча остановился рядом. Она выпрямилась, уже догадываясь, о чём спросит.

— Не ты ёлку вырвала? — шутливо спросил Санча. — С корнями?

Что уж толку вилять да хитрить, раз видел и знает, что Ягса приходил.

— Где она была?

— Кто?

Догадалась, о ком спрашивает, но не готова была ответить.

— Надея что ли? — тянула Марпа.

— Только не придумывай. Хорошо? Я знать хочу. Понимаешь?

— Да буду я тебе придумывать. Что уж я такая придумщица что ли? Ну, приходил, приходил. Да я отогнала. Сказала — иди, иди.

— Я что спросил, бабушка? Она-то где была?

— Да спала я, старая! Ну, что ты будешь делать?! А она пошла на берег, Надея...

— Одна?

— Говорю — вздремнула.

— Что она там делала?

— В лодке сидела. Печалилась, может. Без тебя. Я так думаю.

— А его где ты увидела?

— На берегу сидел.

— Возле лодки?

— Да я тут же прибежала. Будто кто меня в бок толкнул.

— Будто кто, — проворчал Санча и дальше не стал разговаривать, а вышел из дома.

Конечно, Марпа уже не стала упускать его из виду, мало чего натворит сгоряча. А что — примерно догадывалась. Санча не стал задерживаться с Мариной, которая отвлеклась от детей и с ожиданием уставилась на него, но он только приветливо махнул рукой и прошёл мимо в сторону озера. Марпа уже знала, что там нынче Ош Пель смолил лодку, плоскодонную шнягу, а помогали ему три сына, которые приходились друзьями Санчи, больше младший — одногодок. Но братья так крепко держались родства, в таком согласии жили, что друг одного становился другом и остальных. Тем более, что старший отличался годами не очень-то и сильно. Жена Ош Пеля родила сыновей подряд, а потом девки пошли, пятеро их и тоже меж собой ладят, хотя одни — в мать, другие — в отца, одни чисто сороки стрекочут без умолку, у других слова не выжать. Но голова Ош Пеля от стрекотни

жене не болит, а та его и без слов понимает. Сошлись характерами, как вода и берег.

Осторожная Марпа только проследила, куда Санча ушёл, а не последовала за ним, в мужской разговор вмешиваться ей не подобало. Мужики жёнами дорожили, но бабьему уму не доверяли. А женщины и не обижались на это, признавая преимущество мужчин во всём. Понимали, как тяжело без мужика, без кормильца. Так что Марпа осталась возле дома, устроилась на лавке и стала оленью спинную жилу делить на нити, которыми и шьётся всё — малицы, пимы, тобоки.

Лодка — шняга — тоже была шита из трёх досок, днище да борта, только не жилами, конечно, а кедровыми корнями, гибкими и прочными. Швы надо было замазать варом. Тем и занимались сыновья Ош Пеля во главе с отцом. В чёрном кotle, будто взятом из ада напрокат, варила смола, пузырилась и булькала. Длинной палкой с паклей на конце, как кистью, Ош Пель горячим варом замазывал стыки бортов с днищем. Вар быстро остывал, и один из сыновей раскалённой кочергой выравнивал швы, чтобы не было даже малой течи. Двое других следили за костром и были на подмене. Звали их — Як, Педь да Кэсъта.

— Помочь пришёл? — продолжая смолить и глотая чадный дым, спросил Ош Пель.

— Да вроде хватает у тебя подмоги, — ответил Санча.

— Тогда не знаю, чего пришёл.

— А так нельзя?

— Можно, если делать нечего.

Можно было подумать, что Ош Пель осуждает безделье, а на самом деле он так шутил. На много не хватило говорливости, и он сделал вид, чтошибко занят, не до болтовни.

— Мне бы помогли, — сказал Санча.

— Чем? — быстро отозвался Кэсъта, ровесник Санчи.

— Ягса приходил, — сообщил Санча. — Кружит чего-то рядом.

— Худо, — отозвался Ош Пель.

— Унесёт твою куколку, — засмеялся старший из братьев по имени Як.

Был он известный насмешник, зубоскал из тех, чьи языки острее шила.

— А если твою? — предположил Санча. — Моя на вид девчушка. А твоя вон какая рослая да сдобрая. Как раз пара.

— Ну, ты не болтай!

— Я не болтаю. Зря Ягса не приходит к жилью.

— Это верно, — согласился Ош Пель. — Зря не приходит.

От работы отвлечься не было возможности, вар в кotle кипел, надо было шевелиться, поспешать. Но и весть о Ягсе явно встревожила братьев, да и самого Ош Пеля.

— Кого-то из наших баб утащит, — подбросил тревоги Санча.

Братья, конечно, прежде всего, о своих жёнах подумали. Терять своих разлюбезных подруг не хотелось, и дело было не только в собственных щекотливых интересах, а не представлялось, каково детям будет без матери. Каково самой женщине будет, как-то сразу и не пришло в голову никому.

— Так что делать? — спросил Кэсъта. — Говори.

— Надо пойти по следу, — сказал Санча.

— Не управитесь, — бросил Ош Пель. — Отец рассказывал, повадился тоже. Хоть бы одну уволок, а то ж таскал, как лиса кур. То ли много там было, женихов-то этих, лохматых. То ли мало было ему одной.

— Да что, своих что ли нет? — возмутился Педь, мужик скорый на вспышку, как порох.

— Ну, как нет? — рассудил неспешный Ош Пель. — Есть, само собой. Так ведь чужие-то бабы заманчивей.

— Ну, ты это брось, отец, — не согласился молодой Кэсъта. — Мне чужую не надо.

Ош Пель молчал, сунув в огонь конец кочерги, чтоб раскалить докрасна.

— Ну, так что? — спросил нетерпеливый Педь. — Повадился, а дальше.

— Что, что? — вернулся к лодке Ош Пель. — Пошли мужики. С луками, с вилами, с дрекольем.

И опять замолк Ош Пель, делая вид, что работой занят.

— И что? — торопил Педь.

— Калеками вернулись из тайги. Хорошо хоть живыми оставил. А то мог головы оторвать и на деревья забросить.

— Так это в старину, — беспечно бросил Кэсъта, молодой, оттого бесшабашный. — Тогда ружей не было.

— Не пойдёте, один пойду, — сказал Санча, не желая, чтобы разговор длился, длился, да и не привёл ни к чему.

— Один? — не поверил Як. — Хотел бы я посмотреть!

— Ты смотри, а я пойду с ним, — заявил Кэсъта.

Средний брат Педь стоял и моргал глазами, вид его был испуганный. Но вовсе не за себя страшился. Это он своим живым и хлопотливым умом представил, как Ягса несёт на руках его жену, белотелую да полногрудую, такую мягкую да сладкую, от которой в минуты близости Педь дурел. И это дурное состояние ему очень нравилось.

— И я пойду, — сказал Педь.

— К берёзовой роще подходите, — велел Санча и двинулся к дому, а те остались закончить работу.

Когда он взял ружьё и опоясался патронташем, в дом вбежала Марина с детьми. И не надоедает же с ними возиться!

— Уже опять собрался, — удивилась Марина. — А сам говорил!

— Я быстро.

Марта сидела на своей низкой табуретке у входа и вязала ребячни носки. За приготовлениями Санчи следила спокойно. Потом отложила работу и вышла на улицу. Когда друзья сошлись у берёзовой рощи и Санча повёл их к тому месту, где Ягса поломал берёзки и вырвал с корнем ёлку, чтобы дальше идти по следу, то там оказалась Марпа. В руке она держала хворостинку.

— Вы что, мухоморов наелись? — встала она перед ними со жгучим оружием в руке. — А ну, убирайтесь домой!

— Да что ты, бабушка? — удивился Санча. — Ведь знаешь, на кого идём. Сама же видела — приходит и приходит.

— Думаешь, добром кончится? — раздражённо встрял нетерпеливый Педь.

Как дети малые, не разумные. С ружьями пошли на Лешего. Да смех один!

Стрелять они будут! А Ягса обернётся камнем и возьми его. Или обратится в тень и будет у ног охотников извиваться, изгалляясь. Руби, секи, топчи, стреляй... Что толку? Как с тенью управишься? А сам Ягса в это время на дереве сидеть будет, да орехи грызть. Потом ещё и накажет — ни в один самолов ни один зверь не попадёт. Тот же лис, к примеру, по-собачьи поможет ловушку, да мимо пробежит. У Лешего каждый заячий хвост на учёте.

Но не стала баба Марпа повторять истины, которые все знают. Да и не то занимало сердце женщины. Не от позора хотела оградить ребят. А огорчало её то, что они с такой лёгкостью пошли убивать.

Вот она и шагнула навстречу героям. Педь с опаской уставился на хворостинку. Марпу все уважали, и бабы, и мужики, и старики, и дети. Конечно, в глаза никто не говорил, да и заглазно не судачили, но все про себя думали, что старуха не может не быть колдуньей. Порчу выводит. Это что? Простому человеку под силу? Были уверены, что дурного никому не сделает баба Марпа, для этого нет у неё зла, но всё-таки боязно человеку перед колдовской силой. Вот и Педь застыл с открытым ртом. Летела бы мимо глупая птичка, залетела бы, приняв за дупло.

— Жить хочешь? — спросила бабка.

Педь только кивнул, чтобы не заметили робость по голосу.

— А он не хочет?

— Кто?

— Кого убивать собрался?

— Да я это... Да мы того...

Сказать нечего Педю, вот и лепечет несвязные слова. Як молчит, но нет привычной усмешки на лице. И Кэсьта потупился. Один Санча открыто смотрит на неё. Он-то свою бабку лучше знает, вот и понять хочет, отчего так встревожилась. Чего-то вроде не договаривает.

А так и было. Не могла Марпа сказать Санче о своей догадке. По её прикидкам очень похоже, что Ягсу человеческая женщина родила. Ум не вовсе дремучий, слова помнит, а то и душа в нём живая. Вот и мается, бедный. Никто же не знает, зачем Ягса приходил. Может, тоска из лесу привела? Может, его к людям тянет? А если у Санчи в жилах-то с ним родственная кровь? Как можно на убийство идти?

Разумней будет всех четверых, давно не поротых, хворостиной постегать, вот и уймутся. Баба Марпа так и поступила. Пришлось горе-охотникам пойти на попятную, не бороться же со старухой?

— Ладно, — заявил Санча, отступая, — ещё раз заявится, пусть пеняет на себя.

Друзья согласились с ним.

— Ты уже вернулся? — обрадовалась Марина, увидев Санчу с бабой Марпой.

— Охоту отложил, иду на рыбалку, — ответил Санча, ставя ружьё на место. — Пойдёшь со мной?

Взяв на раздумье два дня, Харла не лежал лежмя, не смотрел на потолок и думал, а очень даже резво действовал. Прежде всего, поговорил с Опонько. Тот признался под настоянием, что Каля действительно метит его в главные туны. Однако не говорит, почему это его устраивает. Значит, Опонько не знал до конца планы Кали. Тогда Харла захотел потолковать с самим Калей, чтобы выяснить его намерения. А тому как раз того же хотелось — потолковать с Харлой.

Вот и вышло так, что лучше некуда, главный тун сам пригласил, а не пришлось Кале навязываться.

— Можешь не врать? — спросил старый тун Калю, когда тот с приятелем прошёл в келью и сел на лавку.

— Могу, — ответил Каля, глядя на Харлу незамутнёнными глазами.

С этого и начался разговор. Каля и впрямь толковал искренне о том, что вера не должна быть тронутой сомнениями, что ничего нельзя менять в жизни народа, а чтобы всё оставалось, как было вчера и многие века назад. Он же прямо-таки словами самого Харлы рассуждал. Так что в отношении веры пришли они к полному взаимному пониманию. Единственно, о чём Каля умолчал, так о том, что всеми делами править будет он. Но кому нужны эти мелкие подробности?

А Харлу в эти минуты занимала другая забота. Он понимал, что внук всё равно откроет правду о Зарни Ань. Не сегодня, так через два дня Каля и Опонько узнают, что хоронится в пещере. Опонько не в учёте, а как это воспримет Каля? И Харла спросил:

— Если открою тайну, сохраните?

Опонько сразу любопытством загорелся:

— Какую?

А Каля смотрел спокойно и непреклонно, к любой новости готовый.

— Если нет Зарни Ань?

— Как нет? — испугался Опонько.

— А так вот нет и всё. И никогда не было.

— Фигуры что ли? — догадался Каля.

Харла кивнул. И те слова, что далее сказал Каля, убедили окончательно главного туна, что всё может сложиться так, как того он хотел. А Каля сказал:

— В умах-то есть.

Эти слова пробудили надежду в душе главного туна, будто кто опору дал падающему. И смотрел Харла на Калю уже без всякой неприязни. Даже вспомнились ему слова Марты, что обличье человеку может и Омоль дать, а душу — только Бог.

Глава 10

Вообще-то, Санча хотел с Мариной на лодке выплыть на середину озера и поудить рыбу на донку с десятью крючками с наживой. Если полдня побудут, наловят на ужин. Но Марина поманила Санчу на улицу и таинственно сообщила, что ей вовсе не до рыбалки, а единственное хочет она, чтобы он почитал книгу своего прадеда Матвея. Санча сказал, что рукопись он отнёс в скит, где хранятся все книги.

— Это далеко? — спросила Марина.

— Не очень.

— Идём, — заявила Марина и взяла его за руку.

Собственно, разницы для Санчи не было, куда пойти, главное — побывать наедине с Мариной эти два дня. А то неловко как-то получается, привёз в гости, а всё своими делами занят. И очень она кстати напомнила о ските. В свой последний

приход Санча забыл скобой запереть дверь, как бы медведь не похозяйничал. Предупредив Марпу и прихватив еды, они пошли. И уже через какое-то недолгое время оказались перед избушкой в сосновом лесу. Продолговатое строение под замшелой двускатной крышей скорее напоминало склеп, чем жильё. Но это нисколько не смущило Марину, так уж ей понадобилось чего-то узнать.

— А в этой книге есть о бабе Марпе? — спросила Марина, остановившись у порога.

— В последней главе, — сказал Санча.

— Вот и прочитай мне последнюю главу.

Никак он не мог понять её нетерпеливости, будто ей прямо-таки невмоготу стало без этой последней главы. Но Санча ничего не стал выяснять, а покорился.

Внутри помещения оказалось довольно уютно и чисто, широкий, наполовину комнатки лежак был накрыт рядном, большая пуховая подушка обозначала изголовье. Марина сбросила сапожки, забралась на кровать и ловко устроилась, подобрав под себя ноги.

— Садись, — нетерпеливо похлопала она ладошкой рядом с собой. — И читай.

Санча молча исполнил её каприз и стал без запинки переводить знакомый ему текст.

Из рукописной книги Матвея Мезенцева:

«О людях, что жили отшельнически в стороне от мира, я знал с детских лет со слов матери. Она была верующей, что не одобрялось в советское время, но её вера была не показной, не вызывающей, а глубинной и чистой, изнутри укрепляющей её добрую отзывчивую натуру, потому никого не раздражала. Вместо сказок она мне, малому и любознательному, рассказывала о том, как пришёл на нашу родную коми-зырянскую землю проповедник Стефан и стал вразумлять наивных язычников. Сумел он обратить в христианскую веру множество народа, но малая часть даже и слушать его не стала, а ушла на восток, в сторону Урала, чтобы скрыться за высокими горами в дремучих лесах.

— Они ушли от Христа, — жалела их мать, как будто были то близкие родственники, будто с тех пор не миновало шесть столетий. — Как они там?

Но уже в юности, будучи по какому-то делу в Ухте, я оказался в одном гостиничном номере с говорливым и заядлым туристом, который поведал мне, что где-то в верховьях Сыни-реки, левого притока Оби, в недоступных таёжных дебрях Приуралья потаённо живут люди, которые поклоняются Золотой бабе. Рассказчик с друзьями пытался выйти к тем людям, но болота не удалось одолеть, да и местные ханты сильно пугали, мол, лучше не искать с теми отшельниками встречи, нашлют бед, не возрадуешься. У них там могучие колдуны — страсть одна!

В институте я увлёкся историей своего народа, его культурой и мифологией, а мысли об ушедших за Урал не оставляли меня. Что с ними стало, растворились в местных народностях или сохранили свою самобытность — всё это занимало меня всё больше и настойчивей.

И случай выпал... Его подкинула недобрая судьба моя.

Не хочу вспоминать лагерную жизнь, потому что случилось тогда во мне горькое разочарование в людях. Сколько же в них зла! Меня держали за колючей

проводкой, охраняли с собаками, издевались, били, запирали в ледяной карцер. Но я понимал, что мучители мои оттого лютуют, что им самим плохо, что жизнь их бессмысленна, что доля собачья. Всё свирепое зло они вымешали на нас, на «врагах народа», считая их повинными в собственном несчастье. И тогда мне стало думаться, что миром правит обман, что нет выхода из этого заклятого круга, в котором люди звереют всё больше и больше.

Я мог неизлечимо заболеть душой, но когда мне бывало отчаянно плохо, я мысленно видел страдающие маминые глаза, и в них ту боль, которая была куда выше моей боли, и потому старался крепиться, старался улыбнуться, и опять же мысленно, не имея другой возможности, уверял маму, что всё обойдётся, всё пройдёт, выживу, выдержу, устою.

Сбежав с лесосеки, я попал к людям, которые жили тяжёлой колхозной жизнью, но были вполне довольны, не зная и даже не представляя другого существования. Среди них я снова услышал о таинственных отшельниках, о которых в этих краях ходили стойкие слухи. Кому-то из охотников даже приходилось натыкаться на них в тайге, но лесные люди избегали встреч. Меня волновало одно — они где-то рядом.

Я твёрдо памятовал жалостливые слова мамы: «Они ушли от Христа». И более всего в жизни хотел встречи с ними. Меня занимала мысль, что я окажусь среди своего народа, каким он был шестьсот лет назад. Всё-таки жила во мне научная жилка.

И я попал к таёжным отшельникам, правда, чуть было не погибнув в пути. Случайно два рыбака наткнулись на меня, уже беспамятного. И когда я открыл глаза, то увидел над собой лицо ещё молодой, лет тридцати пяти женщины. Сходство с маминым обликом поразило меня. Но мамы не было уже на свете, не она склонилась надо мной.

Так пришла в мою жизнь Марпа, с которой началось для меня новое летоисчисление, и пишу я об этом без ложного пафоса. Так оно и было в моём духовном становлении. Будто я стоял возле зашторенного окна в полумраке, а она подошла и рассмеялась безобидно: «Ну, чего ты стоишь, кулёма?» Да и распахнула занавесы. А за ними оказался такой пёстрый, такой праздничный мир, что дух захватило. И так я тому обрадовался, что слёзы выступили.

Это я так образно представляю начало нашего знакомства. А внешне всё складывалось буднично. Я больной, она знахарка. Она меня лечила травяными отварами да медвежьим жиром, тихими словами да прикосновениями милых своих рук. А я чуть прикидывался, что хвори не отпускают. Она по глазам видела, что лукавлю, но только усмехалась, да лечила дальше.

Призналась она как-то, что мать её называла иначе, а не Марпой. С тех пор стала она для меня Туюной. В те дни выздоровления она занимала меня всякими рассказами, и поначалу я принимал её притчи за небылицы, которыми детей развлекают, но постепенно стал относиться внимательней, а потом и вообще серьёзно.

Говорила она о необычных случаях, но с таким видом, будто речь шла о таком привычном, что и удивляться не стоит. А на самом деле — о чём? Какая-то неопрятная хозяйка в озеро помои выплеснула, так ведь упала с мостком и захлебнулась. И кто-то видел, что это водяной из воды высунул руку и стянул бабу за левую ногу. Почему за левую?

Васа — водяной этот — такой придирчивый тип, что лучше о нём не забывать, если оказался на воде. Мужики поехали рыбачить на одной лодке, да по дороге разругались. Когда забрасывали невод, разные сердитые слова выкрикивали, никак успокоиться не могли. Так что получилось? Вытащили невод, а он весь в ключья разорван. Кто это сделал? Васа, конечно. Мужики спохватились, да поздно было, кусай, не кусай локти, а слова-то уже вылетели. Вернулись домой с пустыми руками, да ещё от своих баб получили. Детей чем кормить?

А уж о кикиморе можно столько рассказывать, что дня не хватит. Если Васа себя хозяином ведёт, порядок соблюдает, то эта вертихвостка только и норовит сделать какую-нибудь пакость. Не возлюбит кого из баб, так ведь покоя не даст. У той всё из рук валится, всё идёт кувырком, на ровном месте спотыкается, в печке огонь не может развести, молоко цедит мимо подойника. Мужиков кикимора как-то побаивается, те могут и по шее дать, а то шутки ради лапать начинают, она же страсть как не любит фамильярности. Когда сама изгаяется, так это ей по сердцу, а над собой шуток не терпит. Такая у неё натура в целом.

Не меньше капризов у Пывсян айки, самозваной хозяйки бани. Тоже своих правил строго придерживается. Собрался человек в баню, должен испросить дозволения попариться. А если забыл, так больше в саже вымажется — баня-то по-чёрному, — чем помоется, а веник уж обязательно в голик превратится. Детей опять же нельзя в бане одних оставлять, хозяюшко подменит запросто. А ночью вообще опасно заходить туда, может замучить до смерти. Правда, не тронет, если принести немного еды с водичкой. Печёные кедровые шишки очень любят.

Лес, поле, река, озеро, жилище — повсюду хозяйствуют духи, и человеку надо ладить с ними, иначе нигде и ни в чём не повезёт. Помнить надо, что люди на земле не одни живут. Ен разделил богатства лесов, рек и озёр между людьми и духами. А то как жить было бы духам, если бы всё досталось только людям? Люди и духи обязаны находиться в согласии, считаться друг с другом, иначе всё пойдёт наперекосяк, и бед появится неисчислимно. Конечно, духи не сильно-то церемонятся, когда им надо загубить человека. Поэтому и называют их нечистой силой. А что им делать, если человек, к примеру, им жить мешает? Самого-то человека потесни, так тоже огрызаться будет.

Да люди сами себе немало вреда приносили прежде и теперь стараются. Сколько приходится матери с ребёнком возиться? Года три, не меньше, пока он на ноги встанет. Так же? А раньше дети, как олешки, с рождения ходили и говорить могли. Это было в те поры, когда небо находилось на расстоянии вытянутой руки. И вот одна какая-то чуха вытерла ребёнку блином зад и прилепила к небу. Разве же можно быть такой глупой? Небо обиделось и удалилось от земли. Вон теперь как высоко! А дети не бегают с первого дня. Что хорошего-то?

Слишком долго прикидываться больным я не мог, и так уже домашние с подозрением поглядывали на нас. Пришло подняться на ноги. Оставаться в этом доме не мог, и без меня народу было многовато. Узнал, что в трёх верстах под горой живёт схимник, пошёл поначалу из любопытства, а как увидел, что старец сильно уж плох, остался рядом, по соседству из жердей сложив чум и накрыв олеными шкурами.

Кто он был и откуда этот похожий на живую мумию Лука, мне так и не удалось выяснить. Может быть, тоже был беглым человеком вроде меня, а то

потомственным старообрядцем, но суть была не в этом, а в том, что он полностью отрёкся от земной жизни и страданиями утончал душу, чтобы постичь неведомое, воочию увидеть то, что называем мы «небесными силами».

Мне потуги его казались напрасными, не так долг человеческий век, чтобы торопить время. Придёт срок, и увидим или не увидим. Третьего, как говорится, не дано. Однако удивился выражению его лица, однажды поутру обнаружив Луку мёртвым на пороге скита. Видимо, из каких-то последних сил он выполз на улицу, привалился к стене, повернувшись к востоку, откуда встаёт солнце, и будто от света утренней зари остался на его лице. Что-то и до, и после не видел я такого блаженного покоя на лицах покойников. Что ж ты узрел, Лука?

Похоронив старца, я вынес скучный скарб его, сжёг на костре, посчитав огонь очистительным, и оставил только икону Божьей матери с ребёнком, что висела в углу, потемневшая от времени, оттого сумрачно таинственная. Должно быть, молясь на этот образ, и мечтал дерзко Лука увидеть лик святой вживе.

Похоже на склеп жильё я по-своему обустроил, чтобы поселиться в нём. Как он обходился без очага? Я же в углу сложил из камней, скрепляя глиной, настоящий камин с дымоходом, стены из соснового кругляка осколили до белизны, глиняный пол устлал циновками и сколотил лежак из расколотых жердин, стараясь, чтобы плоскость была ровной. Потом настелил оленых шкур. И накрыться было чем, и подушка была пышной.

Я в селе многим камины поставил, лучше других варил из костей столярный клей, вёсла научился вытачивать, и главное — ловко раскрашивал лопасти, становились они яркими, как павлиньи хвосты. Многому научила жизнь, и был я не бесполезным человеком в селе, а за мои труды меня снабжали едой, какими-то вещами, ещё не старыми, хранители привозили одежду, краски, в общем, что попрошу. В этом отношении забот у меня не было, съят, одет, обут. В большой мир я выходил, но редко. Не тянуло меня туда, будто другим воздухом дышалось там, да и сами люди были мне скучны своими заботами. Ну, да Бог с ними! А нужда была изредка выезжать, чтобы книг закупить. Это же никому не доверишь. А Харла давал деньги, по-родственному.

В моих малых хоромах всего-то умещались лежак, столик у маленького окошка и полки с книгами, среди которых не было случайных. Между книгами и лежаком можно было пройти только боком. Впрочем, чего-то я уж больно подробно расписался о том, как устроился, а в этой главе собирался писать только о Туяне. А с другой стороны, сколько счастливого времени для нас с нею прошло в этой избушке!

В первый свой приход, запомнилось мне, Туяна с большим подозрением покосилась на книги, и на лице возникало недовольство. Я поинтересовался — с чего бы?

- Мешают они, — сказала Туяна и кончиками пальцев коснулась лба.
- Твоей голове мешают? — уточнил я.
- Да.
- Как они мешают?
- Шумят, — поморщилась она. — Не слышишь что ли?
- Как они шумят?
- Будто много голосов. Голова кружится. Уйду я.

Пришлось мне книжную полку убрать, книги сложить в углу у дверей и накрыть оленьими шкурами.

— Как теперь? — спросил я Туяну в следующий её приход.

— Меня не видят, молчат, — улыбнулась она.

Так и не понял я тогда, притворялась она ради забавы или впрямь слышала гул голосов, будто души, заключённые в книгах, взвывали к ней. В ту пору я ещё не знал, сколь много удивительного раскроется мне в этой женщине с глазами ребёнка. Только дети смотрят на мир с таким интересом. Но иногда в тех же глазах я видел мудрость весталки, пророчицы и невесть кого ещё, но только не обычной сельской бабы, безграмотной, обременённой житейскими заботами и не выходившей за видимую глазу округу.

В селении вообще никого не было, кто умел читать, потом уже я обучил грамоте моего правнука Элексана, и стало нас двое грамотеев. А так и отцы, и деды, и прадеды посельчан не знали ни одной буквы, даже и не видели книг, но нисколько по этому поводу не горевали. Не то, чтобы они чурались грамоты, просто о ней понятия не имели, а уклад жизни не выявлял нужды, отчего и буквы были ни к чему, как зайцу или лосю. В этом сравнении нет ничего унизительного для них, а только объяснение причины. И что уж тут удивительного? Все племена и народы проживали без письменности, пока не возникла в ней потребность.

Захотелось мне обучить Туяну читать, но из этого ничего не вышло. И долго я не понимал, почему она так чуралась книг. Русский язык освоила удивительно легко, ум её был цепкий, но буквы запоминать наотрез отказалась. И уж как только не уговаривал, а стояла на своём, даже пригрозила, что отвернётся и зваться не будет со мной. Уж этого я, конечно, не хотел. Однако поставил своей целью вызнать причину её упрямства и запасся терпением.

Всё своё досужее время я проводил с ней. У неё же досуга не выпадало, всегда была занята чем-то, шила, стирала, вязала, но руки при деле, а язык-то свободен. Вот я уже и рядом, уже и спрашиваю. Вопросов у меня много, она отвечает. Пошла за водой, я при ней. На бережку и постоим сколько-то, молча поглядим друг на друга. И я боюсь сказать, и она не может признаться. А уже знаем, что с нами. Но ведь и то я знаю, что в этом селении женщины не выходят замуж по второму и третьему разу. У мужа — одна женщина, у жены — один мужчина на веки вечные. И вдова считается замужем, и вдовец — женатым. Так уж принято.

Назад я полные вёдра несу, она рядом шагает, рассказывает. А я всё, что от неё узнал, вечером в своём ските при керосиновой лампе записываю в толстую книгу. Зачем? И понимаю, что всё ещё думаю о науке, готовлюсь диссертацию защитить. Потом приходит грустная мысль, что никакому научному синклиту не посмею показать свои записи, потому что выдам с потрохами милых мне отшельников. А ведь потребуют — докажи, что не вымысел. Наука не строится, мол, на пустых фантазиях.

И ухожу от этих мыслей, всё равно выхода нет, тушу лампу, ложусь на своё широкое ложе и в кромешной темноте думаю о Туяне. Я вижу её робкую улыбку на берегу озера, почему-то виноватый взгляд, я вспоминаю её доверчивое лицо, какие-то случайные прикосновения рук, голос, ласкающий сердце... И смешно мне со стороны смотреть на себя, влюблённого, и горько чувствовать своё одиночество.

Женщины селения по первой поре глаза свои пытливые чуть не иззвели, так уж следили за нами. Но видят, что не прячемся, одни разговоры ведём, и скучно им стало. Я же и других расспрашивал, что они помнят о прошлом, о предках своих, о пращурах. Да разные небылицы слушал вместе с детьми, так же раскрыв рот. Так что приняли моё любопытство за несерьёзное чудачество, да и потеряли бдительность кумушки.

А как-то поздно сидел я над своей книгой, писал. Тихо скрипнула дверь. Я оглянулся, а на пороге стоит Туяна. За её спиной — звёзды, да какие-то крупные в тот вечер, будто выпутили глаза от удивления и моргают глупо. Я кинулся к ней, потеряв разум — истинно так было! — обнял. А она, маленькая моя, прижалась ко мне всем телом, доверилась вся, и смеёмся мы, и плачем от радости что ли, да ласкаем друг друга, а нежности, видать, накопилось много, и не знаем удержу.

Утром проснулся, а её нет рядом. Думаю, приснилась и только. Еле выдержал время, пока село не проснулось, да тут же побежал к ней, придумав какое-то срочное дело, конечно, глупое. Она встретилась на улице, куда-то собралась. Увидела меня, остановилась, только лицо чуть вспыхнуло румянцем, а так смотрела спокойно, но явно сдерживая улыбку, потом подошла, кончиком указательного пальца дотянулась до лба, повела до переносицы, потом по носу, а на губах задержала.

— Опухли-то как! — сказала она и убрала руку.

Так стала она приходить ко мне, однако не часто, словно давая соскучиться, каждый раз выбирая время, когда в доме все засыпали, а уходила до пробуждения домочадцев. Встречая днём, избегала в разговорах нашиочные настроения, и не потому, что стыдилась, а просто считала ненужным. Не могло быть такого, чтобы сельские бабы не уследили за нами, но никто и виду не показывал, что знает нашу тайну. Почему? А как же обычай?

— А мы не грешим? — спросил я всё-таки Туяну.

— Ты про мужа? — спокойно поинтересовалась она и пояснила. — Давно умер. Уже на шестом небе, наверно. Или забыл меня, или дал волю. Душа его не приходит.

— Не боишься, что люди осудят.

— Думаешь, не знают. Это бабы-то наши! Да ты что? Ой, всё уже обговорили.

— Приставали к тебе?

— Разве мы им мешаем?

— Говоришь, не принято у вас.

— Не принято.

— Может, нам пожениться?

Она засмеялась, а я понял, что сморозил глупость. У них венчаться негде и никто свидетельства о браке не даст, так что о формальностях и знать не знают. Тут совсем другое важно было, особенно для Туяны. Она позже призналась, что в первый раз шла ко мне, как на смерть. Однако ничего с собой не могла поделать. Да и знала, что я мучаюсь, вот и шла, теряя сознание, будто в тумане, и одно её пугало, как отнесётся к её поступку Зарни Ань. Пусть что будет, то и будет, в отчаянии решила Туяна, захочет, любой смертью изведёт, но только бы дойти, не упасть. Уверена была, что завтрашнего дня для неё нет, а вышло совсем даже наоборот, утром солнце её встретило, на душе легко стало, будто заново родилась. Значит, Зарни Ань не осудила, не прогневилась, а по-женски поняла Туяну.

Оттого и кумушки не смели сплетничать, причина в этом. Коли сама Зарни Ань не осудила, то им-то чего нос совать, куда не просят? С годами всё более понимая души людей, в среде которых жил, я пришёл к выводу, что сохраняя верность покойной жене или мужу, не греха они боялись, не морального падения какого-то, а совестно было обижать ушедших. Для них человек по смерти не исчезал бесследно. Но если Зарни Ань позволила, то значит, и нет обиды. А то вон как было с Узей! Смерти сопернице пожелала, а сама в петлю полезла! Выходит, не приняла богиня такую любовь.

В предыдущих главах моей книги подробно рассказывается о том, как и почему в этом краю появились зыряне, кто их привёл и кто веру дал. Расспрашивая в основном пожилых, я удивлялся тому, как много они помнили о своих предках, а Туяна прямо-таки поражала своей памятью, ведь была ещё молода, а знала, как никто, все легенды, мифы, бывальщину и небывальщину. В шутку называл её «ходячей энциклопедией», а она смешно сердилась, мол, осторожней, а то прилепят кличку.

Но мало этой, видимо, наследственной памяти, так ещё больше удивила она меня той способностью, о которой я даже не мог помыслить. Шли мы по берегу озера. Не помню — куда. Скорее всего, до коровника, что находилась в стороне, на выселках. В самом селении не было ни стаек, ни амбаров, никаких других построек, всё отнесли в тайгу по причине извечной скрытности. Но не об этом речь. Меня меньше всего интересовал быт. Что уж там могло быть особенного в крестьянском укладе жизни? А вот что в головах творилось, да особенно в душах — занимало меня исключительно.

И вот идём мы с Туяной вдоль воды по кромке песка, ещё ранняя осень, едва желтизна появилась, а уже чувствуется грусть, охватывающая природу. Озеро потемнело, ушло в какое-то своё раздумье. Скорее всего, так казалось от того, что небо затянуло размытыми скучными облаками. Но всё-таки и деревья, и травы, и сам воздух уже в другом настроении, уже звучат прощальные нотки в голосах птиц. Кстати, я заметил, что природа часто углубляется в печаль, для неё это привычное состояние. Но как же она в такие часы близка нам, как понятна пасмурным душам нашим!

Не помню, о чём говорили, но вдруг Туяна отвлеклась от беседы и зашла в воду по колено. Она кого-то расспрашивала, и так участливо, как ребёнка. Я даже обомлел от неожиданности. Думаю, что это? Никого же нет.

— Что опять случилось? Что ты плачешь?

И слушает. Потом оборачивается ко мне, лицо озабоченное и недовольное.

— Ты постой, — бросает она мне и спешит по мелководью к иве, которая вся своей массивной кроной когда-то рухнула в воду и теперь распустила свои длинные тонкие ветви по воде, как расплетённые косы.

Может, ветер повалил, может, волны подмыли корни. Но вот Туяна подходит к упавшему дереву и начинает стыдить. Да не дерево, а видит она кого-то, укрывшегося за ним.

— Не стыдно тебе? Старый ведь уже, а ума не нажил? Чего ты девчушку обижаете? Ну, противный! Ни стыда у тебя, ни совести. Ты давай кончай характер показывать. Все уже знают его. Никто доброго слова о тебе не скажет. Как так можно жить? Самому-то не противно?

Я стою, не зная, что и думать. Челюсть повисла, рот открыл, глаза выпучил и только воздух хватаю, как рыба на суше. Сильно озабоченная Туяна возвращается ко мне, смотрит в глаза и ничего не понимает. Мол, что с тобой? Что так тебя всего перекрёжило? Я чего-то заикаюсь, мыкаю. Она объясняет, что водяной русалку обижает, обзывают всяко, а она ещё молоденькая, всерьёз принимает всё и плачет. А ему весело, что довёл девчушку до слёз. И тут Туяна понимает, что я ни водяного, ни русалку не вижу, и ладошкой прикрывает рот, жалостно уставившись на меня.

— Как ты видишь? — наконец-то, взято спрашиваю.

Она объяснить не может. Уж сколько раз я с этим вопросом приставал к ней потом, до слёз доходило, а не сумела растолковать, как у неё получается. Потом уж я понял, что и птица не объяснит, почему летает. Я так же машу руками, да прирос к земле, а ей крылья распахнуть, и понёс ветер. Дошло до меня — дано, и не стал больше пытать Туяну.

Но признаюсь к стыду своему, долго я подозревал, что Туяна разыгрывает меня. Но ради чего было прикидываться ей? Смысла же нет. Потом случилась эта беда с её подругой. Я ведь Узю ещё в живых застал. Мне она показалась не совсем в уме. И не слишком удивился, когда повесилась. Но зато моему удивлению берегов не было, когда Туяна стала общаться с покойной подругой, та в кикимору превратилась. И тоже не верил, что это возможно, однако годы текли, а общение их длилось. Самый каверзный человек не может так долго притворяться, устанет. А это же Туяна, которая знала, с каким доверием я к ней отношусь.

И тогда задумал я провести эксперимент, а вернее сказать — появился у меня жуткий азарт добиться того же зрения. Перешёл на полное сыроядение. Вяленая рыба или мясо, особенно утятину, были на вид аппетитны, объедение... Так ведь без соли! Туяна давала какие-то корешки, мол, заменяют, но трудно было одолеть привычку. Однако старался. И ничего у меня не вышло. И ел, что она ест, и внушал себе, и силился предельно возбудить воображение, в общем, как только себя не истязал, а толку никакого. Туяну спрашиваю — почему? Она показывает в угол, где под оленьими шкурами лежат книги.

— Они виноваты? — не верю я.

— Они тоже.

Вот почему она не хотела читать. Но этот её короткий жест вразумил меня, и я понял, что во всём причинна цивилизация. Когда-то человек сам строил жильё, сам добывал пищу, сам растил детей. А лиши теперешнего городского человека электричества, отопления, мусоропровода и туалета — что может быть страшней? — и он беспомощен, как годовалый ребёнок.

А ведь считает себя несравненно выше того, который жил, к примеру, тысячи лет назад, не имея компьютера, мобильника, автомобиля, и всех остальных благ современной жизни. Но ведь на самом деле все эти блага и делают человека полным ничтожеством. Давний человек пошёл на охоту, добыл лося, семью накормил, себя и соседей угостили, а из шкуры обувку сшил, да одёжку. И спит себе в обнимку с женой, собой довольный. Теперешний только зарабатывает деньги. Нет оклада, и весь он — растерянное существо.

Зато, скажет нынешний человек, он умён и образован, а давнему человеку серого вещества хватило на то лишь, чтобы соху придумать, лук со стрелами, да

разную какую-никакую мелочёвку, а так тёмен был. Но ещё неизвестно, у кого в голове света больше умещалось. Девяносто процентов информации, которой напичкан нынешний человек, совершенно бесполезно, только мозги занимает. А мозг имеет то свойство, что порожним быть не может. И ту часть мозга, что теперь чепухой забита, у давнего человека занимала магия, то есть то, что мы называем сверхъестественным и что для пращуров наших было привычным.

К этому заключению я пришёл не на пустом месте, а после долгих наблюдений за жителями селища. Да и рядом же была Туяна! Я любил женщину, которая видела и понимала всё сущее, как её соплеменница шесть столетий назад. Из разных веков встретились мы с Туянной без машины времени. И, сравнивая себя с ней, в себе я превосходства не видел, а больше ущерба.

Когда я говорю о магии, то не имею ввиду чародейство да волшебство, а слияние с природой, взаимную связь и понимание. Бог сотворил человека слитным с природой, а цивилизация отдалила от неё, сделала приложением, придатком что ли. И не ворчу я, потому что знаю, назад пути нет, а печалюсь, что стал придатком.

Я ведь несколько раз уезжал, жил по месяцу и больше в городе. Даже мысль была забрать с собой Туяну. Однако не выдерживал городской жизни, отвык и потому раздражался. Я возвращался назад в свой скит. Туяна тут же узнавала, что воротился, и появлялась с ясной улыбкой на лице.

— Узя сообщила? — спрашивал я.

— Не-а, — смеясь, мотала она головкой, — сама почуяла.

И нам было хорошо.

В наших разговорах, а могли они длиться бесконечно, не однажды я возвращался к Зарни Ань. Как-то спросил Туяну, что ж для неё вера. Она не ответила словами, а ладошками крепко зажала мне рот и нос. Я противиться не стал, а сам думаю — и что дальше? Она смотрела на меня и молчала. Смотрела и ждала чего-то. А чего тут ждать? Понятно же, не мог я сидеть вечно без дыхания. Вот и отвёл её руки, да шумно вдохнул.

— Что, без воздуха нельзя? — серьёзно спросила Туяна.

— Ну, нет, конечно!

— Вот и без веры, — сказала она и назидательно этак кивнула головой.

И уж понятно, как я хотел увидеть то, во что так верила Туяна. Ведь была рядом Золотая баба. Как я мог спокойно соседствовать? Но сколько не упрашивал главного туна Харлу, тот упёрся, что скала, и хоть лоб разбей. Я уж и тем упрекал, что не чужой ведь. Как можно родственнику отказывать? А он только усмехнётся и уходит прочь. Туяну я просил, чтобы уговорила упрямца. Мне только бы глянуть!

Но Туяна поначалу не советовала этого делать, никому не положено видеть Зарни Ань, потом однажды уставилась на меня, нахмурив брови, и спросила:

— Что ты хочешь знать?

— Что это? Что?

— Зачем тебе?

— Да как зачем? Да это же... Да я же...

И никак не могу объяснить, зачем мне нужно. Не говорить же — из научного интереса. Она этого пристрастия не поймёт, примет за пустую блажь. Вот и тянул к ней пустые ладони, да чуть ли не стонал:

— Что это?

Она повела взгляд на потемневшую икону в углу. Ещё прежде меня удивило, что Туяна отнеслась к ней совсем иначе. Книги ей помешали каким-то неразборчивым гулом голосов, а на Божью матерь с ребёнком, впервые заметив, смотрела долго и пристально, потом вздохнула, повернулась ко мне и мягко улыбнулась. Приняла, значит. Только потом, как раздеться, она стыдливо накрывала икону чистой тряпичкой с маленько полотенце. И вот теперь, кивнув головой, сказала:

— Вот что.

Весьма нравоучительным тоном я стал объяснять, чьи это изображение на доске, а она прикрыла мне ладошкой рот и прошептала:

— Не болтай много.

Но я уже не мог успокоиться, мне надо было знать, что же тогда изображает скульптура, чей она образ, если — «вот что». Наивно полагая, что милая Туяна, придерживаясь языческой веры,шибко отстала от меня, умного да образованного, я считал чуть ли не святой своей обязанностью осторожно освободить её душу от заблуждений. Но тут она преподала урок, которого я не ожидал. Она вывела меня на улицу и сказала:

— Смотри, сколько хочешь.

Отшельник Лука поставил скит среди рослых кедров на склоне горы, и с порога открывалась широкая картина округи. И я понял, глядя на нетленную красоту, что хотела сказать Туяна. Мол, вот она, Мать-Земля, всему начало и всему конец, порождающая жизнь и побеждающая смерть вечным обновлением. А Зарни Ань — её образ. Да какое же это язычество, если человек почтает природу? Какое это заблуждение? Так я тогда подумал.

Разве не с любви к матери начинается человек? Какую не прошёл бы он потом жизненную дорогу, чего ни понял бы умом и чего ни постиг бы душой, а всё началось с любви. А коли взять шире, то бесспорно человечество погубит себя, если будет относиться к Матери-Земле только потребительски, без жалости. Так омела-паразит иссушит дерево, высосав все живительные соки. А на сухом дереве и сама омела иссохнет. Вот чего помнить бы стоило...

После долгих наблюдений я пришёл к выводу, что каким-то образом Туяна повернула в сознании своих земляков и саму веру в Зарни Ань. Начиная с Жалейко, все главные туны основой веры считали страх. Посмей согрешить, и будет кара. Того же придерживается Харла. Не раз он мне об этом говорил. Не будет страха, мол, придёт конец. Но разве дитя любит мать из страха? Туяна всё подводила к любви. Бабам села такое понимание нравилось, потому что было понятно. Не обижай Матерь-Землю, и она тебя не обидит. А раз бабы с этим соглашались, то мужикам куда деваться?

Волей судьбы я оказался среди людей, о которых сочувственно говорила моя мама: «Они ушли от Христа». Но чем больше я находился в этой среде, тем больше уверялся, что мамины слова от незнания возникли. По моему разумению жили они как раз во Христе. Был хоть случай, чтобы человек человека убил? Прелюбодеяство, может быть, допускали? Или должно свидетельствовали? Может, чужого добра желали? Не чтили отца и матерь свою? Да нет и нет.

Долго я не понимал, почему здешняя жизнь меня всё больше устраивала, хотя была возможна другая, в которой я мог бы сделать научную карьеру, как мечтал в пору студенчества. Был бы профессором, к примеру, общался бы с образованными людьми, писал бы статьи, а то и книги... Но почему я возвращался в тот мир, в котором искренне верили, что утка-чирок бросилась с высоты на безбрежные воды и от её тельца возникла твердь, что всё на земле от комара до Лешего — одна родня?

И понял я главное, что связало меня с этим миром. Едва ли на планете есть ещё какой-то уголок, где люди изгнали от себя полностью и жили без зла. И главное — что это у них получилось и стало обыденным. Вроде бы не мыслима человеческая жизнь без зла. И никогда бы я не поверил, что такое возможно. А оказалось, что это вероятно и легко — жить, не зная в себе зависти, обиды, чувства мести, изъедающей душу злобы.

Жить без зла. Не об этом ли думали лучшие умы человечества, не с этой ли мечтой возникали религии, не к этому ли стремится всякая живая душа? Но отчего же не получается жить без зла? И думается мне, что всему виной — жадность. Из-за этой скверны само понятие души становится помехой. И коли мог бы, то в смертный час свой крикнул бы на весь белый свет: «Не шутите, господа, с душой! Последствия этого пренебрежения неведомы и страшны!» Но кто услышит?

Я пишу эти строки, будучи уже в той зрелости, когда плоду время срываться с ветки. Туяна часто навещает меня, поит какими-то отварами да уверяет, что ещё рано думать о конце. А я и не думаю, я знаю, что близок он, что мало утренних зорь осталось мне встретить. Но иногда я смотрю на Туяну — тоже ведь не молодеет! — и не могу надивиться — сколько же в ней жизни! Создаётся впечатление, что состоит она в самой вечности, не имея понятия о смерти. И ведь оттого это так, что живёт в мире, где возможно пожалеть русалку, постыдить каверзного водяного, посудачить с кикиморой Узей...

Я знаю, придут другие времена и в этот уголок земли. То неизбежно. И ровесники моего правнука Элексана их примут. А уж он так первый. И одно меня печалит в последние мои дни — что будет с милой Туяной? Уж лучше б не дожила...».

На этом рукопись обрывалась. Санча отложил на столик толстую тетрадь и посмотрел на Марину. Они сидели рядом на твёрдом ложе, сколоченном в давнюю пору Матвеем, как прежде на тахте, плечом к плечу. И труда ей не стоило склонить свою голову на плечо Санчи.

— Теперь видишь? — тихо спросила Марина.

— Что я вижу?

— Они не боялись своей любви.

— А кто боится?

— Кто, кто? Ты.

— Почему не хочешь понять меня? — в свою очередь спросил Санча, а его рука как-то сама по себе обняла Марину за талию.

— Знаю, чего опасаешься. Что тебя не будет, а я останусь. Не верю я в это. Но если случиться так, то тем более.

— Что «тем более»?

- Не надо бояться.
- Почему?
- Тогда я останусь не одна. Понимаешь?

И они были счастливы два дня, которые провели неразлучно, забыв обо всём на свете. И Марина верила, что теперь-то уж Санча не оставит её одну. От такого счастья откажется только... Она даже не знала, как и назвать того, кто отказался бы. Ну, может, чурбан, у которого и сердца-то нет.

Глава 11

Ожидания Мариной не оправдались, на третье утро Санча собрался в горы и повёл её домой под надзор бабы Марпы. Она сильно огорчилась, но не стала перечить, а последовала за ним, усиленно показывая, какая она покорная. А он, бездушный, не замечал её обречённой послушности и всё чего-то настороженно оглядывался.

Тому была причина. Санча ясно чувствовал, что кто-то следует за ними, но так искусно прячется за деревьями, что не заметить. Для медведя такой ловкости — слишком, да и не стал бы он в прятки играть. Какой смысл? А тут будто кто-то в затылок целится. Чувствует человек чужой взгляд, тем более — охотник.

И только после того, как поднялись из лощины, заросшей ельником, Санча почувствовал, что следом идущий отстал. Санча уже догадывался, что это был Ягса. Но почему таился? Что ему стоило управиться с безоружным парнем? Да ровным счётом ничего? И стесняться бы не стал. Он хозяин тайги, кто ему чего запретит. Странно вёл себя. Уж более удобного случая не найти, коли есть у него умысел. А ведь отпустил, никого не тронул. Что ж он бродит вокруг села? Что ему от людей надо? Чего ему не хватает?

А чего не хватало Санче? Само время как-то прояснит умы земляков. Без его вмешательства всё уладится. А ему свою жизнь надо устраивать. У него появилась жена, ради которой он готов жить. А коли оставит её несчастной, не будет ему прощения и на том свете. Разве можно бросить человека, который тебе доверился?

И что тут разумней — довести до конца задуманное или оставить Зарни Ань в покое, да уехать с Мариной в большой мир?

Никакого решения Санча не успел принять по дороге, а дома отвлекла Марпа. Она сразу отложила работу, подошла к Санче и заговорила на своём языке. Потом они вышли на улицу, продолжая секретный разговор, а расстроенная донельзя Марина присела возле очага, уткнувшись лицом в ладони и расплакалась. Дети, увидев тётю в слезах, притихли по углам, не посмели приставать, хотя уже сильно соскучились.

Как он может уйти? Как это вообще возможно?

Поплакав, Марина вытерла кулачками слёзы и подошла к Прокопию, который лежал на высоком взбитой подушке и смотрел на неё своими смоляными глазами. Опустившись на колени возле него, Марина сказала:

- Пусть он уедет со мной.
- Прокопий молчал. Он ждал, что ещё скажет дочь Ольги.
- Ну, пожалуйста, — добавила Марина.

Прокопий понимал, что она просит помощи, что ей нужна его поддержка, но он не хотел вмешиваться в дела сына.

— Он вырос, стал большим, — сказал Прокопий.

— Всё равно послушается отца.

— Это плохо.

— Что плохо?

— Что послушается, а не сам... — Прокопий прижал сухой кулачок к середине груди. — Тут будет темно, если не сам.

Марина смотрела ему в глаза. Но они были, как остывшие угли, ничего не выражали.

— Разве там бывает темно? — спросила Марина, кивнув на грудь Прокопия.

— Бывает.

Не будет же он рассказывать, что когда-то и у него было светло. Он уже смутно помнит, как хорошо, когда внутри человека светло. Он был мальчиком. Потом заболел. С тех пор в нём поселились чужие. Они делают зло, когда он этого не хочет. Оттого — темно.

— Пусть он сам, — сказал Прокопий.

Марина отошла к очагу. Её окружили притихшие дети, они жалостливо смотрели на неё снизу вверх. Она погладила кудлатую головку.

— Ну, что вы? Чего испугались? — И уже учительским тоном продолжила: — Давайте заниматься. Итак, какие слова мы уже знаем?

Марпы дома не было. Она пошла к Арсе, к жене Кали, будто бы понадобился её благоверный. Та сказала, что Каля ушёл с Опонько в горы. Выходит, не зря беспокоилась Марпа, чего-то суетятся дружки. Когда это Каля ходил в горы? Что ему там делать? А тут зачастил. Попусту что ли? Супруга Кали стала расспрашивать, зачем Марте понадобился её муж.

— Не заболел? — поинтересовалась Марпа. — Или показалось мне.

Никто в селении тому не удивлялся, что Марпа чьим-то здоровьем интересуется. Знахарка всё-таки, главный лекарь, можно сказать. Кому ещё заботиться? На невинную ноживку Арся попалась легко, муж и впрямь в последнее время её тревожил. Заговариваться стал. Сидит, сидит, да как брякнет что-нибудь. Про золото, к примеру. Какое золото? А то ночью лежит рядом, Арся уже засыпает и вдруг слышит: «Они мне ноги мыть будут». Да как это? Кто? Сам что ли помыть не сможешь? Паралич скрутит? Это Арся спрашивает. А он ей — спи!

— Ну, и кто ему ноги мыть будет? — спросил Санча бабу Марпу.

— Кому прикажет. Мы все. Кто ещё?

Свою догадку Марпа выложила уверенно. Как Опонько станет главным туном, Каля сядет на его шею и будет погонять. Всё селение окажется под его началом. Всем он судья, всем он хозяин. Марпа знает характер Кали, ему дай волю, он пикнуть никому не позволит.

Теперь и Санча догадался, почему Каля при встрече так уж распинался перед Зарни Ань. Вера ему нужна! А зачем? А затем, чтобы люди были покорны. Санча и от Матвея слышал, и сам читал о крепостном праве. Выходит, Каля решил над вольными от века людьми барином стать. Такой радости землякам Санча не хотел.

Недавние сомнения будто выдуло из головы, пришла ясность, а с ней — сила. Выход один — открыть правду о Зарни Ань. И тогда Каля будет беспомощен,

прикрыться-то нечем, а сам он ничего не стоит. Замысел возник простой и ясный, с этой минуты Санча знал, что ему делать.

— Сегодня Зарни Ань голос подаст, — сказал он бабе Марпе. — Пусть люди ожидают. Скажи — Элексан сказал.

И ничего больше не стал объяснять. Оставил Марпу в недоумении. Марину даже не предупредил, что уходит в горы. Он уже знал, что любовь мужчину сбивает с толку. А ему нельзя расслабляться, час настал.

Как шёл по селу, встретил Ош Пеля, предупредил:

— В полдень будет.

— Что будет?

— Жди полдня.

Ещё и Ойко попался по пути. И ему Санча сказал, чтобы ждал, когда солнце достигнет полуденной высоты. А вскоре всё селение знало, что нынче Зарни Ань подаст голос. Только и разговоры о том, что Санча предрёк. Верить, не верить тому? Да ведь так не шутят. Бабы к Марпе побежали. А та что им скажет? Впервые не знала, что ответить людям. Только повторила — так не шутят. И такая тревога поселилась в душах людей, что собаки это почуяли, крутились у ног хозяев и скулили. Никогда прежде люди не смотрели так много на солнце. А оно не спешило, оно не ведало о смятении душ.

Подъём занял много времени, но к полудню Санча всё-таки добрался до жилища деда. Должно быть, эти два дня Каля и Опонько не отходили от главного тунна. Санча заметил, как дед обрадовался его приходу. Значит, сговора не вышло пока. Оттого Каля и ощерился, того гляди — укусит. Помешал ему Санча своим приходом.

— Не засиделись гости? — спросил Санча деда.

Главный тун жестом попросил Опонько уйти. Тот не мог ослушаться и вышел. Каля тоже не мог остаться, опасался, Санча выпроводит силой.

Оставшись без ненужных свидетелей, Санча сел на край лежака и с укором спросил деда:

— Кому доверился?

— Да я поначалу, — стал оправдываться дед. — Потом догадался. Болтает, болтает...

— Хоть знаешь, чего хочет?

— Зачем много болтать, если не врёшь?

— Хочешь добра людям, дед. А все обернётся чем?

— Я ждал тебя...

— Дай мне волю, дед.

— Боюсь я за тебя, Санча.

— Так я пошёл, дед?

И главный тун слабо махнул рукой, позволяя. А сам отвернулся к стене, давая знать, что говорить ему больше не о чём.

Покинув жилище деда, Санча заметил, что Каля и Опонько не было поблизости. А думал, не ушли далеко. Не могли они так легко отступить от своей затеи. Что-то замышляют, не может быть иначе. Но думать об этом не было охоты. Санча добрался до пещеры, где стоял колокол, и у входа посмотрел вниз. Долина нежилась под солнечными лучами. Извечный покой, изначальная благодать...

Санча подошёл к козлам, взялся за конец верёвки и расшатал язык колокола. Раздался глухой звук в тесноте пещеры. И Санча стал звонить. Он представлял, как приглушенные в тесноте звуки вырывались из пещеры, из огромного растрюба, и носились на воле громким эхом. Через минуту Санча перестал звонить, снова подошёл к выходу и глянул вниз. А там — суматоха. Люди метались в панике. Сверху казались непонятными то смятение и тот страх, что овладели поселянами. Тем более, что Санча знал подлинную причину, и вовсе-то не жуткую.

Но был бы на месте Марины в те минуты, не умничал бы так. А она при первых звуках почувствовала, как по спине побежали мураски. Марина оказалась в тот момент на улице. Поначалу сильно голова закружилась от однотонногоibriующего гуда. Потом началась какая-то настоящая фантасмагория, немыслимое беснование звуков, будто раскаты грома, пушечная канонада и вой сказочных чудовищ слились в одно гоношение. И Марина, современная, скептического склада ума студентка, умница-разумница, вся охладела от мистического страха, который остался, оказывается, не с прабабушками, а сохранился в тайниках её души. Это был тот настоящий древний ужас, когда разум отключается, оставляет на время человека с одной животной страстью — спастись.

Хорошо, что подбежала баба Марпа и подхватила её за талию, упала бы. С бабой Марпой стало не страшно. Но Марина никогда не забудет, как в ней проснулся давний человек. Никуда он от нас не ушёл... И никогда никому не признается она в том, что и в ней сидит, но сама-то будет знать.

Когда всё стихло и люди успокоились, то многие пришли к Марпе и стали допытываться, откуда Санча предвидел, что будет. Не главный ли он тун теперь? Не кудесник ли, волхв и колдун?

Марпа выглядела очень расстроенной.

— Вот придёт, спросите сами, — отвечала она. — Я откуда знаю!

И люди стали ждать Санчу.

Марпа впервые ничего не понимала. Санча сказал — Зарни Ань голос подаст, и она подала. Как это может быть? Боги не разговаривают с людьми. И уж, конечно, не слушаются смертных.

Никто в этот день не мог работать, всё валялось из рук. Люди хотели знать, за что на них разгневалась Зарни Ань. Они хотели услышать от Санчи, как он угадал, что богиня подаст гневный голос. Только эти вопросы занимали людские головы в этот день.

Мигом разнеслась молва о возвращении с гор Санчи, и уже на окопице селения собралась толпа, которая быстро нарастила. Марпа уговарила женщин оставить детей. Она чувствовала, что встреча состоится не простая, не обойдётся разговором, народ в нерве, чувства так обострены, что одного неосторожного слова хватит, как малой искры, чтобы разгорелись страсти.

Малых детей, а было их человека двадцать, направили на берег озера с русской учительницей. Подростки не пошли, тех любопытство удержало.

— Дайте слово сказать, — попросил Санча людей.

Толпа одобрительно загудела. За тем, мол, и собирались, чтобы услышать, что скажешь. Говори, мол, без лукавства, мы тебя слушать готовы.

Санча видел перед собой бабу Марпу, сестёр, друзей, Ош Пеля, Ойко... Всех он знал по имени, со всеми жил в доверии. Пришли старики, пришли хворые... Даже

отец доплелся, опираясь на плечо Эдэ. Жена была крепкой бабой, на голову выше, могла на руках нести. Да разве ж можно позорить мужика? Вот и шли короткими шажками, доковыляя Прокопий.

Увидел Санча и хранителей, что стояли особо, а с ними — Каля. Это он их привёл, не иначе.

И Санча начал говорить.

Люди слушали, затаив дыхание. Ещё бы! Оказывается, никакого чуда не было нынче. Не Зарни Ань подала голос, а он звонил в колокол. И про эхо сказал, и про то, что может этакий звон-перезвон каждый день устраивать. Так что нет никакой Зарни Ань, а есть колокол. На церковных звонницах висят такие, другой вере служат. Санча продолжал, всё более горячясь, говорить о том, что люди селения многие века жили в обмане.

Перед ним были до боли знакомые лица. Они смотрели на него и не прятали глаз. Но в этих глазах была жалость. Не гнев, не протест и не осуждение, а жалость к нему. Что ж ты, мол, Санча? Зачем, Санча? Какой обман? Мы живём, до нас жили, мол, и ничего, получалось жить. Разве не так, Санча? Что ж в том обмане плохого, если жили мирно, согласно, по совести?

Санча на минуту представил, что сам находится в толпе, что у него семья, дети, дом, свой достаток. Ведь тоже думал бы — а что дальше? Веками обходились без перемен, надеялись на Зарни Ань, а сами трудились, всё ясно было, всё понятно... А теперь?

Если Санча говорил им о вековом обмане, то они думали о дне насущном. Где уж тут понять друг друга?

И он умолк, Санча, обессиленный.

Тут же выскочил вперёд Каля, крикнул:

— Он врёт! Врёт! Врёт!

И все обрадовались словам Каля, но не потому, что поверили ему, а потому, что выход наметился, ясный и простой. Люди стали умолять Санчу:

— Скажи, что пошумил!

— Признайся, Санча, что всё придумал!

— Ты врал, Санча? Скажи — врал!

Ведь если признается, что разыграл земляков, то и всё встанет на свои места. Но Санча стоял на своём — нет Зарни Ань, а есть колокол. Вот поднимусь в горы, мол, и снова услышите то, что слышали. Тогда люди разозлились на упрямца.

А Каля только того и ждал.

— Испытать его огнём! — крикнул он. — Вот тогда и признается, как миленький! Врёт он! Врёт!

Стало так тихо, словно толпа перестала дышать.

Большинство народа, особенно молодого, и не слышало об испытании огнём, а уж старки-то знали хорошо. Сами в детстве видели. Тогда схимник Лука был ещё не в годах. И посчитал, видать, что грешно ему терпеть рядом идолопоклонников. Стал он за Бога своего говорить. С каждым отдельно беседовал и перед множеством людей выступал.

А в ту пору главным туном был Лунег. И он со своими помощниками спустился с гор и устроил суд. Может, сам и придумал это испытание огнём. Сложили круг из сена, раскидав стог, поставили посреди Луку и сказали, что если его бог

всесильный, то спасёт его. А не спасёт, значит, нет в нём милосердия, и такой бог зырянам не нужен. Подожгли сено, пламя пошло по кругу, вот-вот сомкнётся в кольцо, и Лука не выдержал, выскоцил на волю. После того никто и не видел его, жил отщепенцем в ските.

На какую-то минуту Санча растерялся. Зачем стоять за правду, если она никого не устраивает? А Каля явно почуял, что победа за ним, что ухватил он птицу-удачу за вертлявый хвост. Оттого голос прозвучал твёрдо и властно, когда он рукой показал на Санчу и бросил в толпу:

— Он порченый!

И стал говорить, что Санча в большом мире побывал, чужую веру привёз и хочет ту чужую веру навязать людям через ложь. Он дедову веру осквернил! Сорвал о Зарни Ань! Недобрый ропот прокатился по толпе. Прокопию, стоявшему в первых рядах, слова Кали сильно не понравились.

— Санча, признайся! — крикнул Кэсьта.

Многие голоса его поддержали. А Прокопий понял, что сын будет стоять на своём, и надо его выручать. И тогда чёрные глаза Прокопия уставились на Калю. Тому как-то муторно стало, голова закружилась, перед глазами мушки замельтели, и тошнота подступила. Откуда-то появился и стал расти необъяснимый страх.

Прижав к себе, Эдэ поддерживала мужа, и в этот миг участливо спросила о его самочувствии. Вот этот голос жены и сбил Прокопия. Он будто очнулся. Опять эта порча! Да будет ли этому конец когда-нибудь?! Прокопию стоило огромного усилия отвести взгляд от Кали. Но он смог. И тогда почувствовал внутри себя такую боль, что чуть не потерял сознание. Это разбуженная порча взбунтовалась в нём. Будто рёбра кто-то раздвинул острыми когтями, и будто взбесившееся зло вырвалось наружу из отверстой груди.

Боль отступила, а Прокопий впервые за столько лет жизни вздохнул свободно, во все лёгкие, и даже вроде почувствовал сладкий вкус воздуха. Он посмотрел на жену, и ему почудилось, что впервые увидел её по-настоящему. Она была хорошей. А та удивилась выражению его лица. Никогда взгляд мужа не был таким ясным и добрым.

— Он должен сам, — рассудил Прокопий.

Не поняла Эдэ, о чём говорит муж, но отчего-то хорошо ей стало, и она крепче прижала мужа к себе. Никогда не поймёшь, отчего вдруг хорошо становится. Но лучше не разбираться — почему. А не то сглазишь.

— Пусть сам, — доверчиво повторил жене Прокопий. — Так надо.

Конечно, Санча не желал такого исхода, когда обман останется, а правда отступит. Перед ним стояли сородичи, которых он любил и которым хотел добра. От него зависело, будут они жить в обмане и дальше или нет.

— Я говорю правду, — сказал Санча, — нет Зарни Ань, есть колокол.

— Испытать огнём! — крикнул вертлявый Каля.

Минутная немочь прошла, и Каля радостно взбодрился. Он не сомневался, что испытания огнём Санча не пройдёт, а значит, опозорится перед всеми. Каля очень этого хотел. Он даже не кинулся спасать дрова, когда хранители набросились на его поленницу, которую сложил накануне. Очень уж старались хранители под командой Опонько. Вмиг разорили. Уже и охапки сена волокли. Поленья и сено

складывали по кругу. Каля понужал, чтобы поуже получался круг. А посреди того круга стоял Санча.

Никто не посмел помешать хранителям. Ведь они творили справедливость. Толпа растерянно молчала.

Посреди Европы когда-то еретиков жгли на кострах, приковав к столбу. А тут ни столба, ни цепей, воля твоя: хочешь — оставайся, хочешь — уходи. Санча понимал, что все надеялись — он выйдет из круга. Выскочит!

Круг по воле Каля получился невеликим, зато дров и сена не пожалели. Уже появился горящий факел. Хранители передавали его друг другу, пока он не оказался в руке Опонько. А тот медлил, не решался. И тогда Каля подтолкнул его в спину.

Огонь вспыхнул охотно. А что ему огню? Поленья сухие — живые деревья не изводили на дрова, хватало сухостоя, — и просохшее на солнце сено как раз по нраву. И заполыхал он, расходясь в разные стороны, чтобы сомкнуться в кольцо.

Почему-то вспомнилось, как давно, шестьсот лет назад, великий кудесник Пам предложил своему сопернику Стефану испытание огнём. Да сам же отступил, а Стефан не оробел. Какая же сила духа была в молодом проповеднике? Откуда? Есть ли она в нём, в Санче?

Огненное кольцо смыкалось. Оставался без огня узкий проход. Вырваться ещё можно. Но если Санча выскочит из круга, то встретит его общий хохот. И затем уже никто всерьёз не примет Санчу.

Пламя угрожающе гудело. Уже припекало так, что волосы потрескивали. Огненные языки поднялись выше человеческого роста. Воздух при дыхании обжигал горло, да ещё и стало не хватать его.

Мало кто знает до конца, что такое одиночество. Санча его почувствовал сполна, отделённый от сородичей огненной стеной. Все были по ту сторону — отец, баба Марпа, люди, среди которых вырос, ещё только начатая жизнь и Надея. По ту сторону огня было всё то, что он любил. Отчего же он оказался в пекле? Ради чего? А если народу с обманом и проще, и легче? Возможно, голая правда слишком страшна, слишком жестока. И тогда разумно то, что люди во все века её смягчали, приукрашивали, а то и скрывали ради своего утешения, потому что иначе нельзя, иначе никак...

Одежда — холщовая длинная рубаха и портки — стали обугливаться, того гляди — вспыхнут. Санча любое пекло выдержит. Надо ещё немного продержаться, и пламя спадёт. Но если вспыхнет одежда, тогда конец.

Увидев столб дыма, а было безветренно, Марина испуганно вскочила.

— Что это?

Она с детьми находилась на берегу озера. За гребнем берегового взгорка не было видно людей и неизвестно, что происходило там, где сейчас был Санча. Но Марина доподлинно почувствовала, как в эти минуты плохо ему, она реально ощутила ту страшную опасность, что грозит Санче. И была беспомощна. Кричи, не кричи, а никто её не услышит, только детей перепугает. Некого просить... И тут невольно подняла взгляд на небо. Только там — с неожиданной надеждой подумалось ей — в этой бездонной сини есть, кому услышать её мольбу. Обязательно есть... И она, не знающая ни единой молитвы, со слезами прошептала: «Миленьевский боже, помоги!»

Опрокинув голову, чтобы ухватить воздух, уже задыхаясь, Санча не увидел над собой весёлого с утра, безмятежного неба, его застипал дым. Он вспомнил, что баба Марпа и прадед Матвей одинаково уверяли, что смерти нет в природе, души людей возносятся на небеса.

А что, если и это обман?

Бедный человек! Бедный, бедный... Кто ж тебя пожалеет? Кто тебя поддержит в одиночестве? Кто спасёт тебя от кромешной, безвылазной тьмы?

Уже задыхаясь, теряя сознание и чувствуя, что огонь обнимает его, Санча вдруг задохнулся от потока воды, который обрушился на его опрокинутое лицо. Огонь недовольно, со злобой зашипел вокруг и быстро стал гаснуть.

Это был ливень.

Он продлился коротко, люди не успели прийти в себя, оглушённые потоками воды и промокшие до ниток, а уже засияло солнце. Синюшная туча удалялась в сторону озера, волоча за собой дождевой шлейф.

В горах погода изменчива...

Глава 12

Пять лет спустя после описанных событий Александр Мезенцев получил от Ивана Комова, которого когда-то обозвал жуликом, приглашение навестить родные края.

Предприимчивый Комов построил по ту сторону озера санаторно-курортный комплекс. Тёплые подземные воды оказались весьма целебными, да и сам воздух был исключительно полезен, особенно для лёгочников, к тому же условия для досуга были отменные — вокруг первозданная природа.

Ни тракторов, ни машин Комов не завёз. И особенных удобств не создавал. И постройки-то были все бревенчатые. Именно природа сама по себе приносила неплохой доход. Гостей хватало. Многие даже отказывались от гостиницы, а жили в жилищах, оставшихся от прежних обитателей. Это ли не экзотика! Правда, эти апартаменты были по карману только состоятельным людям.

Праздные люди любопытствовали, как в этом месте ещё недавно жили-были чуть ли не первобытные, подобные австралийским аборигенам люди-отшельники и поклонялись идолу. У них даже не было телевизора. Это в наше-то время! Одним словом — чудь.

Для каждого заезда единожды устраивалось звуковое представление. Незыблемая тишина, казалось бы, устоявшаяся с начала веков, вдруг раскальвалась, непонятные, будто взбесившиеся звуки наполняли пространство, вызывая даже у самых невозмутимых скептиков суеверный страх, невольно выползающий из донной темени души. Потом, уже по отбытию, гости будут долго вспоминать странное явление природы, не находя ему объяснения. И обязательно вспомнят, как стало не по себе:

— Плохо мы себя знаем.

Долей прибыли Комов делился с Александром Мезенцевым, поскольку использовал его деньги в зачине этого бизнеса. Теперь Иван Комов стал солидным деловым человеком, состоял в районной думе и ровно, без потрясений богател.

Этим летом Александру для недлительной поездки выпадало время. Да и было на кого оставить ребёнка, четырёхлетнего Митю. Ольга Николаевна так любила это милое существо, как вообще способны любить — конечно же! — только исключительно редкие женщины. Ольга Николаевна растроганно думала о том, что через многие муки она пришла к радости. Её неутолённая душа наконец-то нашла утешение. И маленький Митя обожал бабушку, так что идиллия тут была полная.

Но Марина отказалась наотрез. Она сказала: «Там нет бабы Марпы».

Упрашивать жену Александр не стал, потому что придерживался привитого с детства мнения, что человека неволить нельзя. Такими были те люди, что населяли его молодость, так они понимали свободу. Он помнил, как прощался с бабой Марпой. Постояли друг против друга, поглядели в глаза и расстались навсегда. Она не упрекнула его, что порушил он мир и покой, а он не стал её удерживать. Как можно человеку без своей воли?

Расставание случилось на третий день после испытания огнём. Баба Марпа сказала:

— Мне пора?

— Куда пора? — спросил Санча.

И она не ответила. За эти три дня успела, оказалось, со всеми переговорить, и за ней пошла половина селения. Выходило даже так, что семьи делились, отцы и матери уходили, а дети оставались. Три сына, к примеру, Кэсьта, Педь и Як, отпустили родителей, но сами не пошли. И много таких случаев было.

С Марпой ушли те, кто изначальное родство с природой не потеряли и всё равно не прижились бы в новой жизни, а стали бы ущербными, как птицы, которым обрезали крылья. Некоторые провожали родных два дня. По возвращению рассказывали, что Марпа говорилась с Ягсой, и тот с охотой согласился стать проводником. Ему хорошо было при деле. Уж он-то знает тайгу и выведет на угодное людям и потаённое миру место.

Кстати, районные власти нанимали вертолёт, но никаких следов не обнаружили. Поиски слишком дорого обходились — тайга-то ж велика! — и от них отказались.

Бывший главный тун Харла спустился с гор, делать ему там было нечего больше, поселился в ските и жил ещё четыре года, но отчуждённо от людей. Жена Прокопия Эдэ носила еду и оставляла у порога. Пока забирал, знали, что жив. Эдэ и подглядела в окошко, что старик беседовал с иконой в углу, стоя на коленях. Что-то говорил о себе. Вроде винил себя...

У Прокопия с Эде всё наладилось, как нельзя лучше. Над ними даже посмеивались — молодожёны. Комов выделил им обычную светлую избу, а прежнее жилище забрал для доходного применения. Прокопий занимался промыслом, как прежде. Ново было то, что числился в должности егеря и получал зарплату. Эде готовила для гостей сухое мясо и рыбий шомох, вкуснятину редкую. Так же многие помогали в деле Комова: варили, жарили, поставляли дичь и рыбу, убирали, стирали и занимались всем тем, что нужно для отдыха приезжих людей.

Детей поначалу поместили в интернат в районном центре, потом многие родители сами перебрались в село, обустроились и забрали к себе своих чад.

Ушлый Каля и в новой жизни устроился по душе, стал завхозом. Появилась у него привычка покрикивать на людей, но не по злости, а только потому, что считал строгость обязательной для начальника. А так-то чего ему злиться, коль всем доволен?

Деля Пеля назначили звонарём или как называли свои — колокольщиком. Он очень полюбил инструмент, чистил его песком, поменял старые козлы и в пещере соблюдал чистоту. Позвонив в урочное время, садился у входа и думал, почему в пещере звук глухой, а вырываясь на волю, вызывает жуть. И очень был рад, когда понял, что во всём повинно эхо. Однако радость притупили новые мысли — а как возникает эхо? откуда? почему?

Что ещё?

Лидия Осиповна жива и здорова. Правда, в последнее время стала меньше говорить, а больше слушать. Показались ей подозрительными суды-пересуды подружек. Пенсии у них маленькие, конечно. Но нельзя так уж поносить власть!

Про Олега Степановича и сказать-то вроде нечего, так ровно протекает его жизнь. Иногда по настроению любит подтрунить над глупостью человеческой. Во все времена люди верили во что угодно. Телеграфному столбу кланяться готовы. Ну, не могут они без фетиша! О, люди, люди... Сам же Олег Степанович верил в благородие, которое человек должен проявлять во всех делах своих.

Незабываемыми оказались те дни, которые провела Марина среди земляков мужа. Она не потеряла своей деловитости, успешно окончила институт, устроилась на хорошую работу в престижной фирме, неплохо зарабатывала. Но сегодняшней Марине этого оказалось так мало, что даже смешно. Те люди, с кем свела её судьба на короткое время, понимали куда как больше в главной науке — в науке жить.

Можно нестись в санях по ледяной канаве к цели — и только к цели! — как в бобслее. А можно видеть мир широко, как птица в полёте. Марина никогда не забудет того мига, когда прошептала: «Миленъкий боже, помоги ему!» Рядом были только дети, вокруг — водная глубь да неба синь... И кто-то же услышал её шёпот, кто-то же понял и поверил, что в ней проснулась любовь, которая дороже собственной жизни. Вот ведь что!

Городская бытность не пугала Александра Мезенцева, но в уличной людской толчеё будто не хватало воздуха и смущало чужое дыхание, которое остро чуял. Понятное дело — природный человек. В планах супругов было построить дом на берегу озера и работать в лесничестве. Он видел, как больны здешние леса, без человеческой помощи им не выжить. Прошлым летом супруги купили машину, Марина имела права, так что уже много поездили, уже и озеро присмотрели. А коль берег есть, так и дом будет.

Но главное житейского обустройства для Александра Мезенцева было внутреннее состояние. Он помнил, как усомнился во всём, среди огня в отчаянии запрокинув голову и не увидев над собой неба. Он тогда решил, что один в пекле, только это и есть правда, а больше ничего нет. И вдруг — ливень...

Можно теперь думать — случайный. Ведь и впрямь переменчива погода в горах. Но Мезенцеву не хотелось так думать, да и не думал он так, потому что за какой-то миг до ливня вдруг почувствовал среди бушующего огня, что не один. Александр Мезенцев хорошо помнит, что страха не стало. Разве может человек бояться, когда не один?

А не так ли думала и баба Марпа? Посреди ли глухой тайги, в кромешной ли ночи полного безлюдья оказывалась, а знала — не одна. Оттого жила без страха. Оттого жизнь понимала, как чудо, и чувствовала каждой жилкой своей, что сама не сторонняя, не лишняя в этом чуде.

Как только теряет человек эту связь и начинает к жизни относиться потребительски, да ещё с какими-то претензиями, так исчезает чудо и приходит животное существование, в какой бы оно роскоши не протекало. Но это уже были мысли самого Мезенцева, баба Марпа людей не судила.

Жива ли ты, всё ли ещё в этом мире, Туяна? Или встретилась с Матвеем, который дождался тебя в начале новых дорог, и пошли вы рядышком, беседуя о чём-то хорошем, от чего ваши лица озаряются улыбкой. И долгий вам предстоит путь с неба на небо. Так ведь и есть о чём поговорить, много всего накопилось за время разлуки. Только жаль, что не пошлётё вы нам знака о том, что смерти нет.

И за тем, как Мезенцев об этом подумал, последовала мысль, которой он сам испугался. Ему вмиг увиделось, как он с дорожной сумкой садится в поезд, как едет и день, и второй, как возникают на горизонте снежные вершины Урала... Узнать бы, как они там, ушедшие в тайгу. Но он тут же отвлёк себя от этой мысли, будто испугавшись, что сидевшая напротив Марина угадает по глазам, о чём печаль.

А ведь зерну только упасть в почву...

ОТ АВТОРА:

Автор этого повествования родился и вырос в старинном селе Мужи среди бабушек, тётушек и таких же суеверных соседок в ту пору, когда мужики воевали с фашистом и многие не вернулись. Женщины те были подлинными хранительницами обычаем старины, песен, сказок и разного рода «страшных» историй о нечистой силе, которые рассказывали детям, помнится, в долгие зимние вечера при зыбком свете чадящей кerosиновой лампы. Последующая жизнь своей реальностью увела далеко от мифических образов и представлений. Но уже в изрядно зрелом возрасте автору посчастливилось прочитать книгу «Сотворение мира», которая всколыхнула память до самых глубин. Автор выражает благодарность Павлу Фёдоровичу Лимерову, создателю этой замечательной книги. Она послужила одним из поводов к написанию своей версии о Золотой Бабе, которая возникла в голове автора в годы юности. А книгу «Сотворение мира» прямо-таки должен прочитать каждый коми человек, считающийся культурным, чтобы почувствовать и распахнуть в себе потаённую душу своего народа.

Дмитрий Мизгулин

Дмитрий Александрович Мизгулин — президент, председатель правления ОАО Ханты-Мансийский Банк. Родился 10 сентября 1961 года в городе Мурманске. В 1984 году окончил Ленинградский финансово-экономический институт по специальности «финансы и кредит», в 1993 году — Литературный институт им. А. М. Горького. Живёт и работает в г. Ханты-Мансийске.

Член Союза писателей России. Автор книг стихотворений: «Петербургская выюга» (1992), «Зимняя дорога» (1995), «Скорбный слух» (2002), «О чём тревожилась душа» (2003), «Две реки» (2004), «География души» (2005), «Избранные сочинения» (2006), «Две Реки» на чешском языке (Прага, 2006), «Духов день» (2007), сборника рассказов «Три встречи» (1993), литературных заметок «В зеркале минувшего» (1997), книжки для детей «Звёзд васильковое поле» (2002).

Лауреат премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка (2004), премии «Петрополь» (2005), премии журнала «Наш Современник» (2006), лауреат Всероссийской премии «Традиция» (2007), премии Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа в области литературы (2007), литературной премии им. Б. Корнилова (2008).

Лауреат премии Правительства Российской Федерации (за просветительский проект в области литературы «Альманах «День поэзии — XXI век») (2013).

Указом Президента РФ № 1346 от 13.10.2011 года за большой вклад в укрепление сотрудничества наций и народностей, высокие достижения в развитии экономического и научного потенциала России, за особо плодотворную деятельность по сближению и взаимообогащению культур, а также укрепление мира и дружественных отношений между государствами награждён Орденом Дружбы.

Верю Эска

* * *

Друг мой, а что же делать мне,
Когда метель во мгле закружит,
Когда вдруг сердце занедужит
В чужой, богатой стороне...
Когда ты сам и сыт и пьян,
Когда в дому твоём достаток,
А всё вокруг — один упадок,
Во всём вокруг — один обман.
И что же делать мне, скажи,
И как унять мои тревоги,
Когда кружатся миражи
Позёмкой стылой по дороге...

* * *

Шань ёрт, а мый нё вёчны мен,
Кор пемыд ийрас босътчö турёб,
Кор съёлём оз нин эски бурё
Тыр-бур, но отдор муас сэн...
И мед ме ачым пёт и код,
Мед менам удж и олём ладмё,
Но ме гёгёрын ставыс падмё,
И йёзлён мывкыдыс оз сод.
И мый нё вёчны меным, чуйд,
Кызд нэмись кузьджык вёлёр вуджны,
Кор вомонавлё менсым туй
Съёд тун моз вуджёр бёрся вуджёр...

* * *

Морозы грянули. Крещенье.
Озябли птицы и слова.
У Господа прошу прощенья
Под сводом храма Рождества.

Здесь не обдумывают речи.
Здесь и покой, и тишина.
Мерцая, тускло тают свечи,
Как непрощённая вина.

Как тяжек груз грехов незримый,
В запасе — годы или дни?
Расплата ждёт неумолимо —
Спаси, прости и сохрани...

На паперти сидит старуха,
Прохожий сумрачный идёт...
Пусть теплота Святого Духа
На нас, сердешных, снизойдёт...

* * *

Когда-нибудь настанет час,
И неизбежное случится,
И вот надежды тонкий пласт
Под ветром страха истончится.

Крыла беды раскинет ночь,
И пустота в родных могилах.
Чем я могу тебе помочь?
Я сам себе помочь не в силах.

И вот сомнение моё
Сквозь камень знаний прорастает,
И верится, что бытиё
Сознание определяет.

И вот приходит новый век,
А вместо Библии — экраны...
И верится, что человек
Произошёл от обезьяны.

* * *

Ва вежёдёны. Ковган кёдзыд,
Морт кыв и лэбач усьё кын.
Ме Рёштво крамын кора сёдза,
Мед мылыштас да сетас вын.

Тан сёрнитны кё, ёдва кывмён,
Тан лёньсыыс йирмёгалё мыш.
Сись ньёжёйоникён сотчиг сылёт,
Тадз сылёт нуны позытём мыж.

Зэв ыджыд сийё, личкё муас.
Кор волас грека ловлы лич?
Но водзёс босытём коркё суас...
Простиш, да мылышты, да видз!

Пёт паперть вылын синсё кунис.
Со зумыштчёмён мунис морт.
Мед Вежа Ловлён авъялуныс
И миё сидзас, быд лун кор...

* * *

И воас кад, и лоас сідз,
Кыдз весиг тёдьсыыс эз шулы,
И ичёт лача оз нин видз,
А вежёр сетчас полём рулы.

И зэвтас няр бордъяссёвой,
И мусыс войтчес пемыд пиё.
Кыдз лёньёда ме тэнсыд дой?
Кор ачым вынгём, шог кор виё.

И майшасьём оз прёста лок,
Но вежа юбръяс пыр мёрччё.
...И эскыссыё, мый оланног
Морт вежёр сёвмём вылёт тёдчес.

Со воис кызы ётикёд нэм,
Ми вежим Библия экранён,
Ми збыльсы эскам: сідзи-й эм,
Морт сійё вёвлём облезяна.

На счастье или на беду
Господь послал такую участь.
Лесной дорогою иду,
О будущем уже не мучась.

Чуть слышны птички голоса,
Листвы таинственной движенье,
И отразили небеса
Сирени белое кипенье...

Забытый скит. Притихший лес,
Где тишина развеет тугу,
Где только деревянный крест
Хранит безмолвную округу.

* * *

Кружась во всемирном потопе,
Мечтали достичь высоты,
Хотели пожить, как в Европе,
Разинули, глупые, рты.

А всё обернулось иначе —
В привычной сумятице дней:
Богатые — стали богаче,
А бедные — стали бедней.

Как крепко засела в народе
Премудрость прошедших веков,
О братстве мечта и свободе —
Извечный удел дураков.

Как будто о нас, идиотах,
Болит у француза душа...
Теперь на иных оборотах
Телега скрипит не спеша.

Печалиться, впрочем, не надо.
Виновных не стоит пороть,
Бредущее медленно стадо
Пока не оставил Господь.

Мый понда олём паніс Ен
Да татшом пудсо сиис нуны,
Мый водзё лоб — веськодь мен.
Со вёрса туйёд лёня муна.

Тан ёдва кыло лэбач гор,
Вёрплюн шувгом сийёс венё.
И розъя лём да пельсь сор
Син водзын ворсё кельыд енэж.

Тан вошом скит. Тан парма шёр.
Тан лёняс лолын пессысьсё ѿгыр.
Тан сомын крест да ляпкыд йёр,
И сэсся нинём матигёгор.

* * *

Отгудырас вўйысис ловным,
Тадз ыштылім сүёдны ком.
Европа моз кёйыссис овны,
Вир йёйяс, ми паськёдім вом.

Но съёвзисны лёсъёдлом соддзё,
Шань тёвру эз мышканым польт.
И озыр со озырмё водзё,
А голь лои нёшта на голь.

Мый виччисны ылысса польяс,
Пыр виччысям, нэм бёрся нэм:
Шань вокъяс моз олём да воля...
И кёнкё по татшомыс эм.

Ог эски, мый ми кодыс понда
Французъяслён майшасьё лов,
Мед бурджыка овны ми пондам.
Но дзуглясны таысь оз ков

Да мыжаёс индыны пасён.
Вай лёньёдам ас костын вен,
Бус кыпёдьсис мудзём стадасё
Эз эновт на пыр кежёлло Ен.

* * *

Молюсь исправно Богу. Но
Не вяжутся слова молитвы.
Душа — как будто поле битвы,
В ней всё огнём опалено.

Горит в ночи моя свеча.
Казалось бы — читай, внимая,
Но, вещих слов не понимая,
Бросаю книгу сгоряча.

Но слышу — я ещё не глух, —
Как тень звезды скользит по крыше.
Господь, верни мне скорбный слух,
Чтоб сам себя я смог услышать.

* * *

Не зная, что будет наверно,
На ощупь плетёмся в потьмах,
Мы все преисполнены скверны
И в мыслях своих, и в делах.

И всюду царит непреложно
Немая, безбожная ночь.
Ужели и вправду так сложно
Хоть в малом себя превозмочь?

Ведь всё, что в душе накипело,
Давно исцелил бы Господь,
Когда бы не бренное тело,
Когда бы не глупая плоть,

Когда бы, лихой и отважный,
Смирив выраженье лица,
Молитву, хотя бы однажды,
С душой прочитал до конца.

* * *

Он шёл толпе наперекор
И, выйдя из водоворота,
Перекрестясь, зашёл в собор,
Прикрыв тяжёлые ворота.

* * *

Ен водзын кевма помтёг, но
Оз ладмы сёрни, ёти сёрём.
Лов — быттьё тышьсь петём бёрын,
Мед бурдны, ковмас уна во...

Съёд войын дзузгё менам сись,
А сідз кё — лыддысь, ловтё вежёд.
Но мудер кывъяссё ог вежёрт,
И лэдза киысь вежа висът.

Но, быттьё андел чёткіс тыв,
Лёз югёр уси керка вылё.
О, Енмой, бергёд меным мыв,
Мед ассыым вежёрёс ме кыл.

* * *

Мый виччысынь водзысь, ог тёдой,
Ки маласён письёдам туй.
Ми няйтас да гудырас пёдам,
И оломным матё оз туй.

И быдласянь повзьёдчо рёкыд,
Кор му вылас помасьтём вой.
Да збыль ёмой сэтшём нин съёкыд?
Чут вежыштны асьтё — кёты войт?

Мый ёкмис да мустё мый йирё,
Мед важён нин бурдёдис ен,
Но ётдортчо дузъялысь вир-яй,
Да съёлём и лов костын вен.

А тырмыён, тёда ме стёча,
Рам вежёр да неуна мыв,
И лыддыны помёдз, кёты ётчыд,
Ен нигаысь велёдан кыв.

* * *

Нэм ставлы паныд мунис морт.
Но петіс вабергачлён нырысь,
И аддзис туй бокысь собор
Да чёткіс пернапас и пырис.

И отступила темнота,
На паперти застыли тени,
Он встал пред Образом Христа
И опустился на колени.

Кто был он — мытарь или вор?
Просил прощения? Покоя?
Но всем чертям наперекор
Крестился правою рукою...

Он слов молитвы не учил,
Но всё же как-то изъяснялся,
И отблеск от его свечи
Под самым куполом метался.

Он вышел, осеню дыша,
И, деньги раздавая нищим,
На миг почувствовал — душа
Затеплилась на пепелище.

Вот так, превозмогая тьму,
Он утолил свои печали.
И нищие вслед ему:
«Храни Господь тебя!» — кричали.

* * *

Предвижу скорую разлуку,
Но счастием не дорожу.
Меняю суету на скуку,
По лесу зимнему брожу,

Листаю памяти страницы,
Вдыхаю снежный дух хвои,
И желтогрудые синицы
Щебечут, словно соловьи...

Здесь тишиной меня подлечат,
И, одиночеством томим,
Пойду опять судьбе навстречу,
Твоей молитвою храним.

И быттьё қыліс мыла гор,
Сөдз вуджёр уси паперь вылёт,
И образ водзё сувтіс морт
Да лёння ләдзчис пидзёс вылёт.

Но коді сійё? Мыйся морт?
Мый корё, лолыс оз мой инась?
Кöть қыдзи мутыыс эз ворд¹,
Со мортыс сибаліс Ен дінё.

Кöть вежа кывъяс нэм эз тёд,
Но қыдзкё кевмысис, эз весяс.
Сись биыс дзузгис, но эз пёд,
Дзик купол рёchas сійё пессис.

Морт коркё чеччис, перийис съём,
Став татчё воысыслы юкис,
И быттьё лигышмуніс сён,
И қыліс кокнёд тайё здукас.

Кор петіс ортсо, юғыдлөз,
Сөдз югёр мортлон лоло сидзис.
И шёпкёдісны тёдтём йöz:
— Мед тэнё вежа Енмыс видзас!

* * *

Мый регыд ториёдчылам, қыла,
Но шудёс некыдзи ог видз,
И муна быд лунъясыс ылёт,
Мед ворті шойтны, прёстö сідз.

Син водзті кольём кадыс пышшой.
Лыс кёр да пув кор сорён тшай.
И татшом здукё весиг пыста
Кор сылёт, чайтсё — колипкай!

Тадз муна, мудз и дёзмём вунёт,
Но гажтёмтчи нин — лёння оз ков.
И бара олём гыас сұна,
Тә кевмёмён кён күтсё лов.

¹ Вордны — заговаривать.

В старой королевской обсерватории

Господь определит судьбу:
Кто — в адмиралы, кто — в поэты.
Ему — разглядывать в трубу
Чужие звёзды и планеты.

Трудился много лет подряд.
И познавал устройство мира...
И небо всё твоё, и сад,
И эта тесная квартира.

Но ни иконы, ни креста,
Ни Библии я здесь не видел...
А в целом же судьба проста:
Жизнь прожил — мухи не обидел.

Тускнеют, ослабев, глаза.
И плечи сгорбились убого...
Всю жизнь смотрел на небеса,
Да так и не увидел Бога.

Раздумья в степи

В пустыне властвует самум.
И степь не знает постоянства.
Куда исчез Каракорум —
Столица Золотого ханства?

А ведь отсюда шла Орда
В свои кровавые походы,
Уничтожая города,
Пленяя страны и народы.

И город был от бед храним,
И от пожара, и от сечи.
Но меч судьбы висел над ним:
Был град велик, но не был вечен.

А по Руси найдёшь едва
Огнём не тронутого града.
А сколько раз была Москва
Сожжённой в битвах и осадах?..

Важ королевской обсерваторияны

Мед кодқо судзис ыдкыд чин,
Мёд ыләдз нималіс поэтён,
А тэнүд — нэмсө корсис син
Ен ийрысь кодзув да планета.

Тадз зілин тёдны сымда кад,
Мый волі муяс пуксьём дырии.
Со тэнад енәжыд, и сад,
И весиг тайё дзескыд жырыыс.

Но образ либо вежа крест
Ни Библия оз тыдав тані,
И олём удайтчис ли эз,
Ог ышты татшом сёрни панны.

Тэ вылёт туйдчис олём гыд,
И синъяс чусалёны надзён...
Ен ийрё дзоргин олёмбыд,
Но асьсө Енмөс эн и аддзыв.

Степ шёрын мёвпъяс

Пустыня пожналё самум,
И степын сынёд кёрыс кургов.
Кён туй помыд, Каракорум,
Зарни Ордалён вёвлём юркар?

Од тасянь петавліс Орда
Да грёzsö быладорё нуис,
Из каръяс кисытіс — кольліс дав,
Тадз пёлёнитіс озыр муяс.

Тэ волін көртён дорём куд¹,
Эз имит би, эн сетчыв венны.
Но ёшаліс нин сьёкыд пуд,
И лоин вывті дженыыд нэма.

А Русын сэтшом кар эз вёв,
Ордаён вörzьёттом мед коли.
Москвато босытам — сымда пёв
И сотлісны, и куслі олём.

¹ Куд — ларец.

Но вновь восстали, поднялись
Из пепла города России,
И купола тянулись ввысь
Ажурные и золотые...

Очнусь от набежавших дум,
Вгляжусь в бесстрастное пространство:
Куда исчез Каракорум —
Столица Золотого ханства?

Закон истории жесток.
Всё мерит время мерой строгой.
Холмы. Нагая степь. Песок.
Луна над пыльною дорогой.

Веж пёим вылын ловзис бёр,
Кöть сёйсъ пёдлі аслас вирён,
И кыпöдчисны Енмыс сьёр¹
Сöдз юра крамъяс енэж йирö.

...Зэв ылöдз нуліс гажтöм дум.
Степ шöрын чизыр тöв со мургö:
Кöн туй помыд, Каракорум,
Зарни Ордалён вöвлöм юркар?

Кад муртас улысь нем он дзеб,
Сы киын став — му вылас вöльсъ.
Чав лыа. Мылькъяс. Тыртöм степ.
Да буса туй весьтын виж тöльсъ.

* * *

Ты ждал наступленья зимы,
Как ждут избавленья от боли.
А ветры в желтеющем поле
С утра затянули псалмы.
Ты ждал наступленья зимы.
Ты ждал на исходе недели,
Как сказку, ночной снегопад,
А думал, совсем невпопад,
О птицах, что к югу летели,
О птицах, что с юга летят...

Дой лёньём моз виччысин ком,
Кор лымъявны босытчылас чёла.
А рудöдьсъ ыб весьтын тöльсъ
Водз асывсянь сыліс псалом.
Тадз матысмис вежалун пом.
Тэ виччысин, инад эн тёр,
Лым виччысин, быттьёкё мойдын,
А вежöрыд думъясон ойдис,
Мый лэбачьяс мунисны войдöр,
Но тулыснас воасны бёр...

* * *

Небеса обличительно немы,
Час затишия перед бедой.
Как подумаешь: кто мы и где мы,
За какой оказались чертой...

* * *

Мыждьсъ синъяса, чёв олё енэж,
Татшöм лёнь бöрын пансылó кось.
Кодъяс лоам ми? — юалём венö, —
Кытчöдз воим, мый косны оз позь?

Череда бестолковых событий
Затянула нас в круг бесовской.
Опьянённые жаждой открытий,
Захлебнулись заморской тоской.

Быд лун вежсёём — нем абуыс лоё,
Мути ордымё кежёдис нэм.
Сымда выльыс, мый чермуналö лолыд,
Завидь, кёнкё мый олёмыс эм.

Тяжелеют осенние воды,
Догорают рябины огни.
Но во мраке ноябрьской природы
Вдруг наступят особые дни.

Пемыд йирё моз ывлавыс сунё,
Пелысь розъясон ыпнитліс ар.
Тайё кад вылас кутшöмкё лунö
Волё здук — быттьё разъсылó гар².

¹ Енмыс сьёр — вместе с Богом.

² Гар — перекрученный; туто сучёный (о нитках).

И развеется мрак постепенно,
Рябь по водам пройдёт не спеша.
И как солнечный отсвет, нетленно
Встрепенётся и вспыхнет душа.

* * *

В жизни всё идёт по плану:
Поздно ляжешь, встанешь рано,
На работу и домой.
В баню утром в выходной.
Телевизор. Гости. Дети.
Сорок лет на белом свете
Пролетели. Пронеслись.
Это — жизнь.

Дни летят неотвратимо.
Что-то в цель, но чаще — мимо.
Едем с ярмарки. Как будто
И не вечер. И не утро.
Лошадей неспешный бег —
Выпал снег.

В суете и круговерти
Чаще думаешь о смерти.
Утром чувствуешь усталость.
Сколько там ещё осталось?
По ночам тревожно спится.
Сердце. Печень. Поясница...
Едем дальше не спеша...
А душа?

* * *

В церковь ходим и крестим лбы,
Потому что боимся смерти,
Потому что боимся судьбы —
Непонятной её круговерти.
От житейских уставши битв,
Скорбно Слову в храме внимаем
И родные слова молитв
С удивлением понимаем...
И на опупль идя впутьмах,
В отрицанье не знаем меры,
И гнетёт нас, сердечных, страх,
И в сердцах не хватает веры...

Личкысь пемыдыс разалё надзён,
Ворсё ва... Водзё нинём оз ков.
Рытъя шонділсысь дзиридсё кор аддзан,
Тадз жё вёрзылыё зэлалём лов.

* * *

Олём, шулёны тай, сетчё:
Вода сёрын, водз зэв чечча.
Уджалышта, горто локта.
Шойчан лунё пывсян ломта.
Челядь. Гösтьяс. Телевизор —
Ставыс мунё аслас визьёд.
Со нелямын бёрё колёйм,
Тайё — олём.

Лэбысь лунъястё он косёд.
Мыйkö ладу, мыйkö — косё.
Локтам ярмангась, быттьё
Рыт, и быттьё асыв; лыддя
Вёвлысь тувчём — зым да зым.
Лэбё лым.

Волё мёвпсер кысьё ылысь,
Тшёкыдджаха кувсёйм ыйлысь:
Асывъясё мудз нин личё.
Уна-ö и коли, сідзкё?
Войнас эшкын оз нин шонты,
Ты-мус висьё, кокёс ёнто...
Тырмас, вунёдчывны колё...
Но а лолыд?

* * *

Ветлам вичкоё, тэчам сись
Сёмын сысь, мый кувны полам.
Нёшта сысь, мый олан визь
Тайё гудырас пикё волё.
Ökmö быд лунъя нокысь мудз,
Вежа кыв понда кыссям крамё,
И мый вежёрным озджык судз,
Съёлём эскёдё аслас сямён...
Мунам пемыд пыр, гёгёр руд,
Асыным эсқытёг зілям нырны,
Со и увтыртё полём ру,
Со и съёлёмлы лача оз тырмы...

* * *

Гордились долго — чудь и водь —
А вот уж в Космос полетели...
Лишил нас разума Господь —
И мы как листья облетели.
Что толку — царь ты или князь,
Хрустят обманчивые льдинки,
И скоро всех нас втопчут в грязь
Американские ботинки.

* * *

Весной обычно спится плохо
И неспокойно на душе.
Апрель. Кончается эпоха.
Скрипит Земля на выраже.

А мне твердят, что невралгия,
Поменьше есть, поменьше пить.
Но мир другой. И мы другие.
И ничего не изменить.

А нам рассказывают сказку,
Что жизнь безумно хороша,
Но так близка уже развязка,
Когда в огне сгорит душа.

Объял планету адский пламень,
Кругом беда. Кругом война.
Я в храм войду. И пусто в храме.
И в храме Божьем тишина.

И посреди всемирной битвы
В канун вселенского конца
Шепчу слова своей молитвы
Как бы от третьего лица.

* * *

Весны долгожданный приход —
Природы нежданная милость.
Едва миновал ледоход,
А вот уж листва распустилась.

* * *

Пыр серам туйын — чудь да водь —
А ми со Космос ё нин волим.
Но мырддис сямнымёс Господь,
И потём вор дораным колим.
Дзик веськодь, ёксы либо сар,
Кор татшом ускёттёйис сулё,
И регыд ставлы вичмас нарт
Америкалён кёмкот улын.

* * *

Мем тувсов кадё узьсьё лёка,
Лов пессё, торксьё олан ру.
Апрель. И помассё эпоха.
Чёрс йылас дзуртіг лэбё му.

Ті вөзъяд ётдорчыны пежсыс:
Эн сымда ю да асьтö видз.
Морт вежсьё. Мир ми гёгёр вежсьё.
И век жё ставыс кольё сізд.

Со бара висыталёны мойдъяс,
Мый олём лои вывті бур,
Но колины нин бёрья войтъяс,
И регыд воссяс биа нюр.

Мый вёчсьё, олам кутшом сямён:
Война да шаг — ми йоймим сконь.
Со пыра тыртём, кёдзыд крамё,
И Енлён крамын шуштём лёнь.

И неморт нога олём шёрас,
Кор весиг вежа лолыс сьёд,
Ме кевман кывъяс вайи сьорысь,
Но кодсянь сёрнитны, ог тёд.

* * *

Друг ловзё и вёр-ва, и сикт —
Тадз тулысыс ёдёба босытчё.
Йи кылаліс сёмын на дзик,
А раскын нин корыйис со воссё.

Промыт изумрудный кедрач
Звенящими ливнями мая.
Над мокрыми крышами дач
Потянеется первая стая.
В отмеренный Господом срок
Душа встрепенётся несмело —
Как этот зелёный листок,
Как ветка черёмухи белой.

И радость охватит меня,
И что мне все ахи и вздохи —
Тревоги минувшего дня,
Сомненья грядущей эпохи,

Печали ушли навсегда,
Иду молодой и счастливый —
Какая большая вода,
Какие высокие ивы.

Плынут не спеша облака,
И в небо впадает река.

* * *

Мгновеньем надо дорожить,
А не оплакивать потери.
Всё ждём. А надо бы спешить —
Не много нам Господь отмерил.
Распахнуты в рассветной мгле
Врата небесного чертога...
А мы все тщетно ищем Бога
На этой суэтной земле.

И югъялёр сус пуа вёр,
Май тёлышся зэръясён мыськом.
И воасны лэбачьяс бёр,
Од чужанін быдёнёс кыскö.
И Енмыслён шуёма кор,
Быд лов ассыс индёдсö посиё¹ —
И медводдза нэриник кор,
И льёмлён веж быг сяма розыйс.

И овмёдчас съёлёмё шуд,
И колё мой шогъясös кайтны —
Ме казтывны важсо ог кут,
Ог ышты и водзёяс чайтны.

Мый майшёдліс — кольёма, да.
Ме восълала томиник, шуда.
Ак, кутшёма туёма ва,
Ак, берегдор баддьыс мый суда.

А кымёръяс кывтёны надзён,
Мёд ю быттьё енэжсыс аддзан.

* * *

Быд здукысь аттьё шу, эн бёрд,
Мый коли, си понда. Эн виччиы,
Мый лоё. Тэрмась, могтö пöрт,
Эз помтöг Енмыс миян вичмёд.
И коркё воас индём здук,
И воссяс ёдзёс руа раддзён²...
А ми и Енсё эг на аддзой,
И вöчтöмыс на мыйта, тшук.

Комиёдис Евгений Козлов

¹ Постины — (в 4 знач.: оправдываться, отыгрываться). Здесь — оправдывать своё предназначение.

² Радз — плетёная решётка, сетка из прутьев или дранок.

Сергей Журавлёв

Сергей Васильевич Журавлёв, поэт, прозаик, драматург, публицист. Автор нескольких поэтических сборников и двух книг прозы, трёх пьес. Кроме того, путешественник — автор трёх путеводителей.

Родился в городе Иваново, детство провёл в селе Усть-Цильма, отчество — в Сыктывкаре, юность — в Ростове-на-Дону. Вернулся в Сыктывкар после учёбы в гидрометеорологическом техникуме в 1982. Занимался в литературном объединении «Сыктывкарская мастерская» Надежды Мирошниченко. В 1990 году поступил в Литературный институт им. М.А. Горького, который закончил в 1995. Член Союза писателей России. Старший тренер по альпинизму Федерации альпинизма Республики Коми, кандидат в мастера спорта.

«Простите меня, я тропу проложил средь болот...»

* * *

Простите меня,
если я приносил вам беду.
Уходят друзья...
И за ними я вслед побреду
в мир горний,
где звёзды мерцают
тревожно маня.

Простите меня, если можно,
простите меня.

Простите меня:
я о Родине пел... Не кричал.
За вздорный характер простите.
За то, что с плеча
рубился за русское слово
я день ото дня.

Простите меня, если можно,
простите меня.

Простите меня,
я тропу проложил средь болот,
но в наших краях
нет другого пути на восход.
Сквозь гиблые топи я шёл,
никого не виня.

Простите меня, если можно,
простите меня.

Простите меня,
но однажды негромкой строкой
и эхом заречным
я вновь потревожу покой.

Я вас разбужу,
в путь неведомый снова маня
кукушкиным плачем,
и ржаньем ночного коня...

Простите меня, если можно,
простите меня.

Диптих «Выстрел Ван-Гога»

1.

Не ведая ни сном, ни духом
О кознях-происках судьбы,
Подранок гордого побега
Оценивал остатком уха
Мелодию своей ходьбы
По ранам выпавшего снега.

Искала вечного ночлега
Издёрганный миром плоть,
Но во спасение
Ковчега
С небес не присыпал Господь
Лишь бесконечные страданья.

Эскизов белые листы,
Холсты слепого мирозданья
Безумно заполняла кисть,

Не признавая покаянья
За дерзко прожитую жизнь.

Дни поисков и розысканья
Планет неведомых огни
Владели помыслом Ван-Гога.
Спиралью корчилась дорога,
Ведущая куда-то ввысь,
В коленях подгибались ноги,
Шептали губы: «Удержись!»

...Печаль усталого итога:
сжимает бледная рука
след полуночного дурмана —
лохмотья огнестрельной раны.

Во искупление греха
Есть:
Сто шагов до кабака,
И вскрик прощанья у порога,
И свет страны Обетованной...

2.

Суeta сует...
Каждый год, каждый час, каждый миг.
Суeta сует...
С укоризной вслед смотрит дедов лик.
Суeta сует...
Не сумев понять, что есть зло и ложь,
Жизнь-судьбу менял я на медный грош...
Ломкий медный грош.

Суeta сует...
На пути к себе был я смел, но слеп.
Суeta сует...
Без печали жил, славил быт-вертеп.
Суeta сует...
Я душой глухой был убог и сир,
И не внёс добра в этот зыбкий мир,
В этот ломкий мир.

Суeta сует...
На свои семь бед не найти ответ.
Суeta сует...
Кто там взмахом крыл белый свет застил?
— Конь блед...

Вознесение в побеге

(Из воркутинской тетради)

Пятна крови. Жёсткий снег. Псы на клочья рвут надежды,
усмирив чужой побег.
Ненасытно бремя власти. Кум гуляет вдоль шеренг...
Хром сапог, скрип безучастный, плац, мертвец,
жестокий снег.

Строй молчит, но исподлобья все бросают взгляды вверх,
выше птичьего полёта.
Каждый знает: в одночасье и его прервётся век...
Пятна крови, жёсткий снег.

Над метелью, над закатом примеряет беглый зэк
белоснежные одежды.
Гулко клацает замок (как затвор у автомата),
отворяются ворота, Пётр и Павел впереди.

Позади жестокий снег, плац, развод на месте лобном,
кобели, что воют злобно,
воркутинские болота, чёрный уголь, серый строй
с позабытою весной.

Исповедь оператора

*Светлой памяти операторов,
погибших при ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской АС*

Я распят на кресте
из обломков бетонных трущоб,
арматурой-рифлёнкой диаметром восемь
пробиты запястья,
и не кровь, нет, не кровь,
отработка от масел течёт
из артерий и вен...
Мне недавно исполнилось двадцать,
только двадцать «разумных» веков.

Я распял сам себя
за чужие, слепые шаги,
и к печальной юдоли моей
нет проторенных троп,
и никто из живых не придёт,

не преклонит колен, —
даже низменный червь
не желает насытиться властью
и вернуть в обожжённое чрево земли
мою плоть.

Я живу,
но смержу миллиардом рентген без вины.
За спиной не Эдема сады (как мечталось), —
бездикость пустыни.

Только старая шлюха приходит порой из обугленных стен,
и садится напротив, оскалясь беззубою пастью,
и старательно правит косу о шершавость луны,
и хрустя расправляет скукоженность старческих пальцев
под иступленный вопль тишины.

А вокруг только тлен.
Только чёрная пыль. Только чёрная боль. Только чёрная быль.

* * *

*На открытии памятника
«Жертвам локальных войн»*

Застыла земля.
Новорожденный снег
кружит словно пепел.
Усталый парнишка
на камень присел,
печален и светел.

Напомнила бронза
афганский песок
своей желтизною.
Напомнила поза
далёкий Восток
с ненужной войною.

Напомнили розы
у ног на земле
о горе... О сыне.
Печаль
материнской слезой на щеке
мерцает... Не стынет.

Апрельская баллада

Весна идёт походкой валкой
по слякоти ночных дорог
в цветном просторном полуshalке,
в оковах мужниных сапог:

— Обуть другие не смогли —
уж очень ноги отекли.

Одеться помогала мама, —
муж третий месяц на войне,
его начальники упрямо
твердят, что нужен он в Чечне.

А спозаранку, в пять утра,
узнала: подошла пора.

— Волнуется, наверно, мать,
но старшего ж не оставлять
хозяйничать в пустой избе.

...Шалун, каких и не сыскать.

Уж лучше так — шажком, шажком,
опёршись в землю батожком.

В руке пакет излишне яркий
(какой нашёлся под рукой).

Всё, что просили санитарки,
приходится нести самой.

А на пакете секс-модель
всем предлагает карамель.

Весна идёт походкой валкой,
простой беременной крестьянкой,
и ласково, храня от бед,
шутник-апрель глядит ей вслед.

Он рад, что снова не до сна
красивой женщине по имени...
ВЕСНА.

Посёлок Желанный

B. Овчинникову

Предел навязчивых желаний —
я снова еду на Желанный.
Гудит натруженю «Урал»,
и раздвигается Урал.

Водила — парень из упрямых,
прёт напролом по старым ямам,
по нераскатанному краю.
И формулой былых ненастий
поблёклой тушью на запястье
наколка: «Нету в жисти счастья!»
плюс надпись буквами по пальцам
отчаянно проста — «И В А Н !»

А на Востоке горы алые, —
вчера под снегом горевали,
сегодня стаял поздний снег...
Мы вверх ползём, бросая след
на колею тундровых ран.
И раздвигается туман,
сверкают солнечные пяльцы.
Уже видна гора-Шаман,
а под колёсами хрустально
руда хрустальная хрустит.

Водила знал огонь и трубы,
отчаянно по-фене рубит, —
он в третьей ходке завязал,
но не оставил Север крайний,
где не размазан абрис грани,
«Быть иль не быть?»
вопрос открыт.

Гудит нагруженный «Урал»
и прёт надёжно к перевалу.
Через Уральские хребты
ведёт машину русский Ваня,
что волю-вольную искал.

За перевалом наш Желанный.
У озера Большой Балбан
пекарня трубами дымит,
и растекается вдоль неба
манящий хмель ржаного хлеба...

Там, на Желанном, все желанны,
кто хоть однажды побывал.

* * *

От креста наперсного
до креста печального
годы — вёрсты.

От рожденья громкого
до погоста тихого
дни — вопросы.

От паденья первого
до прогулки с посохом
ночи — думы.

От мечтаний робких
до решений дерзких
вехи — будни.

Август жизни пройден,
за рекой стихают
суетные грозы.

Жёлтые осины
стряхивают с листвьев
утренние слёзы.

В мир входили с криком,
а уходим тихо.
Так угодно Богу.

...Положи мне, дочка,
горсть родной землицы
в дальнюю дорогу.

Вольный сонет «чернокнижнику» Алшутову

«Ты пыльной древности преданья воскресил»*
и в книгу вечную вписал раздумья ночи.
Ты в слове был изысканно порочен,
но жалости небесной не просил.

* Страна из стихотворения А. Алшутова.

Построив дом, невидимый для прочих,
на чёрном камне начертал: «Я просто жил!»
И чёрной вестью ворон закружил
над линией холодных многоточий.

Разрушен дом. Ни света, ни тепла
не в силах удержать пустые стены.
Напоминая всем: «Всё в мире тленно!»,
блестят осколки битого стекла.

Но Вашей книги мудрая скала
под ветром времени всё так же неизменна.

* * *

Ворох прошлых надежд
рассыпается хохотом-звоном.
Отрекаюсь любя:
— Не пиши! Не звони! Не зови!
Я пытался примирить терновый венец...
Не корону.
Я пытался замешивать краски стихов
на крови.

Впрочем, что возомнил о себе...
«Созерцатель миров»
не терновый венец примерял —
а шутовский колпак!
Пробираюсь на площадь людскую
под звон бубенцов,
продираюсь на площадь людскую
под крики зевак:
— Спой нам песню,
подарим тебе неразменный пятак!

И пою. И беру медяки.
И бросаю в карман.
В том кармане прореха-дыра...
Ерунда, не изъян.
Не беда, что монеты,
о камни брускатки ударясь,
звенят, развлекая невежд,
не беда, что бомжары окраин,
указательным пальцем крутнув у виска,
подбирают мои пятаки

и с ухмылкой бредут в магазин...
Пусть пропьют...
Во спасенье любви, во спасение вечных надежд.

* * *

Между светом и тьмой по струне роковой —
утомлённой струне,
сквозь огонь перемен, сквозь объятья измен,
сквозь непознанный страх

путь в неведомый мне невесомый покой
невесомых цепей,
где насмешкой теней, пылью вечных идей
пепел... Прах.

Путь неведомый мой по стерне родовой...
Нет дороги верней!
Несуразности плen, чёрной метой измен
стынет кровь на губах.

Но в пшеничном вине я бреду по стерне
между светом и тьмой, —
словом вымолив крест, колокольную весть, —
в родовых кандалах...

Время чернотрона

*Фёдору Бабикову,
хозяину «Федъкиных угодий»*

Небо лунной дымкой замоложено.
Стынет бор в предзимнем ожидании.
Заполошный ветер по-над озером
крутит крики птиц...

Заледи куржавными изломками
оковали воды, заполонили,
укрывая призрачной истомою
тайство границ.

Ранний луч начала первой осени
пробрался в окно весёлым заинькой,
пробежал по потолку, по матрицам...
Обогрел плечо.

— Что ж, родной, спасибо, подымаюсь я,
Отыскать бы надо ступни-валенки...
Скрипнули половицы обиженно.
Замолчал сверчок.

Лоскутом берёсты, смольной щепкою
оживлю огонь печурки-каменки,
прикурю от уголька вчерашнего,
стану ждать гостей.

И смотреть... А в мороке за окнами
лиственницы — вековые сторожи,
машут порыжелыми мурмолками
гомону гусей...

* * *

Однокурснику, орловскому поэту — И. Жиляеву

Живём надеждами и болью
своей расколотой страны.
Ещё не осознав вины
за опустелое подворье,
за деревенское безмолвье,
забыв, что судьбы скреплены
крестьянским потом — жгучей солью.

Тем потом, что, снимая латы,
роняли воин и оратай
на порубежной полосе,
сухой земли услышав стоны.

Той солью, что несли солдатам
на майском хлебе в сорок пятом
украсить горькое застолье
чужие, столь родные, вдовы...

Живём надеждами и болью...

Вечерия

Светлый Ангел-Хранитель
на вешнее поле сойдёт.
И, оправив крыла,
отряхнёт с них росу золотую.
И в небесном просторе
семицветное диво зажжёт.
И, подняв с борозды,
горсть парящей земли поцелует.

Землепашец,
закончив работы у дальней межи,
чуть приохнув, расправит
затёкшие за день, уставшие плечи.
И, заметив супругу,
что вдоль по просёлку спешит,
кликнет сына старшего
и с ним зашагают на встречу.

И на пару пойдут
плотный кряж и подросток-росток,
отливая на солнце закатном
телесною медью.
А хозяйка раскинет в траве
самобраный платок
и накроет его
немудрёной крестьянскою снедью.

Светлый Ангел-Хранитель
на вешнее поле сойдёт.
Светлый Ангел-Хранитель
на Вечное поле сойдёт!

Алексей Попов

Алексей Вячеславович Попов чужис 1950 воын июль 25 лунё Кёрткерёс района Үджыдвайд сиктын. Дас класс помаліс Шойнатыны. Уджаліс совхозын. Армияны служитом бёрын весъкаліс Кёрткерёс района «Звезда» газетö. Уджысы орёдчытöг помаліс Сыктывкарса университеттäлес история юкён. Медводдза вистыт йёзёдис «Войвыв кодзув» журналын 1971 воын. Сийё кадсянныс гижёма уна вистыт, повесьт да пьеса. Петалісны небögъяс. Пьесаяссö пуктисны Сыктывкарин, Набережные Челныны, Рубцовскиын, Балашовоын да нёшта уна карын. Сетёма «Коми республикаса заслуженнöй уджалысь» ним. Донъялёма Виктор Савин нима Государственной премиёны. Пасйома Российской Федерации сакултура министрстволён «За достижения в культуре» знакон. Пыртёма Россияса гижысь котырё. Оні «Бикинь» журналын шёр редактор.

Олём войтъяс

Водзкыв

Олымысь тайё неыджыд войтъяссö окота панны со кутишом мёвпöн.

Быд мам радейтö ассыыс писо либё нывсö. Шуам, кагаыс джодж шёрын ворсö. Мыйкё тёльгö-шуалö. Шуда нывбаба, тыр синмён сы вылö видзöдлгöн, быд ногыс вермас петкёдлыны ассыыс помтöм-дортом муслунсö. Отияс пось кывъяс шуалёмён вермасны уськодчыны кутлыны да окавны. Мёдъяс прёстö пуксасны лабич помё да шуда синваён видзöдасны на вылö. Отиясис и мёдъясыс съёлёмсияныс радейтöны ассыныс быдтасъяссö. Делёыс абу сыын, коди кыдзи петкёдлö тайёс.

Ме тайё вистторъяс вылас видзöда дзик жё шуда мам моз. Меллунён тыр синъясон. Съёлём пуктöма лои найёс гижигён, найёс мёвпалигён. Колёкё, кодкё шуас, мый танi абуось гора кывъяс, джуджыд мёвпъяс. Тайё од кыдз на матыстchan на дорö. Кыдзи гёгöрвоан найёс. Ас пайысь зили петкёдлыны миян олымысь посныдык войтъяссö. Од буретши ичёттик, синмё ёна шыбитчытöм лоимторъясыс и тэчсö олёмным, тыдовтчö миянёс кытшалысь йёзлён сямыс. Олём дорö матыстчомыс.

Пуяс

Шензыны ог дугдыв со татшöмтор вылö: шуам, сиктын босытчоны кыпöдны керка. Оз шöрас, а бокöджык, кёнi пуяс на суалёны. Первой босытчасны пöрёдны став пожёмсö, кыдзсö. Ни öти пу оз кольны. Сэсся керка кыпöдасны. Овмёдчом бёрын кёзянин бытъён ветлас бöрё да ваяс вужъяснас посни пожёмъяс, кыдзяяс да пуктас керка гёгöрыс. Сэсся виччысёны налысь быдмёмсö. Окота жё, медым

оланін гёгёрыс шувгисны пуюс. Вояс кольёны виччысигас. Ог гёгёрво, мыйла эз кольны гоз-мёд пу, кор местасö лösöдöсны. Сэк эсько пуюсыслыс быдмёмсö эз ков виччысны и вёрысъ эз ков бёрас вайны.

Сэтшомёсъ жё йёзыс олёмас. Мыйкё кё выльтор думыштасны, то бытьён колё важсö дзонынас путкылтны. А сэсся бара жё эсько сэтчö вочасён бергöдчöны да.

Менам тьёт мыйлакö зэв ёна радейтліс странаён веськодлысъяслыс портре́тъяс. Батьлы пыр тшöктыліс мичаджыкъясöс кутшомкё журнальясъяслыс корсыны. Ёшёдліс стенö, кёні пельёсын вölі зэв нин важся образ. Медся нин мичаёсъ снимокъясыд вölіны Политбюроса шленъяслён. Найёс и ёшёдлывліс. Кодоскё кё вежасны, выльыслысъ ёдйö жё снимоксö йёзöдасны. Сöмын вунды да шняпкы стенад.

Вояс колины. Вежласисны стенысъ йёзыс. Оз нин ставныслысъ овъяссö бура помнит. Ёшавліс сэні и Хрущёвыд, и Брежневыд, и Косыгиныд, и весиг Горбачёвид слоймыліс. Оні волі тьёт дорö, да стенас некод абу. Сöмын образыввса Енмыс важыс.

Анекдот

Овлёны сэтшом анекдотъяс, кодъясöс быттьё шмонитöм вылö лösöдöмайсъ, а сюроёсис думыштлыны тшöктö. Чукчаяс йылысъ уна жё лösöдöмайсъ. Но ве́жёй коли сöмын ѿти.

Пукалö чукча чум дорын, куритчö да видзöдö помтöм-дортöм тундрасö. Друг мыччысъю вертолёт да пуксö. Петёны сэтысъ локтöм йöz, пырёны чумё. Недыр мысти мыччысъёны, и быдён киас мыйкё босытöма, медся донаторъяссö. Коді телевизор, коді ковёр, коді магнитофон. Ёти кывйён кё, чумсö күштасны. Пыртасны вертолётö да и лэбасны. А чукча оз и вёрзыв. Водзö шпугтö-куритö, тундранас любйтчö.— Мыйла и волисны? — сöмын шензыыштöма сийö.

Збыльысъ Ѻд, мый сылы медся ёна колё? Тундра, лэччысъ шондi, ас чужан места. Сийös кё оз босытны и... Сідзжö и коми войтырлы. Пармасö кё воём йöz отсöгён ог күштöй, пасьвартöй, то мукöдтор нүөмсыыд ог дёзмёй. Лоас кё миянöс кытшалысъ вёрыс, юясыс, чужан муным аслынным кольё, то олам на.

Ылётлём

Неважён казялi, мый мортöс медводдзаён ылётлёны бать-мамыс, да тайö восьтöмторыйыс сэтшома шемёсмёдис. Пузчужём нывлы кутi вёзйыны нёнявны пустышка, мед оз бёрд. Сийö оз кёйы, а ме мырдысъён бёр сюя. Сэсся тай кутис жё нёнявны. Коньёрой виччысъю мам йöв, а сэтысъ нинём оз пет. Ылётлi, мед аслым кокиңызджыка овсис. Ки йылын новлётлём дорысъ мед бурджык нуртöм

резинасö нёнялас. Ичöt мортыд тайös оз гёгёрво, нёнялö тай со. Аслым тысын нимкодьыс эз жö ло. Ылöдлöма лои да. Сэсся, коньёрös, мыйта на оломас ылöдласны. Сэтшöмөсъ нин ми йöзыд да. Но медводдза ылöдчысынас лои ачым. Со мыйысъ медся забедноыс!

Керка

Сиктса керкаыд вайö некор помасылытöм удж да тёжд. Лэптас сийös мужи-чойыд том арлыдаён на. Во кыкён кö овны пырны сяммас, то зэв ыджыд аттьё. Первой тёвсö вуджигён быдрыт кыткö колö лöсъёдны на. Отилати кöдзыд пырё, мёдлати вежыняджык артмёма. Тулыс воём бöрын кёзяин бура нин тёдö, мый колö нöшта дасытыны локтан ар кежлö. Дас во мысти мыйсюрё быттьё лö лöсъёдома: гид, пывсян, пес лэбув. Видзöдан, да керкатö бара нин дzonьталыштын колö. Оз и удитлы шайччыштыны. И пöрысъмытöдз тадзи. Сидзи и оз слоймы дзик помöдз ставсö вайöдны. Кулïгас, эм кö пиыс, сылы на индöд сетас. Кёсий на по эськö сийостö-сийös вöчны да со эг нин удит. Тэ, пиой, вöч. Бур эськö, кор быдтасыс тölка да водзö пелькöдас ас керкасö. Овлö тай, мый бать-мам кулöм бöрас ныв-пиян öдйöджык вузаласны керкасö, мед мынны ноксыыс. Оз и думыштыны, мый коньёр бать-мамыс нэмсö пöшти дасытисны аслыныс и налы оланнин.

Удҗийёза

Тёдса мортлён кулöм йылысъ юёр быдёнös вörзьёдö ас ногыс. Кодкö лим-залöмён бöрдыштас, кодкö думсыыс на и мёвпыштас, мый сылён по сэнн и местаыс. Сöмын отчыдысъ оломын кывлì со татшöмтор: мунис мёдар югыдö оти тёдса. Абу дзик матысса, но век жö жалитöма лои. Дум вылö уси морт, коди ёртасылïе шонъянйöкд. Гашкö, думайта да, оз на тёд шогсö да час, мися, ветла нуны курыд юёрсö. Пыри, пукалышти. Сэсся небыдик гёлöсöн век жö висьтала.

— Кыдзи кулис?! — вежис чужём вылас мортыд.— Сийё жö меным удҗийёза! Доз вылö тölлысъ сайын корлис да эз и сет.

Юёръяс

Нёль судтаа керкаын уджалïгён ёрткöд думыштим вöчны татшöмтор. Ме сийös кори нуны кык юёр. Ас йылысъ. Отыйс лёк, а мёдыс бур. Лёк юёрсö мед висьталаас нёльйöд судтаын пукалысъ оти тёдсалы. А бурсö катöдас мёдёд судтаас, мед öдйöджык бёр бергöдчас. Кёсийим тёдмавны, дыр-ö мысти тайö висьталаомъясыс бёр воасны менам пельёдз.

Ёрт кайис, а ме кутi виччышыны. Эз дыр и ковмы. Öдзöс гурыйыв воссис да пырис нёльйöд судтаас пукалысъ тёдсаыд. Воськовтigмозыс и шуис:

— Ёртыд мыйсö тэ йылысь оз висъставлы. Быттьёкö по тэ кодлысъкö мыйкö гусялёмыд.

Ачыс сюся видзёдö ме вылö. Думсыыс виччысъё менсъым скёрмём. Тыдалö, локтöма лючки сы могысь, медым тёдмавны, кутшомджык лоас меным. Лёк кö, то сёлёмыс бурмас. Юёрсö бёр вайома абу сы вöсна, медым ёртöс явитны, а сы могысь, медым дойдны. Со по тёдам нин тэ йылысь ставсö.

Бур юбрыс вöл со кутшом: быттьё ме сетi зэв уна сьём челядьлён кутшомкö фондö. Кöть эсъкö мёд судтаыс жырсянъ матынджык, но бёрсö некыздзи эз кут воны. Лун виччыси, мёдöс. Вежон мысти кымын ёртöй, кодi и нуис юёрсö, висъталiс, мый сы пельёдз воёма:

— Сёрнитёны, мый тэ фондас сетёмыд гусялём сьёттö. Мед по оз мыждыны. Таысь повзъомыд да ёдийджык нүомыд. Честьё уськёдчом могысь.

Лёк юбрыд тай ёдйо пасъкалö. Бурыд крукасълö быдлабö. Сэсся ва лым ёкмыль моз пыр ыдждö сiйö жö лёкнас. Мыилакö йозыд лёкас ёдйо эскёны, а бурас оз дай.

Лэбачьяс

Олiсны вöрын да эрд вылын быдсяма лэбачыс: рака, катша, джыдж, пыста, кеня, колипкай, пышкай. Асывъяснас найö зэв гораёс вöлiны. Быдён ас ногыс гёллоссö сетлiс, кыдзи кужис. Кравзiсны, китшкисны, сылiсны.

Мортлы, мыилакö, эз кут кажитчыны ракалён кравзомыс. Да и ачыс лэбачыс мисьтöм. Босътiс да бырёдiс сiйöс. Сэсся катшалён китшомыс пельсö сьöдмёдны кутiс. Тшötш жö бырёдiс. Мортлы мусаджык вöл лэбачьяслён дзользъомыс. Отчыд кывзысыштiс. Қазялiс, мый колипкай ёна бурджыка сылö пышкай дорысь. Руд лэбачыд сöмын торкö мичаджыка дзользьысъсö. Босътiс да бырёдiс пышкайясöс. Та борын виалис став мукöд лэбачсö. Сöмын колипкайöс колис. Отi лун морт кывзiс сылсь дзользъомсö, мёд, коймёд... Сэсся отi пöлös сылöмсыд умис. Окота лои кывзышты мукöд лэбачсö. Кöть и омольджыка сылöны, но век жö мёд пöлös шыяс сетёны. И рöмыс, и лэбалёмыс мёдджык. Но кыттыс найöс босътан? Кор ачыс виалис.

Татшом сяма жö и вермас лоны ѫз пöвстад. Менам чайтöм серти, быд морт, кöть кутшом кыв вылын сiйö эз сёрнит — тай аслыссикас лэбач: татарин, чуваш, грузин, роч... Онi со олöмыс мунё сылань, медым кольны сöмын роч кыв. Мукöд кывыйыс быттьё оз сiдзи ков, роч кывыйыс по мичаджык да. Вочасён-вочасён кö лои найöс бырёдöма, то кывыйыскöд тшötш вощас и войтырлён аслыспöлöс сылöм-йöктöмьис. И кутам кö йöктыны сöмын «русской» да сывны «калинка», то регыд мысти аслыным жö ок гажтöм лоас. Окота босътас «шондiбан» йöктышты, «доли-шели» сывны, но ог нин кужöй, асъным коркö бырёдлiм да...

Олiсны-вылiсны гозъя. Гётырыс кос сюмёд кодь. Нинём абуcыс ѫзий-пузьё. Вероcыс мёдарö дай, мый кöть оз ло, пыр вашъялö. Отчыд видзёда, кыдзи найö мёсныслы турун пунктöны. Вель кузя шондiа лунъяс нюжалiсны, туруныс шаракылö

кок улад, пётка гён көдь кокни. Гозъя куртісны, юралісны, а сәссе зорёдö чөвтны босытчысны. Джынайттың на эз воны, кыздзи вёр сайысы мыччысис кымёрлён съёд «чыштьян» помыс.

— Вай өйдің жылайшып, зэрмас! — горзö гётырыс да уськодчö өтилаö-мёдлаö. Оз тёд, кытчö и кутчысыны, медым өйдің жылайшып вайдöнды кос турунсö зорёдöдзыс.

— Кыздзи зэрмас, сіздзи и дугдас! — гылыда сероқтіс верёсис да өддзöдыштіс жо чөвтөмсö.

— Мый нö гордлан?! — пузис гётырыс.— Турунның өд котася! Тэнүнд серам!

— Котася кё, и косьмас,— аслас шүом вылö бара сероқтіс пöлыс.

Гётыр лёзёдöма и гордöдöма, тэрмасьё, сонъясыс кымös пасыталавыс кайома-öс. Верёс эсъкё оз жо весь ов, но вомыс пельдöдзыс.

— Мый көть и котасяллас. Ог кё удиттö зорёдсö помавны, разылам да бара косьтам. Іджыд тай...

— Зільджыка вёр!

— Быттö первойыс турунның зэр улад веськавлö. Век на тай бур кöрымён төвийлім-а. Котасыштас кё, то косьтыштам. Со и став петан туйыс. Быдлалыс позьо петан туйтö аддзыны, сöмын гортайыс бёр петны он вермы,— лабутнöя такöдö верёс.

Гётырлён татчö горзöмид. Усьо-чеччö, риzzяллö. Збыллыс быттö олёмас медеся донаторсö воштö. Но кымёр бокö кежис да мёдлаö ассыс чöжöм васö койыштіс.

Гозъя онi абу нин отлаынöс. Гётырыс эз на торъя пöрыс вöв, кувсылiс. А верёсис со ловъя на. Тапикасъё сикт кузя. Скёрмём он аддзыв. Ставыс сылы лючки-бур.

Окота эсъкё сы моз жо видзöдны быд лоёмтор вылö. Лоис кё, то сіздзи и шүома. Көть ку писыыд пет, он веж. Гёгёрвоан жо эсъкё тайös, но со он вермы веськодясö видзöдны и ставыс. Өзийлан да пузылан, дöзмylan да сьёлёмтö дойдлан унаыс. А мый могыс? Ачыд унаыс он гёгёрво. Но тай он вермы өз-йывтöгыс да пузыватöгыс.

Банкет

Республикалын мунис ыджеңдись-ыджеңд соборуйтöм. Семен Мишёс бöрйылiсны сы кежлö дасытысян комитетö. Сiйö эз вöв чина войтырлён вылыс сер вылын тытвидзыссын. Весиг чир ыджа чин эз новлöдлы. Съёд удж вöчесе сiйö. Мыйла сюйлiсны комитетас — ачыс оз тёд. Гашкё, съёд удж нокысыс ним вылас ковмöма, медым йозыслыс синсö пöртмёдны. Мед эз шуасыны, мый абуось комитетас уджалыс войтырыс. Индöмсысы Семен Миш эз жо куражитчи. Көть эсъкё өйдö гёгёрвоис, мый сыйыс тусь ни пызь. Пукавлiс комитет вылас да корсюрё юрнас гогийдлiс. Юавлiсны кё быттö сылён мёвiт йывсыыс. Ачыс нинём эз вöзйи ни эз чепсась.

Соборуйтöмыс мунис ен сыйкодён бура. Бöрас Семен Мишёс чукостiсны банкет вылö. Эз жо пыксыы таыс. Көть эсъкё ёнасö эз тёд, мыйон сейёны тайö банкетсö. И став коромаяскöд тшöтш мёддöчис ресторано. Пöрччысис, пырис вель паськыд жырий. Іджеңд пызан зымвидзис шöрас. Сы вылын мыйыс сöмын абу! Онi кё тшöктасны лыддьёдлыны, мый вöлi, то висытавнысö весиг оз куж. Тёдтöм,

некор видлытём вёлёга ставыс. Но сёмын тай улёсъяс эз вёвны. Сувтсон кытшалісны пызансö. «Адой, адой, вина-водкыс мыйта!» — мёвпыштіс Семен Миш да видліс зепсыс талонсö, код вылö сетісны тёлышь кежлö быдса доз.

Киськалісны, точкисны, юисны. Кёсийис Семен Миш крукыштын паньнас кутшомкö чоскыд сёян, но друг съёломуыс ёкмуніс. Юрас вирдыштіс мёвп: «Тайён кё Ваньё пиös чөсмөдлыштын либо Анна гётყырёс. Ок кутшом любопырысь эсъко тяпкодчысны». Сылён паныыс быттью ўшайис тасыті весытас. «Найо жо ташомсö некор на эз видлыны. И со эсайо сёянсö тшотш. Эстён куйлысьсö, дерт, эз жо».

Та кості вылышь кисьталісны да юисны. Семен Миш бара кёсийис судзёдчыны вом кёрсö вежны. И бара джёмдіс. Юрас кайыштіс винаыс, да мыйлакö скёрмис: «Пиой да гётყырёй кё тайё вёлёгасö некор эз видлыны, то и ме ог. Мый нё ме наыс выяджык али мый? Чорту голяас. Натог олім да эг на тай кулёй. И водзö на олам. Видлытгыс».

Бара гулькнитісны. Семен Миш збоймыштіс да кутіс видзёдавны сулалысьяссö. Со на пёвстүсь медся чина дядьбыс зымвидзö. Оз жо сей. И юё этшаджык. Тайё сёяныд сылы абу дикёвинка да позьё, дерт, ышнясыштын. А юнысö мукёд мозыс чинис эз лэдз дай. Семен Миш оні эз кут виччысыны кисьталём. Ачыс чольснитіс. И эз бара этша. Койыштіс вомас. Со по кыдзи колё юнысö. Бара кыйкъялыштіс. Казяліс, мый сюсь чужомъяса куим мужичой бокын моз сулалоны. Буракё, налы оз позь мукёд моз пызан дорас вошины. Сёмын видзёдысьяс пыдди вайомайдь.

Семен Миш гажмыштіс. Некод вылö видзёдтог бара кисьтіс. Сэсся вылышь, та борын нёшта отчыд. Вежёрыс нинём паныштлытгыд дзикёдз гудыртчис. Эз нин тёдлы, кыдзи кокыс нуис пызансянь ёна бокын сулалысь пуклөс дородз. Сатшысис си вылö да регыд мысти сурмуніс-унмовсис. Мукёдые чёла юисны да сейисны. Си вылö видзёдлөм борын курыда нюммунлісны. Но эз кутны укорайтны.

Семен Миш эз нин, дерт, тёдлы, кыдзи разоидчыны ставён. Сёмын бокын сулалысь куим дядьбыс кольччисны. Найо кысько кыскисны ыджыд сумкаяс. Дзумайодлісны на пытшкё пызан вылö кольём сёянсö, рекмыштөм дозъяссö пробкаалісны да сэтчё жо.

— Мый морла эсайосö корисны,— Семен Мишлань довкнитігмоз шуис ѿти.— Со кыдзи дарёвёттö токаритіс.

— Кыдзи нё оз корны. Мед кё юис, зато оз кут шуасыны бёрас,— чёттіс мёд.

— Сідзи, сідзи,— соглас лои коймёдыс.— Оні оз кутны кыскавны, мый сёйд удж вёчыссысь торйодчам, найос ог пыдди пунктой.

Пызан вылышь ставсö кёвтөм борын найо съокыдпрырыс петкодісны сумкаяс-со улич вылышин сулалысь машина пытшкё. Сэсся кагаёс моз небыдика босьтöмён петкодісны Семен Мишёс да тюрөдісны гортодзыс.

Гижёд

Тайё лоё дудлөм кадё на, кодёс тай рочён застойён ыдждодлёны. Районной газетса уджалысь Габовос ыстісны командировкә. Лосьодны гижёд, коді эсъко восьтіс лыддысысьяслы, кыдзи сиктын пörтсөю олёмö партиялён нёшта ѿти

индёд. Вина юысьяслы паныд косясьны сійё нёшта ётчыд чуксаліс. И коло жо лоны, мый Габовös ыстісны чужан сиктас.

Сэтчо воём бўрын пыраліс сельсöветö, мыйсюро юасис. Сэсся совхоз конторалын вель дыр гач сітансо зыртіс. Лои тёдмалыштöма на йылсыс, кодъяс сиктын ѹзёссы-мортсы ёнджыка даръясъоны, мед сэсся налён лёк оласног подув вылас пўжавны гижёдсö.

Рытладорыс бёр тюрёдіс гортас, райцентрö. Пыраліс лавкаö, ньобис еджыд сарапана доз. Гётыр локтёдзыс пошти помаліс сійёс. И друг лои телепит гижны. Син водзас юигас нин вирдыштісны ас сиктса юысь-кодалысъяслён чужомъясы, тёд вылас уськёдіс налсыс олёмсö, вийсьом-пессьюмсö, тшыг челядьдырсö. И сэтшом жальёсси лоины. Окота волі олёдны найёс, сувтёдны вина юёмсыс. Но медся нин тешкодыс сійё, мый телепит волі шыёдчыны на дорё кызд позъо небыддажыка, посьджык кывъясон.

Габов юис бўръя стёкан джынсö да пуксис кабала сайё. Ручкаыс вёрис мёвпсыс на ёдиджык. «Пиля Митрей, мый нё тэкёд лои. Помнитан, кыздзи ми тэкёд быдмылім. Войнабёрся съоқыд вояссö пыклім. Мыйла тэ оні сэтшома, другой, юан. Оз од позъ тадзитö. Дзикёдз увлань исковтан. Юёмыд од оз бурё вайёд. Сомын быд ногыс дивитны кутасны, чиршёдлыны, пинявшны. Любо мёй тайё тэнзыд, кор морт туйё оз лыддыны? Кёть эсько тэ садь юрнад нёль пыдди уджалан да».

Татшом жё ногён кымын Габов шыёдчис Серапим Ёгор, Ларё Агни, Педьё Клавди да мукёд дорё. Быд ногыс зилис корсъыны эз дойдана, а посьджык, жалитанаджык кывъяс. Помаліс гижёдсö. Выльсыс лыддигас весиг нормыліс, сэтшом забеднё лои ас сиктсаяс вёснаис да. Кодъяс сёй гуын моз луасисны, съодас олісны. «Тайё гижёдсö и вёзъя аски газетас», — думыштис Габов да водіс узыны.

Аскинас воис удж вылас, пуксис пызан сайё да кыскис зепсыс тўрятъя гижёдсö. Чуқыртчыліс выльсыс лыддигас да шёрас вотёдз на ёдёо косявліс. Сэсся пунктис ас водзас выль кабала. Шыпасъяссö мичаа тэчигмоз заводитис гижны: «Миян дона партия да пыдди пуктана правительство шыёдчисны советской странаса став уджалысси ѹздорё сомын налыш лёсяланда пось да сточ мёвпъяся кывъясон...» Водзё гижёдис мунис тадзи жё шыльыда. Уна во газетад уджало-мыс эз воншесшёро.

Сконийштчылём

Оліс-выліс сиктын Степан Гриш. Морт сійё волі тыдалана. Зэв лёссыда да гылышда вермис сёрнитны ѹз водзын. Кёть эсько быттьё и уджыс сылон эз вёв бызгана. Чер да пила ләчтисъон волі. Гожёмнас косаяс тёччитис дай. Но сетома кё енмыс сылы сёрнитны сямлунсö, оз од кут тайё добрасö гусьён видзны. Соборуйтёмъястö Степан Гриш эз бара кольлы. Уздёдны таысси сійёс некыздзи. И эз прёста сізд пукав, а кайліс ѹз водзё да вель дыр варовитис. Сэтшом шыльыда, мый сиктсаяс пельсö чошкодёмён пукалісны, юрнас согласа довкйодлісны сюс мёвпъясыслы.

Шевавыс мыйысько лёгасъома ли мый ли, но медся нин ёна сысян сюрлі сельполы. Эз кажитчи сылон мортыдлы. Пайщикъяслён чукортчылігъ-

ясö час кежлö трибуна саяд овмöдчылïс. Первой крötитic-видic, мый оз вермыны сельпоса уджалысъяс могмöдны бур ногён войтырсо. Сэсся чуньяссö кусньöдлöмён висьставлïс, мый колö вöчны, медым быдёнлён кынöмыс пöt вöлi и шылльöмилльöыс лавкаясын тырмис. Йöз азыма клопайтisны сылы, мортсо ошкисны сюсълунсыс.

Шензисны, мýйла сельпоса юралысъяслы татшöмыс юрас оз во. Водзтi кö вöлi сöмын пред, бух да öти вузасысь, а тöварыс тыр, элясъны нинöм вылö. Öni кык судта керкäö тöргöвечьясыс оз тöрны, а тöлк ни слой абу.

Тадзи эсъкö и водзö на Степан Гриш видic сельпосо, но кодлыкö юрас довгöма, мый колö по асъсö сiйöс преднас пуктыны. Со по кутшöм бура став петан туйсö тöдö да. И бöйисны.

Тöльсъ предалis Степан Гриш. Тулыс вотöдз. Ва воссöём бöрын катисны ю кузя баржаяс. Кывтисны кокныдика нин. Сöмын öти баржа сьöкыда лëччöдисны. Сувтöдисны сiйöс Степан Гришлён сиктö. Недыр мысти пырис сельпо конторай öзъялыш синма ань да корис индыны предсö. Пукалысъяс довкнитisны юрнаныс Гришлань.

— Председатель ёрт, ми со вайим тiянлы быдса баржа тыр курöг яй,— заводи-тis тольгины тьбытыд.— Сиктсаясöс чöсмöдлыны. Ок öд нуръя сёян курöгыд. Кольны мыйтакö тiяннö?

— Кыдзи мыйтакö! — öзийис быттьö Степан Гриш.— Мыйтакёнад ми ог усъмиритчöй. Кольйи ставнас!

— Ставнас кö и ставнас,— эз кут куражитчыны аньыд да кыскис кырымöдны колана кабалаяс.

Сельполён вель ыджыд сарайö петкöдисны баржа вылышь код тöдас кымын ящик курöг яй. Вель унаёс катöдисны веськыда лавкаö. Но асныра сиктсаяс ньöбисны öти либö кык курöгöс да водзöс заптысъомыс эновтчисны. Миян по сола порсъ яйыс на гожём кежлас эм. Сарайын куйлысъ курöгъясыд первой котöдöм майтöг моз нильсъявны кутисны, сэсся лёк дук босытчис öвтны. Ставсö ковмис шыблавны. Вöлёмкö, ю катчöс сиктъясса сельпо предъясыд баржа вывсыыд неунаён кольöдлöмайдь. Оз по унаыс мун да. Та вöсна и бöр лëччöдöны вöлём. Эз кö Степан Гришлы инасъ, колöкö, туй костас и сiсьмыны кутis.

Степан Гришöс, дерг, сельпо предысь öдий чöйтисны, тшыкöм яйсыс сьöм шуисны перйыны. Колöкö, öнöдз на мортыд мынтысъю. Бур, мый дзескыдiнö эз сюйны. Сiйö соборуйтöмъястö эз кут радейтны. Оз и мыччысылы.

Öni сы кодь гылыда да лöссыда сёрнитыссыд дзик тыр лоины. Откымынъясöс лючки-бура тöда, налён голёс кындизиыс нинöм абу. Найö видöны да дивитöны став пöлös юралысъясöс, индалöны петан туйяс. Ок эсъкö асънысö кö бöйивны веськöдлыны. Но öд ми жö дьöбö колям.

Ректысигён

Тулыснас, ытва дырии, сиктö волисны нянь тыра баржаяс. Унджык мужичöйис сэк гёроны да кöдзöны. Кодъяс прöстджыкöс, локтöны кыр йылö, кытчö баржаяс нырсö сатшкас. Ыджыд лача кутисны сьöм нажöвитöм вылö. Мешöкъяс сьöкыдöс, оз на весиг быд мужик вермы дыр новлыны. Сы вöсна донсö сетлисны быд петкöдöм

мешёкысь. Но вот: локтасны кыр йылёр мужикъяс. Челядь сэні жо. Налы окота тёдны, кутшом мүжиклён пидзөсис куснясъё сбокыд пызы мешёк улас, а коди кокния петкёдлө. Но мужикъяс оз тэрмасыны кутчысыны ректысыны. Пукалёны, донъясыны. Тані жо сельпоса веськёдлессыас. Найо ассыныс дон шуёны. Мужикъяс куражитчоны — ичёт по. Медся ёна донъясъё Оньё Миш. Іджыд горён шуало, мый кольём во по вит көпейкаён унджык мынтылінныд, а таво сізд жо коло. Сельпосаяс тёдёны, мый баржа сулодомыс налысш штрап перъясыны. Но век жо мыйкө дыра донъясыны. Оньё Миш на вылёр пыр каттысыё. Мукёдис, морт комын, бокынджыкөс. Коди сулало, коди пукало. Быдёнлы жо окота, медым мешёк донсө содтыштісны. Но чөв олёны. Вомгорулас сомын броткёны, гусьён моз, Оньё Миштес ыazzьёдёны.

Медбёрын сельпо пред скёрпрысыс юрттө, мый мешёкыслён доныс лоё кольём вояса мында. Мужикъяс вермасны босытчыны ректысыны. Но сомын по мед Оньё Миш оз кутчысы. Мужикъяс первойсозык кыпёдлөны. Мед по тшотш ректысыё. Но предос он зырышт. Менам по шуёма. Көсъянныд кё по кольём вояса донсыыд уджавны, петкёдлой, но Оньё Миш мед матын ээ вёв. И мый жо? Гоз-мёдон нин Оньё Миштес короны мунны гортас. Сәсся мукёдис кутчысыёны воляссы сыйыс мездысыны. Быттө ээ сийё медся ёна кор, медым донсө содтісны. Асыныс чөв олёны-а. Оңі, кор сы отсөгөн лои уджонсө кыпёдома, то мортас оз нин ков. Оньё Миш скорыс ёрчыштө да юрсө ләдзёмөн довгө гортас. Мукёдис кутчысыёны ректысыны. Ті мед кывлінныд, кыздзи найос, нидзув котырёс, Мишлён готырыс креститліс. Гозъя буретш стройтчоны волі. Коло тьёс-плака ньобны. Мешёк ректомыс нахёвитом съём вылёр лача кутісны. Мыйла тадзи оломуас овлё, мый код вёсна тёждысян, сийё жо бөрас астыо оз кут тёдны? Кор тэнё топодасны.

Вётъяс

Коймод вой нин Михаил Дмитриевич вётало ёти сяма серпас. Восьтас асывнас синъяссё да вель дыр майшасяс. Зільлас быттө кылодны самасьём мөвгъяссё гостиничаса кизьориник тшайён, но вавыс гырк пытшас исковтас, а серпасыс вежюрас кольё — ортсөй писькёдчан туйсө некыздзи оз аддзы. Сомын лунся уджыс пыркнитлас аддзылётторъяссё. Командировкаыс ээ кут помасыны и. Котын ёдйёджык гортас мунны.

А куимнан войсө сийё вётасис со мый. Быттө кыліс ныvbабалыс норинник, кевмысяна голёс. Чуксаліс сийёс отсыптын, но мыйын — ээ некыздзи висьтав. Оз тай асывнас нином тёд вылас уськод та кузя-а. Зэв по съокыд меным, мезды кыздзё — сомын и кольлі юрас коромсыс садымом бөрас. Мый сыйкод лоёма — оз тёд. Да и чужомыс ныvbабалыслён некор ээ тыдовтчыв быттө. Кутшомкө пемыд жырсиян кыліс съёлёттө вörзьёдана да чуксалана голёс.

Кор первой войсө вёталіс тайё корана голёссё, Михаил Дмитриевич асывнас мыйкёдира майшасьём борын мөвпыштіс пырысътём-пыр жо звонитлыны готырыслы. Гашкё, сыйкод неминуча лоис. Коты эсъкё вётъяслы табдэ ээ торъя эссы, но оні мыйкө ёнакодь вörзис съёломуыс. Поліс весиг, мый готырыс телефонсө оз кыпёд. Мыйкө лёктөр гортас лоис да. Но мёдар помас кыліс пöлlyслён унзиль голёссыс.

— Кыдзи олан? — збоякодь босытчис юасьны Михаил Дмитриевич. А ачыс поліс, мый мёдыс пыр жё висъталас лоём лёктор йылысь.

— Ставыс бур,— вочавидзис мёдыс.— Мый нё мунігмозыд звёнитчан? И татшом водз?

Сэсся гоз-мёд юалём бёрын, висътасьом бёрын пуктіс трубкасö да быттьё неуна успаньывып пуксис. Слабог, нином абу лоёма. Но вот корана гёлёсыс, кодос кывліс вётнас, пыр юрас күтчысис.

Мёд войсö бара сийös жё вёталіс. Гашкё, пемыд жырыйыс мёдлавынджык волі сомын. А вот гёлёсыс сийö жё. Корана, чуксалана. Лёк по зэв меным, отсыштой. Асывнас Михаил Дмитриевич бара пессяна сьёлёмён оліс. Коді чуксало? Мый нё лоёма? Луннас, пажынöдз на, звёнитліс Леночекыслы, гуся радейтанторыыслы, кодкод со кадысь кадö во-мёд нин аддзысыльёны. Но и сийö ниномтор вылö ээ жё элясь. Ола по тай со, тэысь гажтöмтча, аддзысыльны окота-а.

Коймёд войыс помасылытöм кодь волі. Чуксалана, шог гёлёс вёснаыс вой шёр бёрын садымис да сідзи сэсся и ээ вермы унмовськёдчыны. Асылодзыс восьса синъясон оліс. Мый вёсна кё од вётасьё жё помтöг тайё гёлёссö? Быгльöдліс юрас став тёдса ныvbабасö, кодъяскöд күтшома кё ийтчома воддза да онія олымыс. Коді на пöвстясь отсыштынсö чуксало? Кодлы сэтшом лёк? Гашкё, воддза гöтырыслы? Ториöдчом бёрас ёнасö эськё зз и паныдастьлывыны да. Карса улич вылын гоз-мёдыс паныд зурасылсны сомын. Но век жё асывнас думыштіс сылы звёнитлыны. Телефоныслысь лыдпасъяссö ээ на вунöд. Оз жё, волём, нёрпав ни нином. Чорыд гёлёсон тай вочавидзис юалём вылас. Одва по мыні, да эн нин дöсадитчи сэсся некор.

Нёльйöд войсö Михаил Дмитриевич весиг унмовсьынысö поліс. Но чурки-будиён лöссыда узис. Ээ нин сэсся тайös вётась. Садымём бёрас таысь бурыс ёнасö ээ жё ло. Майшасьомыс самасьома да. Отитор такöдіс, мый талун позьё гортас лэбны. Сэні, гашкё, сьёлёмыс местаынджык лоас.

Карö воём бёрын Михаил Дмитриевич веськёдчис гортланыыс. Ветла по да нöшта öти тёдса ныvbаба дïнö тюрöдла. Колёкё, сыкёд мыйкё лоис да. Но автобусён мунігöн друг мёвпыштіс здук кежлö бать-мам дорас кежавны. Важён нин пыравтöм лоис. Патераас волі ötnas батыыс, неуна быттьё омольтчыштöма.

— Мамö нё лавкаын? — юаліс Михаил Дмитриевич.

— Абу,— жугыль гёлёсон вочавидзис батыыс.— Нёль лун сайын сийös машина-он больничай нуисны. Зэв лёк лои да. Ог тёд, сувтас оз сэсся кок йылас.

ЫШМЫЛÖМ

Степан Мить гозъя мёдёдчисны лунвылö. Вёвлöм удж вывсянныс пöльлы чуктöдисны путёвка. Кык вылö. Ötnas сийö весиг орчча сиктö мунны ээ путьмыв да. Стöчджыка кё, ээ кёсйы. Сомын по старукакёд муна. Кёсъяныд кё по пöрыссо-нэмö меным буртор вöчны, то кыклы вылö и вичмёдöй путёвкасö. Сетис-ны öд.

А лöссыöдчомыс вол! Салдатас мунігöн тадзисö ээ дасьтысь. Муртса став сиктöн ээ колльöдны найös ылі туйö. Велöдисысыс мыйта чукёрмис! Ставныс мыйкё тёдöны. Ставён ветлöм-муном йöz туйö олёны. Ылі туйö петавлытöгыд быд висъталöм

лөсляй. Медбөрын вёрзьёдчисны жо кузъ волок. Первой карё воисны, медым сэссе лэбны водзёс самолёт. Узьмёдчанисс готырыс корсис. Кутшомкё родня перевод оліс карас ас керкаын. Степан Мить кока тус моз летийсы-вотлыс польыс борся. Коть эсько туйё петигас новлодлыс пыдди ассыс лыддис. Он со мый шуасны, сийос и ковмё вочны. Тшоктыг воськовтны оз лысът.

Рытнас накод тшотшыя кодь козяйка, стариик гозъя пукалисны пызан сайын. Важжо казтылисны. Гостимой делё кузя Степан Митты лэдзисны весиг еджыд сарапана дозла ветлыны. Ассынис почьяс вом дорас со эз матыстлыны курыдторсо. Сытог нин пою жувгё да. Ковмис польлы быдса куим румка пёрдны. Бур, мый патеранткаыс воис. Ар кызы вита ныв. Гёгрес чужёма, зев чольб. Сыкод сэссе босытчисны дозссо помавны, мед оз шузы. Том нылыд эз куражит-чи. Абу почьяс кодыд. Румкассо вомас койыштёмён койышто.

Козяйка водз водис. Сы борся поч занавес сайё лёсёдём крёватьё веськалис. Но оз узсыны сылы, кывзю старикислыс да нывлыс сёрнисс. Зев нин ёна гажмома Степан Мить. Варомёма. Том нылыс сылы кодь жо. Гигзё сомын.

— Кызы,— кылёт шую поль.— Вай тэкод лунвылас шутёвтлам. Менам почой кутасытём кань кодь нин-а. Сийос татчо колям. Мед оло.

— Ветлам и эм,— сералёт патеранткаыс.

— Мый сыйыс, пёрыссыд. Меным сомын новлодлан удж вёчо,— водзё ышмё Степан Мить.— Тэкод добраджык.

— Сидзи, сидзи...

— Меным од путёвкассо сетисны. Кык вылёт. Кодос косъя, сийос и нуода аскод,— збылышыс нин кутис шуавны гажмом поль.— Вай тэкод и ветлам.

Поч гёлос сетны эз жо кут. Мед коюймёдчис талун. Аскиыс петкодлас. Шуан оні мыйкё паныд, да гажа юрнад старикис кокни киа овлёт. Кос коль кодь кабырнас вермас сизьдышты.

Вель дыр варовитисны пёрыся-тома. Отиыс шмонито, мёдис збыль озийома. Кылёт висьталёт, мый лунвылёт ветлом бёрас пыр жо и налён сиктю уйкнитасны. Став эмбурнас ошиысис, содталёмён весиг, мед ылалас мёдис. Коркё тай разёдчисны жо. Степан Мить кусняссыс кокён нин матыстчис крёвать дорас. Вель дыр водис. Но кылёт эз унмовс. Конкё, озийис да збылышыс мёвпалёт нывкод лунвылёт ветлом ийалышыс. Поч вешийис стенланысыджык. Мед кос да кёдзыд кокнас мустом кусок эз весиг инмёдчи. Сэссе эз терпит да водзёс мынтис:

— Лунвылёт, шуан, мунан? Мун, мун. Сёмыд од ставыс ме ордын, вот...

Поль нином эз вочавидз. Сомын ыджыда ышловзис. Буракё, татшом лёссыд мёвпъяссё дзугомышыс.

Сорсисны

Паськыд жырыйн воли пемыдкодь. Конкё пельёсын озийис кизьориник югбрьяса би. Пельтё поткодис гора музыка. Виталей корыс моз сулалыштис пыран ѡдзёс дорын. Кор синмыс велалыштис, босытчис корсыны пызаныслыс кабалатор вылёт пасйом номерс. Со найос быд пызан шёйр пунктёмайс. Быд пызан номера. Матыстчылис, видзёдлес лыдпассо да воськовтис водзё. Коркё сэссе аддзис жо. Квайт мортлы вылёт лёсёдём пызан сайын пукалис сомын на оти морт. Нывбаба.

Виталей пуксис, видзёдышиштіс шёрас моз пуктём пасъықд гыркъя самёвар вылёр, сэсся видзёдласнас кытшовтіс йёктысьяссö. Кодъяс сёмын тані ээ вёвны. Сы кодь арлыдаас и оломуаджыкъяс на весиг. А сійо, йойыд, нёшта майшасис локтігас, мый пörьсис выжывон шуасны. Нелямын куим арёнсад. Кыссыома по со. Оз пукавсыы гортас. Гусьон моз чөвтліс синъяссö воча моз пукалыс ныvbaba вылёр. Абу жо нин ва челядь. Комын арёсис стöча нин эм. Гашкё, ыджыдджык на. Вель кыза нин чужёмсö мавтöма да. Весиг со югъялыштö.

Йёктысьяс ээ дугдывны кокъяссö веськёдлёмыс. Оти сыланкыв помасьё, а магнитофоныс сыйсис гораджыка мёдёс косялёт-горёдом омлявны. Виталей ышловзис. Күжё жо эсъкё тадзис сизъдыны да. Юыштöма кё волі, то петавліс эсъкё джодж шёрас. Но садь юрнад он тёд весиг, кодаро коктö вежынтылыны. Одий йёктісны да. Чечталгтырий.

Сылы волі кыдзкё яндзимкодь. Тöлыс нёль кымын нин ырыштыліс татчö волыны. Карса уличаяс бёкыс ыджыд шыпасъясöн гижём юёрсö аддзывліс унасыс. Найо чуксалісны ветлысъ-мунысьяссö, мый позьё шойччан лунö волыны комын арёс сайё чечыштöм бурлакъяслы да невестаяслы лёсъёдом клубö. Тёдмасыны, гажёдчыштыны. Со талун смелмёдчис да локтіс жо. Гашкё, збыльсис кодкёд кё тёдмасяс. Оломуад тай мыйыс оз овлы.

— Мый нё он йёктöй? — воис Виталей пельбзд юалом.

Гёлоссö сетіс воча пукалыс ныvbabaыд.

— Ог на кёсйы,— вочавидзис Виталей да сюсьджыка видзёдліс юалыс вылёр. Гёлосыс тай лёсъыд-а. И ачыс быттö абу жо шыбитана. ыджыд синъяса, веськыд ныра. Колёк, пемыдінад тадзи кажитчис сёмын.

Музыкаыс недыр чёв олыштіс, шойчёдышиштісны йёктысьяссö. А сэсся босътчис ворсны нёжмыд, съёлёмтö небязьёдана кывъяса сыланкыв. Виталей смелмёдчис да корис йёктыны воча пукалыс ныvbabaыс. Мёдис дась нин волі чеччыныс. Виччысъома корёмсö. Йёктісны, тёдмасыны. Шураён по шүёны. Кёть по эсъкё Александра Ивановнаыс лёсиялдджык нин да. Сэсся мёдис на кыпöдчылісны пызан сайсыс да сувтлісны и йёктысьяс чукёрö.

«Мужичойыс быттö лада,— пуксьом бёрын мёвпыштіс Шура.— Колёк, менам тайо и шудой?»

«Шураыс кокни кокъясöн на йёктö. Бур кёзяйка кодлыкё лоё. А мыйла оз менем?» — думайтіс Виталей ныvbaba вылёр видзёдігмоз.

Час кымын коли. Бур тёдсаяс кодьёсси нин лоины. Налён пызан сайё первой пуксис ар кызь вита зон. Зэв варов, кывъясанас сяркёй сёмын. Абу Виталей кодь, кодлыс кывъяссö мырдён колё пычкыны. Анекдотъяссö шётö. Но оз лёк кывъясöн. Сы бёрын Виталей бокё пуксьёдісны нылёс. Зэв на том, вёсни косьяса, чёрс кодь кокъяса. Нюммунас да, гёгр быттö югзылыё.

«Зонмыс абу шыбитана,— мёвпаліс Шура.— Со кыдзи ме вылёр видзёдö. Кузь тушаа, сонёд. Мый кёть ме арлыднам кё ыджыдджык. Кымынён сэтшöмыс, кодъяс верёс дурсыс ар квайтён-дасын ыджыдджыкось да олёны тай со».

«Шураыс некытчö на, колёк, оз вош. А орчён пукалыс нылыс со кутшом! И буракё, ме вылёр ыштöма кодь весиг...— морёссö водзлань чургöдёмөн веськыдджыка пуксис Виталей.— Мед кё ме ёна ыджыд сыйсис. Онія нывъяслы по тайо кажитчö. Друг да лёсиялам».

Рыт помасис. Виталей нёнь пом чибук моз вётчис чёрс кодь кокъяса ныв борся. Мёдис эз жо отдорты сысысь. Шура да зон отлаян жо, тыдало, мунісны...

...Час джын мысти Виталей мыйёнкё чорыд торийён поткёдём плешсö кутигтыр, шатлаломён кыссис гортланыыс. Паныдалісны найёс зон чукёр. Тэ по мый, дядьё, йöz чөс туйё сиасьбыыд? На тэныд... «Колёма жо Шурасыс не эновтчыны. Сыкёд кё муні эсъё, татшом лёкыс эз ло...»

Мёд асывнас Шуракёд öти вольпасын садымём зон мырдён кутис корны вит сюрс шайт. Вой узыомысь по да пося радейтомуясь. Он кё по сет, то некытчо татысь ог и пет. Тані кута куйлыны. И вом кётинаш шпыньяліс. Мый по тэ, эндём баба, шензян? Вай öдйоджык. Шудсыыд мынтысыны коло. Шуралён та мында сьомыс горт помас эз нин вёв. Ковмис соседка дорас удждысыны петавны. Колёкё, збыль он мын. Онія томулов йывсыыд со быдтор кывлывлан. Вермас мыйкё ыджыд лёктөр вёчны. «Колёма жо Виталейыскёд матоджык тёдмасыны,— зон мунём борын кокниа ышловзьом мысти кутис мёвшавны Шура.— Йюк ме, йюк...»

Пакость

Ывла вылын асывсянныыс шлявгис-зэрис. Видз-му овмёс кузя районса управлениеиеси инженер Анатолий Нечаев первойиеси веськаліс тайё грэздас. И узымёдчыны ковмис овмёсса бригадир ордö. Сирод мыр кодь, пёрной арлыда мужичой гостимёй делё ради лептіс еджыд сарапана доз. Юисны. Винаыс öдйё разаліс Нечаевлон вираз.

Пызан сайын воча моз пукаліс бригадирлон нылыс. Сійё некымыныс нин чөйтліс видзёдлассо гөстүрүлүп. Кызы куим арёса зон азымпрысы кыйліс сійёс. Нывлён синъяс серти тыдаліс, мый сылён сьоломыс вörзыштöма. Нечаев абу кулидана чужома, лёссыд статя. И зонлён тайё видзёдлассысыс мыйкё вörзис жо пытшкёсас. Эз, тайё эз вёв радейтчом чужом. Сылы прёстö волі нимкодь, мый ар дас сизима ныв тыр синмён видзёдö си вылло. Нимкодь волі ас вёснаыс, мый сійё абу шыбитана. Нöшта винаыс содтіс дольдлунсо.

Ужнайтём борын көзяин мөгөн петіс суседтьяс ордас. Нечаев воляясь матьстич тасьті-пань мыськалыс ныв дінё. Босытіс пельпомёдис да бергöдіс асланьыс. Сәсся азыма көсийис оқыштны. Но мёдис повзёмпрысы легёдіс юрсö, эз көсийи сетчыны. Толя мый вынсыыс топодіс сылысы чужомсö кияснас да вина дукён öтвісь паръяснас сатшкысис сылён льобъясö. Недыр кежлө.

Кор сійё сайкаліс, то казяліс нывлұссы шытог бордомсö.

— Мый тэкёд? — юаліс зон.

— Мыйла тайёс вёчинныд? — öдва артмис мёдислён.— Ме öд некор на эг окасылы.

Сәки Нечаев эз на вермы пыдісянъ гёйреноны нывлұссы шогсö. Сөмын кад кольём борын пётурайтны кутис. Оні сійё пёрной арлыда морт. Олёмас быдсямалыс вёвлі. Но медся ыджыд пакость вёчомнас лыддьё сійё нывсö мырдён оқыштöмсö. Кодлыссы весиг нимсö оз тёд.

Нылыд, дерт, сьод войёдз татшом арлыннад эз унмовсұлы. Думсыыс виччысис радейтана зонкёд паныдастьом. Мёвшъяснас унасыс воліс сэтчöдз, мый дона да

муса мортыс сійёс медводдзазысь олёмас пёся оқыштас. А со весъкаліс сылон олём туйвежё вина дукён паркызы паръяса том морт да ставсо дзугис, шуда мөвпъяссö резъдодіс. Тайё мой абу пакость.

Номъяс

Гожём пуксигён мусыс и ваяс гёгёрбок ловзьё. Сиктъяс шонтёны шабур кодь кузь тёв чоҗён изоймитом мышъяссö. Ывла вылыс онялёр, нырад сатшо аслысполёс небыд дука кёр. Торйён нин лосьыд рытъяснас. Пукалан, видзёдан, кыдзи кер бунтъяс весътын кымёрён кыпöдчомаёс да лэбалёны номъяс. Найё абу на скрёсъ, некодёс оз вёрзьёдны.

И со друг öти ном шытёг пуксис ки вылёр. Ог лысът весиг вёрзьыны, медым эз повзы да пышый. Сийё воляясь, полигтырии быттьё, сатшо нырсö. Кётъ доймё, но ог вёрзьы. Мыйлакё весиг съёлём вылын долыд. Гашкё сийён, мый гожём воис. Ном кё нин лэбалё.

Сэсся öти бёрся мёд кутасны вежласыны лунъяс. Со нин ёвадыс быдёнөс погиби воштёма. Ми скорысь броткам, мый кор нин бара наысы мынам. И мыйлакё некор ог мөвпыштлой, мый бырасны кё найё, то бёрвыв шүтёвтасны и шоныд лунъясыс, гожёмыс.

Шойчём

Нёль-ё-вит мужичой пукалёны ёшинь улын, варовитёны. Помасьё гожём, ывла вылын ыркыд нин. Сэздёдом енәжыс оз вермы кутны шоныдсö, кыскö сійёс кытчоёк вывлань. Мужичойяс казтылёны, коді кыдзи шойччис отпуск кадас.

— Лунвылад добра! — кылёр, ошиысис öти.— Чечтан, сёйыштан и море дорё. Ваяс шоныд, вир-яйтё малалё. А нывбабаясыс!..

— Ми со гётыркёд Волга кузя шлывъялім. Став карсö ас синмён аддзылі,— шүй мёд.— Локтан гожёмö мөвпыштим Прибалтикаö тёвзывыны.

— Ме ас сиктын волі,— чөвтіс коймёд.— Мам дорё кайлі. Керка вевтсö, пётшвасö вежышті. Съёлём вылын оні сэтшом кокни. Быттьё пывсъём борын. Татшом буласö некор на эг шойччыв.

Мүкдышлён чужём вывсысис воши шуда нюмыс. Синъясыс жугыльтчисны. Быдён мыйкё ассыс кутіс мөвшавны.

Теш

Олё миян сиктын Педьё Миш. Кывыйыс печласьё сёмын. Унджыкысыссо, дерт, коз пу йылыссы туриёс виссталё. Мёд ногён кё — шмонитё. Сы вёсна йөзлы любё сійёс кызыны. Оз дёзмыны весиг.

Миян сиктыс жё Закар Ладимер водзті эз эскыв, мый Педьё Миш вермас сы вылын шмонитны. Нарошно öтчыд паныдалас:

- Мишо, вай видлы менё ылётлыны!
- Ог эшты. Лавкао саридзса чери вайомаёсъ, да гортё сумкала коло пыравны.
- Педьо Миш кежис гортланысы, Закар Ладимер скакитіс лавкалань, медым слоймыны водзджык ньобны свежой черисо. Магазинын, вузасысь отдор, некод эз вёв. Бурако, абу на тёдлёмаёсъ товар вайом йывсыс.
- Весит меным черито! — порог дорсиянъ городіс Закар Ладимер.
- Кутшом чери?
- Кутш кодь. Эн ышнясь. Весит.
- Эз нином вайны да.
- Кыздзи эз? Педьо Миш тай нё висьталіс, мый вайисны.
- Педьо Миш?! — семдіс серамысла вузасысь.

Думъяс

Зурыд Марьялы сизимдас нин таво тыри. Сылы томдырыиыс сетлом прозишииыс некыздзи нин оз лёсяв. Ки-кокыс сырмө. Сомын важсо казтылана думъясон оло мортыс.

Уна во сайын, кор нылыс да пиыс волини на ар дасаёсъ, сийё отчыд скёрыйвысыс ёрчыштіс. Сесся кок чуньодзыс гордёдіс аслас кывъясысь. Медым посниуловыд сы борся эз шуавны мисьтом кывъяссо, сийё казтыштіс оти думыштёмтор. Корко тай мамсяныыс на сийос кывліс:

— Челядь, лёк кывъясто некор оз ков шуны. Ена важён нин оти мам ёрчыштому. Войнас сийос садымдомаёсъ сьокыд кок шыяс. Кыло, сарайсяныыс кодъяскö ләччоны одзёс дорас. Одзёссыс эсъко и калича. Но лёккыс тракнитомаёсъ да, воссёома. Керкао пыромаёсъ кузыясь-кузь дядъяс. Матыстчомаёсъ нывбаба дор.

— Тэ луннас миянос казтыштін. Со и локтім тэла. Пасьтась да мунам,— шүома оти дядъбыс.

— Талун ог вörзьёдой,— сы вылёт видбодлом борын дорийма мёд. Тыдало, ыджыдыс.— Кужомыд тэ водныто. Отарсяныыд и мёдарсяныыд челядьыд куйлоны. Но аски лосьодчы. Локтам да нуюдам.

Кузь дядъоясыд мунасаны. А нывбаба войбыд тіралас. Мёд луннас петас сусед ордас, олому мужичой дор. Висьталас ставсө. Мёдыд и велодас, мый коло вочны. Сарайд по гез йылёт көртав рос.

Бара вой воас. Нывбабаыд оз узъ. Друг кылённы сарайас кок шыяс. Сесся лёккыс мыйко трачмунас. Но керкао некод нин оз пыр. Асывнас петас сарайд да аддзё, мый росто гезнас шёрипёв орёдомаёсъ. Сы пыдди джагодомаёсъ.

Висьталіс сәк тайос Зурыд Марья аслас челядьлы. Войнас садымис да аддзё, мый нылыс да пиыс отар-мёдтар бокас куйлоны. Топодчомаёсъ мам дорас.

Синавыс исковтё тайё думъясыс Зурыд Марьялон. Сьбломыс шогыслы лёккыс пессё. Сийё оз кёсйы, медым челядьыс шёракостас босытёмён узьтодлісны. Сылы сомын коло, медым найё сийос индомысъ ас орданыс босытісны.

Гортын

Ас чужан сиктад воломыд пыр кольё съёлёмад кутшомкё пас. Быттьё лёсыштасны, чуктодасны сэтысы неыджыд юкон, коді кольё сэсся ичотдырсяньыд тёдса mestаясö. Буретш та вёсна ме боръя кадас куті гежоддыхыка волыны сэтчö. Абу окота ачымös дойдавны да.

Мый миян оломын медся донаыс да кувтодзыд казытыланыс? Дерт жö, челядьдырыд. Кор ставён волім сөстомёсъ да мичаёсъ. Оломыс некодёс на эз пес, эз кусынът кодарланьёкё. Ризъявлім долыд мөвгъясён, завидтім гырысьяслы, кодъяслы ставсö позис вёчны.

Öнi, кор вола ас сиктö, кыдзкё сюсьджыка видзода челядьдырся ёртъяс вылö. Ме вежси, и найё вежсъомаёсъ. Öти со ичотдырий волі визув детинкаён, быдяяматор вылас чуйдöдьысъон. Верстёй оломыс сийёс ас ногыс вёчома. Ытвадырся ийиöс моз ийрёма, дробитома салысъ тайё сямсö. Лоёма полысъон, йёршигчома аслас керкаё. Быттьё оз и ов сиктас. Мёд со горшмома, аслыс мый вермё куралё, йозлысъ шогсö оз кёсйы казявны. Дерт, ыджыд съёлёмама войтырён ундыхыкыс быдмисны. Но мыйлакё лёкыс синмад шыбитчöджык, парскöджык.

А вот челядьдырся mestаястö онöдз на лыддылі медся мичаён. Мися, вольнöй светас сэсся мёд татшомыс абу. Вылыс лёк пос дорын волі ыджыд пожём, кодлён вужъяс бокті визувтіш шор. Ёна жö радейтлім ворсны сэні. Тайё mestаясъ пыр син водзын. Весиг вётён аддзывла. Нинём абу вунома.

И ме нарошнö онöдз эг ветлы сэтчö. Мед, мися, коляс сийё вежёрам, кутшомён волі. Но таво гожём аслым тёдлытöг петсис. Вылыс лёк пос дорö. Шемёсмуні. Пожомыс быттьё абу нин сэтшом джуджыд да ыджыд. Увъясыс чирсъомаёсъ. Шорыслён сомын нимыс. Дыр сулалі, кывзі съёлёмлысъ шога тіпкёмсö... Öнi со думайта, кыдзи водзö овны? Челядьдырся mestаяссö казытывтöгыс? Важ кодьён найёс син водзö уськёдны ог нин вермы. Öнiя серпасыс сувтö. А сийё абу нин менам, оз нин шонты.

Лёгасисны

Арся шондыыс, мырдысъон нюмъялгтыр, весъкодіс югоръяссö парма вылö. Тёв йылын летчысъ медборъя коръяс, недыр бовъялыштом борын, гежодика усылсны вёр керка вевт вылö. Волі водз на, но Öльёксан да сылон Мишö чожыс чеч-чисны нин. Сэсся унзильпырысъ петисны ывлАО пестыны бипур.

Регыд мысти мотыр вылö ўшёдом пörtитын шоналіс тёрытъя шыд. Сэсся Мишö чожыс чуккостic:

— Лок, Öльёксан, панясь. А гашкё, тёрытъя мозыд дузъявны кутан?

Öльёксан, дас сизим арёса зон, эз вочавидз. Резина сапогнас кодийис мусö. Чёв олыштом борын век жö сетис кывсö:

— Ачыд сей, ёна кё колё...

Кёть эськё ыджыд морткод тадзи сёрнитны абу лёссыд, но зон эз вермы терпитны, кывъясыс асыныс вўзйысисны ортсö, съёлёмыс пессис, тшёктіш шуны мыйкё дойданаджыкёс.

Мишё чожыс веськыда босытчис изны пинъяс костас коч яйсо да ырскигтыр панявны шыдсө. Черлыясыс лёкыс вёрисны, быттью наропшнö кёсийс досадитны Ольёксанлы.

А зон важ моз суаліс пожом доро нёровтчомён. Син водзас сувтіс тёрытъя луныс. Мисьтом серпас, и ставсыс мыжа чожыс.

Дас класс помалём борын зон некытчо эз мун. Батыс эз жо досадит. Армияпö ветлан да мортон вёчасны. Пырысьтом-пыр пö велодчыны уськёдчан. Ноксис совхозын. Арладорыс видз-му овмёсса уджъясыд коставлісны. Со Мишё чожыс и корис сійос видлыны вёр керкасö.

Тёрыт гортсыс петісны. Ёкмыс километртö вуджисны тэрмасытöг. Сьюрас нуртор босытісны, бурджыксо пö вёр-ваыс козыналас. Чожыс чайтіс кыйны коч либо пётка.

— Кёсойтö од войсодлыны оз на позь,— шуис сэк Ольёксан.

— Кодлы оз, а кодлы позьё,— мудера вашмунліс мёдыс.

Мишё чожыслон кузь гыркъя поныйс уджач. Пыр и нырисаліс коч кок туй. Чожыс пёрччис волысалом пищальсö. Увтчом шы пыр лоис ылынджык и ылынджык. Но кыкнанныс тёдісны, мый бур пон вайёдас зверёс козяин дородз. Чожыскöд тшотш саймотчис пу сайо и Ольёксан. Сідзи и лоис. Пуяс сайсянь мыччысис кузь пеля коч. Сэтшом мича. Недыр сувтовкерыштліс морт дуқыс. Сэки и камёттіс лыйом. Тайо здукияныс и заводитчис ставыс. Доймом коч усис мыш вылас да авзіс дзик бордыс кага моз. Весиг поныйс ланьтіс, сувтіс шемёсмёмён. Тадзи кажитчис Ольёксанлы. А чожыс веськодыпрысыс матыстчис авзыс кёчлань, лэптіс пищальсö...

— Эн лысyt! — неволяясь горёдсис зонлон. Но мёдыс весиг эз видзодлы сыланьё.

А оні со асыв.

— Сей, колёкё,— бара шыасис чожыс.— Лунтыр од ковмас собавны ворті. Рытнас шыдсö эн видлы ни...

— Ме горто лэчча,— чорыда шуис Ольёксан.

Мишё чожыс сёмын шензяна видзодліс. Недыр мысти зон воши гортас лэччодыс визирбокса пуяс сайо. Мышкас эз ёшав пищальыс. Сытог мортыслы лоис кокныиджык.

Ивану Алексеевичу Куратову — 175

Павел Лимеров

Лимеров Павел Фёдорович, ведущий научный сотрудник сектора фольклора ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Автор более 120 научных работ, в том числе учебного пособия «Коми несказочная проза» (1998); монографий «Мифология загробного мира» (1998), «Образ св. Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми» (2008), сборника фольклорных текстов «Му пуксьём – Сотворение мира» (2005).

Иван Алексеевич Куратов: поэзия, длиною в жизнь*

Иван Алексеевич Куратов (1839–1875) — первый коми поэт, основоположник коми литературы и коми литературного языка, просветитель, учёный-лингвист. В истории коми литературы и, шире, коми национальной культуры, творчество И.А. Куратова явление огромного общественного и художественного значения. Оно положило начало созданию коми литературной традиции и включения этой традиции в общероссийский литературный процесс. Опыт Куратова поистине уникален — он творил на языке, у которого на это время не было письменности, при этом понимая, что его произведения, возможно, никогда не увидят своего коми читателя. Органично связанный с культурой коми народа, Куратов был воспитанником русской культуры, прекрасно в ней ориентировался, был не только знатоком русской литературы, но и первым переводчиком её шедевров на коми язык. Кроме того, он был осведомлён в области французской, немецкой, английской литературы, проявлял интерес к культурам античности, Востока.

Творчество Куратова не знало периода взросления. Его ранние стихи кажутся не менее зрелыми, чем написанные в поздние годы. Тем не менее, сам поэт осознавал этапы своего творческого пути, суммируя их итоги в отдельных тетрадях. Сохранилось восемь таких тетрадей, самая большая из которых назовётся *Коми гор «Голос коми»*, и содержит порядка 100 произведений. Как отмечает составитель сборника стихотворений поэта Е.С. Гуляев, на сегодняшний день известно более 200 произведений Куратова.² Кроме того, им написаны статьи и заметки по

¹ Работа выполнена в рамках фундаментального интеграционного проекта УрО РАН «Литературные стратегии и индивидуально-художественные практики пермских литературу в общероссийском социокультурном контексте XIX – первой половины XX вв.».

² Гуляев Е.С. Водзкыв (Предисловие) // Куратов И.А. Менам музя. Художественнёй гижёд чукёр (Моя музя. Собрание художественных произведений).— Сыктывкар, 1979.— С. 11.

гуманитарным и естественным наукам, публицистика, а в последнее время были опубликованы и некоторые материалы его следственных дел,¹ представляющие не только научный, но и большой художественный интерес. Поэзия Куратова многожанрова и тематически разнородна. В ней нашлось место любовной, гражданской и философской лирике, элегиям, стихотворениям сатирического содержания, эпиграммам, магистральная тема его поэзии — жизнь простых коми людей, в то же время не менее важное место занимает тема смерти или, вернее, конфликта между жизнью и смертью, между личным и сверхличным, Богом. Кроме того, на протяжении всей своей жизни Куратов занимался переводами русской и зарубежной классики на коми язык, писал стихотворения для детей, делал литературные обработки фольклорных произведений. Мало изучены с точки зрения литературности материалы его следственных дел, но, представляется, что они содержат немало приятных сюрпризов для исследователя-литературоведа. При всём этом, творческое наследие Куратова имеет внутреннее единство. Это единство обеспечивается личностью самого поэта, его отношением к изображаемому, никогда не бывающим нейтральным. Голос поэта слышен в каждом из его произведений, к какому бы жанру они не относились, какую бы тему не затрагивал автор. Вместе с тем, голос поэта — это голос коми народа, явленный через него, и Куратов это осознавал. Поэтому он озаглавил свою самую большую тетрадь *Коми гор «Голос коми»*, очевидно, предполагая, что так должна быть названа книга его стихотворений.

Иван Куратов родился 6 июля 1839 года и был девятым ребёнком в семье дьякона Спасской церкви села Кибра Алексея Петровича Куратова. Традиционно дети в семьях священнослужителей выбирали стезю отца, и семья Куратовых в этом не была исключением: шестеро сыновей закончили духовную семинарию в г. Вологде, а дочери — вышли замуж за священников (одна из них, Наталья, умерла в возрасте 3-х лет). Отец семейства, Алексей Петрович, скончался, когда Ивану было семь лет. Детей поднимала мать, Екатерина Ивановна Куратова (урождённая Горинова), она же и отвезла 9-летнего Ивана в 1848-м году в церковно-приходское училище г. Усть-Сысольска, а после окончания второго класса в 1850-м году — в духовное училище г. Яренска. Курс обучения в духовных училищах России составлял четыре года, и включал основные предметы светского и духовного характера, при этом, большое внимание уделялось занятиям по словесности. К яренскому периоду жизни Куратова относятся и его первые стихотворные опыты. В автобиографических записках он пишет, что А.И. Гугов² начал писать стихи с 13 лет, когда ещё с трудом осваивал русский язык. «Но он писал по-зырянски, причём употреблял Стефановскую азбуку (по Саввайтову), чтобы... не подвели под розгу, вычитавши воспеваемую им любовь».³ Переписанные кириллицей в возрасте семнадцати лет, по словам самого Куратова, эти стихи составили тетрадь «Немас удж» (Вот тоже работа),⁴ однако, в сохранившейся

¹ См.: В.И. Мартынов. Предисловие // И.А. Куратов. Ты бесконечна, жизнь.— Сыктывкар, 1988.— С. 6.

² А.И. Гугов — литературный псевдоним поэта, образованный по принципу анаграммы: А.И. — И.А., Гугов — производное от коми гуг «обратная сторона, изнанка». Гугов — «оборотный, другой», т.е. литературный двойник Куратова.

³ И.А. Куратов. Ты бесконечна, жизнь / Сост. В.И. Мартынов.— Сыктывкар, 1988.— С. 88.

⁴ Там же.— С. 89.

одноимённой тетради тех ранних стихов нет.¹ Учащийся Иван Куратов был на хорошем счету, как следует из характеристики «поведения весьма благонравного, способностей весьма хороших, прилежания и успехов весьма хороших».² После окончания духовного училища в 1854 году он был переведён в Вологодскую духовную семинарию и был принят на полное казённое содержание. Это значит, что Куратов обеспечивался общежитием и получал денежное пособие 20 рублей в год. Курс семинарии включал помимо специальных духовных предметов и светские дисциплины, такие как словесность, логика, психология, история, математика, физика, естественная история и даже медицина, уделялось много внимания изучению языков — греческого, латыни, немецкого, кроме того, Куратов самостоятельно изучал французский язык. В семинарии с 1843 года работал класс зырянского языка, инициатором создания которого был П.И. Савваитов, член-корреспондент Российской Академии наук, в разное время занимавший должности профессора Вологодской семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии. Он же был и автором первой грамматики зырянского языка, в «Прибавлениях» к которой были опубликованы собранные братом И.А. Куратова Василием коми свадебные притчания (Борданкывъяс).³ В период обучения И. Куратова куратором «зырянского класса» был А.И. Попов (1815–1886), преподававший в семинарии латынь, зырянский язык, всеобщую гражданскую историю, риторику и священное писание. А.И. Попов, уроженец Усть-Сысольского уезда, был достаточно образованным человеком, окончившим Вологодскую семинарию (1838 г.) и Московскую духовную академию (1842 г.). Не исключено, что А.И. Попов и инициировал поэтические опыты семинаристов — в Московской духовной академии, которую он закончил, кроме изучения обязательных предметов поэтики и риторики, семинаристы должны были и сами писать стихи.⁴ Очевидно, подобные опыты поощрялись руководством Вологодской семинарии, проводившим целенаправленную политику по подготовке священников из зырян, способных служить на коми языке и переводить на коми язык богослужебные тексты.

Из стихотворений Вологодского периода сохранилось только порядка двадцати произведений, среди них программные для этого периода «Сылан меям, сылан» (Песня моя, песня), «Коми кыв» (Коми язык), «Морт олём» (Жизнь человека), «Нимтём поэма» (Поэма без названия), неоконченная поэма «Пама» и др., переводы на коми язык Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Фета, Беранже, Бёргса, Гейне и др. Ранние стихотворения Куратова характерны образом творения *новой коми песни*, которую поэт создаёт и передаёт как по эстафете грядущим вслед за ним поэтам. Поэт находит нужные слова для *новой песни* «среди своих земель, лесов, рек, своих нищих деревень, в разговорах с парнями и девушками» (*Выль сыланкыв* «Новая песня», 1860); он желает «вырастить её в своём сердце» (*Сылан, меям сылан* «Песня, моя песня», 1860). Куратов юношеского периода всматривается в себя, он ищет свой жизненный путь, так, в стихотворении *Морт олём* «Жизнь человека» он пишет, что если не выйдет из него поэт, то пусть будет и плотник, архиерей, офицер — всё равно, кем быть, открыты все дороги, только бы не стать

¹ Самое раннее стихотворение из этой тетради датировано 1856 годом.

² Фёдорова А.Н. И.А. Куратов. Очерк жизни и творчества.— Сыктывкар, 1975.— С. 19.

³ Куратов И.А. Указ. соч. 1988.— С. 10.

⁴ Клейн И. Пути культурного импорта / Труды по русской литературе XVIII века.— М.: Языки славянской литературы. 2005.— С. 159.

ничтожеством: «*Если не выйдет // Из меня поэт, // Пусть не выйдет из меня и пономарь, // Наглый, бесссты-жий...*». Вместе с тем, он пробует свои силы и в крестьянской тематике, старик из стихотворения *Пёрысь морт «Старик»* (1859) в этом смысле является предтечей галереи крестьянских образов, созданных поэтом в более зрелые годы.

Среди прочих выделяется драматическая поэма «Пама», посвящённая событиям крещения коми народа Стефаном Пермским. Согласно первоначальному замыслу сюжет поэмы строился в соответствии с основным литературным и историческим источником этой эпохи — сочинением Епифания Премудрого «Слово о житии св. Стефана Пермского» и главным героем поэмы должен был стать креститель коми народа Стефан Пермский. Однако в процессе работы над поэмой Куратов выдвигает на передний план образ главного противника христианизации — языческого жреца Памы, который остаётся верен своему долгу, предпочтя изгнание, но не предательство веры и обычаев отцов. Привлекательность образа Памы как национального героя, в первую очередь, обусловлена тем, что за ним стоит тайна исторического прошлого коми народа, ассоциирующегося с архетипом Золотого века, когда, как утверждает старый волхв-сотник в сочинении Епифания — многие боги были милосердны и давали людям в избытке всякого улова, всего, что было в лесах, в водах и воздухе. В этой романтической концепции Куратова тема противостояния Стефана и Памы в связи с крещением коми народа в определённый момент из исторического плана раздвигается до уровня космической идеи, соотносящей судьбу коми народа с жизнью вселенной. Как романтический герой, Пама — мистик, которому раскрыты божественные тайны, недоступные остальным людям, — он связан с высшим миром через Войпеля, верховного бога коми пантеона. Именно Войпель раскрывает Паме истинное положение веющей: трагедия Памы, причина его поражения скрыта в высшем божественном решении, не подвластном человеческому обсуждению. Пама посвящён в тайны вселенского миропорядка, он узнаёт от Войпеля, что время древних коми богов ушло, и что по воле высшего бога наступает новая эпоха, но признать и принять её — значит отрешиться от бесконечно дорогого ему мира, освящённого памятью предков, а этого он не может сделать. Пама вступает в конфликт не только с христианством, которое несёт Стефан, но и с волей своих, языческих богов, а также и с волей своего народа, принимающего новую веру. В этом трагизме Памы, который в своём противостоянии новому мироустройству обречён на тотальное одиночество и вечное осуждение. Значение этой неоконченной драматической поэмы и в том, что Куратовым впервые был поставлен вопрос о национальном характере, национальном герое.

Окончание Вологодской семинарии приходится на июль 1860-го года. Есть сведения, что Куратов получил направление в Московскую духовную академию для дальнейшего обучения, в «Некрологе» пишется, что ему не удалось окончить академического курса из-за «возникших в начале 60-х гг. волнений в высших учебных заведениях»,¹ однако документальных подтверждений учёбы в Академии пока не найдено. В 1861 году Куратов приезжает в Усть-Сысольск и с первого апреля уже служит учителем первого класса в Усть-Сысольском церковно-приходском училище. На этой должности Куратов проработал до 1865 года, вплоть до своего увольнения и перевода в г. Казань, на службу по военному ведомству.

¹ Иван Алексеевич Куратов. Некролог // Куратов И.А. 1988.— С. 145.

Для поэтического творчества Куратова усть-сысольский период жизни был исключительно плодотворным. Окончательно формируется концепция крестьянской темы, — безусловно, под влиянием поэзии Кольцова и Некрасова, но без магистрального для Некрасова мотива страдания народа. В стихотворениях Куратова предстает опоэтизированный мир коми крестьян, воспроизводится мироощущение этих людей, их жизненная философия. Содержание этих стихотворений разнообразно, но всегда в основе конфликта, определяющего развитие сюжета, лежит некая жизненная ситуация, в которой оказывается его герой. В разрешении этой ситуации раскрывается характер героя, его человеческая судьба. Куратов скорее новеллист, чем лирик, изображая сцены крестьянской жизни, он использует методы реалистической прозы, поэтому его стихотворения зачастую сюжетны, нарративны, он точен в бытовых деталях, этнографичен. Можно выделить два типа стихотворений крестьянской темы. Во-первых, это стихотворения-истории, такие, как *Пöрысь морт* «Пожилой человек» (1859), *Пöрысь ныв* «Старая дева» (1862), *Грездса ныв карса баринлы* «Деревенская девушка городскому барину» (1862), *Гöль зон* «Парень-бедняк» (1864), *Синтöм пöлль* «Слепой старик» (1866), *Корысь «Нищий»* (1865), более поздние: *Пöч* «Старуха» (1866), *Пöрысь олём* «Жизнь старика» (1870) и др., сюжет которых строится как монолог героя о себе, о своей жизни. Во-вторых, это такие стихотворения, как *Видзöд, эстён жырыс* «Посмотри, эта горница...» (1864), *Коми бал* (1865), *Закар ордын* «У Захара» (1867), где Куратов как бы отстраняется от конкретных судеб и показывает крестьян именно как общество, как мир. Для этого Куратов выбирает типовые ситуации гостевания или деревенских посиделок. Эти ситуации характерны тем, что всё деревенское сообщество: молодые, старые, дети, богатые или бедные — собирается под одной крышей, в одной избе. В контексте поэтической системы Куратова изба приобретает символику всего мира крестьянской общины, крестьянского космоса. Вход в избу равнозначен рождению, а выход — смерти. Поэтому в стихотворении «Коми бал» описание происходящего в избе начинается с общих слов о том, что любой вошедший на «коми бал» (посиделки) уважаем здесь и любим, а первым здравым образом является плачущий на руках матери ребёнок. Далее кинематографически детально и последовательно следуют образы сидящих на полатях и на печи детей, затем — поющих и пляшущих в середине избы молодых людей и в углу под полатями — одинокая старуха, которая, выпив вина, притоптывает в такт пляшущим. В разворачивании образов гостей от «младенцев» к «старикам» угадывается идея движения поколений, движения человеческой жизни от рождения к смерти. Движение это абсолютно и необратимо. Выпившая старуха вдруг выходит в центр пляшущей молодёжи и пытается спеть как в молодости, но ноги её не держат и из горла вместо песни вырывается плач.

В усть-сысольский период жизни в поэзии Куратова начинает звучать и гражданская нота. 1865 годом датировано большое стихотворение *Йöгралы «Ханту»*, в котором поэт поднимает проблему необходимости просвещения малых лесных народов, таких как ханты. Просвещение, знания сравниваются с эпидемией, болезнью, которой сначала переболеет коми народ, а вскоре она захлестнёт и Урал. Вопрос в том, нужны ли болезни просвещения — теология, гуманизм, романтизм, байронизм, космополитизм, пессимизм и прочие «гнилые измы». Страной Европы людям природы? Куратов считает, что и ханты выйдут на дорогу, по

которой уже идут просвещённые народы, но в поисках этих «измов» не потеряют ли они своё исконное счастье? Тем не менее, усть-сысольский период характерен преобладанием в нём просветительского начала. В своих заметках Куратов пишет: «Когда есть народ, то ему нужно образование; познания же можно передать через его же язык...; он теперь-то и есть единственный орган распространения знаний между зырянами».¹ В эти годы Куратов работает над составлением грамматики коми языка и в рамках этой работы публикует цикл статей «Зырянский язык» в «Вологодских губернских ведомостях», а также рецензирует «Грамматику» П. Савваитова.

В то же время удручающая атмосфера захолустного провинциального городка, запутанные личные отношения, отсутствие перспектив в писательском творчестве, не говоря уже о перспективах научного и карьерного роста, вызывают сильнейший душевный кризис Куратова. 29 декабря 1864 года Куратов подаёт прошение на имя Вологодского епископа об определении его на учёбу в училище военного ведомства г. Казани для получения аудиторского звания. Очевидно, что в сложившейся ситуации учёба в Казани для Куратова — это единственный способ вырваться из удручающей его обстановки, продолжить образование, сделать карьерный рывок и увидеть мир. Прошение Куратова было удовлетворено, правление Вологодской семинарии вынесло решение об освобождении его с должности учителя, а 11 июля 1865 года вышел приказ о назначении Куратова на службу в штаб Казанского военного округа.² Выехать к месту службы Куратов смог только в начале октября 1865 года, этому предшествовали томительные недели и месяцы ожидания. Смятение, которое царило в это время в душе поэта, выражалось в цикле стихотворений, лейтмотивом которых звучит жажда свободы, пусть даже ценой гибели всего мира. Это стихотворения *Со бара пемыд лолын лоис* «Опять в душе моей темно» — в русском и коми вариантах, *Самсон* «Самсон», в которых лирический герой Куратова призывает на помочь апокалиптические силы, способные и очистить душу, и разрушить мир, погрязший в бездуховном мраке:

Желал бы я, чтобы луна
Была от глаз удалена
За край вселенной, чтобы в сехах
Кровавых ангелы себя
Рубили, чтобы неба своды
Свалились на землю, губя,
Как под ловушкой мышь, народы...
(Опять в душе моей темно... 1865)

Образы для этого стихотворения Куратов находит, в основном, в Библии,³ что касается стихотворения *Самсон* «Самсон», то его сюжет целиком взят из известной ветхозаветной легенды о пленённом врагами богатыре. Как раз в середине XIX в. на почве русской литературы появляется стихотворная версия легенды в изложении Н.М. Языкова «Самсон» (1848), а немного позднее — перевод стихотворения

¹ Гуляев Е.С. Водзкын (Предисловие) // Куратов И.А. Менам музя.— Сыктывкар, 1979.— С. 7.

² Фёдорова А.Н. Указ. соч., 1975.— С. 88–89.

³ См.: Тираспольский Г.И. Эхо Пушкинской лиры.— Сыктывкар, 1999.— С. 130–131.

Г. Лонгфелло «Предостережение», сделанный М.Л. Михайловым.¹ Общим местом для этих произведений является обобщённо-символическая трактовка образа Самсона: в стихотворении Г. Лонгфелло и в переводе М. Михайлова — это «взбунтовавшийся тираноборец, народный заступник»,² а в стихотворении Н. Языкова — гигант, суворо мстящий за предательство. Созданный по этим образцам, Самсон Куратова — это пленённый Поэт-бунтарь, восставший против рутины обывательского мира. В этом контексте ослепление Самсона противопоставлено слепоте толпы, не увидевшей и не признавшей его поэтического таланта, в то же время суду толпы противопоставлен суд Самсона, разрушающего дворец-мир. Звучащие из-под руин слова: «Дорогу талантливым!» — это предупреждение обывательскому миру о вселенском предназначении Поэта, его неподсудности неправедному суду толпы.

Тема «Поэта и толпы», как отмечает Г.И. Тираспольский, объединяет рассмотренные произведения со стихотворениями «Усть-Сысольск» и «Прощание», датированными этим же годом.³ Написанное в жанре инвективы, стихотворение «Усть-Сысольск» — это сатирическое обличение всего того негатива, в котором жил поэт и с чем так и не смог примириться. Уже первые строки стихотворения должны активизировать в сознании читателя образ той унылой действительности, которая окружает поэта со всех сторон:

Город пошлый, город грязный!
Заместил твои концы
Сброд какой-то безобразный,
Подлецы всё да глупцы!

Этнографическая конкретика сообщает достоверность городским чертам, в восприятии поэта эти черты имеют вид жалкий и убогий: город изначально «мал и неказист», при этом он имеет черты тления, гнили — «словно ты, харчок нечист»; на домах растёт гриб, скользкие «мостки» и т.п. Толпа или «сброд» также имеет конкретные лица: это полицмейстер Левицкий, некий «Борька», Епальский, следящие за тем, чтобы город не менялся, поэтому они «строят траншеи» «науке и уму» или «давят ярмом» таких как поэт. По эмоционально-психологическому настрою этому произведению близко стихотворение Пемыд «Тьма» (1865), написанное в форме аллегории. Мир, в котором живёт поэт, показан в процессе завоевания его *тьмой*, силами зла, и этот процесс исторический, движущийся от неких неопределённых в прошлом времён, когда на землю пала тьма, через время, синхронное лирическому герою — к грядущему апокалипсису, после которого наступит долгожданное царство добра и света.

К месту своей службы в штаб Казанского военного округа Куратов прибывает 20 октября 1865 года. Здесь, в училище военного ведомства, он получил специальное юридическое образование и через год был рекомендован на должность полкового аудитора в Туркестанский военный округ. В плане творчества, казанский период жизни для Куратова характерен интенсивностью поисков новых направлений.

¹ Тираспольский Г.И. О творческой истории стихотворения Куратова «Самсон» // Куратовские чтения.— Сыктывкар, 1990.— С. 89–93.

² Там же.— С. 91.

³ Там же.— С. 96.

С одной стороны, в поэзии продолжается и получает дальнейшее развитие крестьянская тематика, с другой стороны, в его стихотворениях появляются новые, нехарактерные для раннего творчества элегические мотивы, сатирические произведения, эпиграммы, лирика гражданского и любовного звучания. Тема крестьянского мира раскрывается в стихотворениях *Синтём польё «Слепой старик»*, *Пётр «Старуха»*, *Шудтёмъяс «Несчастные»*; в небольших любовных стихотворениях *Зевс! Тэ ас вылёт коль менё «Зевс! Оставь меня»*, *Тэкёд донъясны «С тобой торговаться»*, *Эг лосявлёт «Скора»* и др. поэт будто бы продолжает лирический диалог с Сандрой (Александра Поповой), оставшейся в Усть-Сысольске, в то же время появляются лирические размышления о жизни и смерти: *Турбё «Метель»*, *1866 во петёён «Уходящему 1866 году»*, *Дзебанынын «На кладбище»*. В Казани Куратову впервые открылся Восток, и он не мог пройти мимо шедевров мусульманской культуры. Сохранились его переводы II и CIX сур Корана, двух стихотворений Рудэки. В то же время Куратов переводит на коми язык стихотворения А.С. Пушкина, Кольцова, Сырокомли, Шиллера, Гейне, Эндрю Парка и др. 1866 год был также знаменателен и тем, что в «Вологодских губернских ведомостях» были опубликована статья Куратова «Зырянские песни», в которой автор поместил пять своих стихотворений под видом коми народных песен. Статья была подписана буквой *K*, очевидно инициалом самого Куратова. В этом же 1866 году было написано и стихотворение *Менам музя «Моя музя»*, которое традиционно определяется исследователями, как обоснование Куратовым своей поэтической декларации.¹

Стихотворение начинается заявлением: *Менам музя — абу вуз!* — «Моя музя не продаётся!». В интерпретации литературоведов эти слова стали символом неподкупности музы Куратова, «её верности правде, реализму».² С этим можно согласиться, но не следует забывать и о том, что Куратов писал свои стихотворения без надежды на то, что они когда-либо будут напечатаны и, тем более, прочитаны народом, к которому он обращался на его родном языке. *«На базар стихи не посылаем, Покупателей ждать боимся...»*³. Под базаром имеется в виду тот литературный рынок, когда профессиональный писатель имеет возможность издавать свои произведения, а читатель — их покупать. Беда Куратова в том, что не существовало соответствующего литературного рынка или, лучше, литературной жизни, в которой он мог бы реализоваться как коми поэт. Находясь в Усть-Сысольске, Куратов собирал сведения о пишущих на коми языке, но найденные им произведения коми авторов, по его признанию, были настолько мало художественны,⁴ что никак не могли стать основой для зарождающейся коми литературы. Эти поиски только убедили его в том, что пока он единственный коми поэт. Возможно, в связи с этим, Куратов создаёт образ своего литературного двойника *А.И. Гугова*, приписывает ему факты своей биографии и записывает часть своих стихов в отдельную «Тетрадь Гугова». Любопытно, что в набросках статьи о коми поэтах Куратов, в основном негативно оценив художественность

¹ Фёдорова А.Н. Указ. соч. 1975.— С. 103.

² Дёмин В.Н. Под кронами сосен.— Сыктывкар, 1989.— С. 15. См. также: Фёдорова А.Н. Указ. соч.— С. 103; Ванеев А.Е. В поисках истины.— Сыктывкар, 1989.— С. 124.

³ Здесь и далее подстрочный перевод стихотворений И.А. Куратова выполнен автором статьи.

⁴ Куратов И.А. О коми литераторах // Куратов И.А. Ты бесконечна, жизнь / Сост. В.И. Мартынов.— Сыктывкар, 1988.— С. 8.

стихов ряда авторов, оценивает положительно только произведения Гугова и свои.¹ Муза такой же двойник Куратова, как и Гугов. Как отмечает Г.И. Тираспольский, новаторство Куратова в том, что его муза наделена «осязаемой телесностью» и «шокирующее прозаична», тогда как у его литературных предшественников муза не более чем абстрактный символ.² Муза поэта — его собеседник и цензор, над «фальшью», услышанной в стихотворении — они посмеются вдвоём, а тетрадь с этим стихотворением пойдёт на растопку камина. Поэтический манифест, таким образом, составляется Поэтом совместно с Музой: «Скоро мы возьмём сильнее тему, // Чтоб поэма // Показала ханжу, // Надевающего ветхие одежды, — // Паразита, стоящего над людьми, красного от человеческой крови, — // И хороших людей, // Живущих в голоде и в холодае, // И ждущих счастья только на том свете...». Таким образом, Куратов и Муза определяют направление своего творчества на обличение пороков общества, раскрытия природы зла, противопоставляя их настоящим, но униженным человеческим ценностям.

Действительно, в казанский период Куратов пишет ряд стихотворений обличительного характера, причём не только на коми, но и на русском языке: *Вöтъяс «Сны», Гырысь йöз олomyсь «Из жизни больших людей», Быдтор керан йöзысь гусьён «Всё ты делаешь от людей тайком», Генерал! Тэ ов и югъя!* «Генерал! Ты живи и блистай!», «Новости», «Вдова», «Поминки», «К остыку» и др. Это сатирические произведения, задача которых не только обнажить пошлость скрытого от глаз мира власть имущих, но и замаскированную мелочность обычных мещан. Очевидно, что обличительные темы, заявленные Куратовым в стихотворении *Менам музы «Моя муза»* и воплощённые в сатирическом цикле, звучат злободневно и сегодня, однако они не только не исчерпывают всего диапазона поэтического творчества коми поэта, но даже отражают только один из аспектов его литературной позиции.

Осенью 1866 года заканчивается срок обучения в училище и Куратов направляется в город Семипалатинск аудитором в штаб седьмого Западно-Сибирского батальона под начало военного губернатора Г.А. Колпаковского. Должность полкового аудитора, введённая в 1716 году Петром I, предполагала исполнение обязанностей следователя, прокурора и секретаря военного суда, и Куратов справлялся с ней успешно. Уже через полгода, приказом от 9 марта 1867 года Г.А. Колпаковский назначает его на должность обер-аудитора штаба войск Семипалатинской области,³ т.е. фактически молодой Куратов в этот период возглавляет всю аудиторскую службу военного округа. В октябре 1867 года Г.А. Колпаковского назначают военным губернатором Семиреченской области, и естественно, что в укрепление Верный (будущий город Алма-Ата) он переводит из Семипалатинска свою команду, в числе которой был и обер-аудитор И.А. Куратов. Так что уже в конце декабря 1867 года он приступает к обязанностям аудитора в 11 Туркестанском линейном батальоне в укреплении Верном.

Семипалатинский период творчества стал для Куратова временем перелома.

¹ Куратов И.А. О коми литераторах // Куратов И.А. Ты бесконечна, жизнь / Сост. В.И. Мартынов.— Сыктывкар, 1988.— С. 8.

² Тираспольский Г.И. Указ. соч. 1999.— С.237.

³ Ивлев Н.П. Куратов в Казахстане.— Сыктывкар, 1981.— С. 14.

С одной стороны, он продолжает крестьянское направление своей поэзии, к этому времени относится лучшее произведение этого цикла — стихотворение *Закар ордын* «У Захара», к сожалению, сохранившееся не полностью, а также небольшая поэма *Кулём том мортлон* «Смерть молодого человека», а с другой стороны, крестьянская тема перерастает в размышления о Родине, Коми земле. В стихотворении *Шонді йылысь* «О солнце» Куратов ставит вопрос о том, что преобразовать Коми землю, сделать её плодородной, чтобы «солнце своими лучами помогало пахарю собирать хлеб» — нужно ежедневно трудиться, не жалуясь на скучность северного солнца, а в других стихотворениях уже слышен мотив оторванности от Родины, тоски о Родине. Куратов создаёт стихотворения элегической тональности: 1867 волы «1867-му году», *Восьса ёшинь дорын пукалі* «Возле открытого окна я сидел», *Тулыс* «Весна», *Отпир зэв мем дзугыль лоис* «Однажды стало мне очень грустно», *Ӧні сöмын тi! Ме ог!* «Теперь только вы! Не я!». Переживания лирического героя связаны с чувством одиночества, вызванного разлукой с родной землёй, с родными людьми, его тревожит неясность будущего. Трагедия Куратова заключалась и в том, что он родился коми поэтом, писал на коми языке, и, будучи оторванным от коми окружения, вынужден был писать как бы для себя или для возможного будущего коми читателя. Одиночество в мире людей — непременный атрибут концепции поэта, в случае Куратова оно усугубляется тем, что голос поэта может слышать только он один, поскольку поэт и окружающие его люди говорят на разных языках. В элегических стихотворениях уже отчётливо звучат нотки пессимизма, жизнь не предлагает лирическому герою радостей бытия, да и сам он ждёт от жизни только новые скорби. Появляется новый, не свойственный прежде мотив — предчувствие смерти, причём, смерти ранней. Смерть не страшит лирического героя, он принимает её как закономерное завершение безрадостной судьбы:

Когда откроется мне гроб,
Войду, ничто меня не остановит...
(1867-му году)

К середине 1867 года художественные искания Куратова сосредотачиваются вокруг главной для его зрелого творчества темы — темы смерти. Тема для Куратова вроде бы не новая, поэт не мог её миновать в стихотворениях крестьянского цикла, поскольку для мира крестьян смерть является закономерным завершением жизненного круга. По отношению к крестьянскому миру поэт находится в позиции наблюдателя, он видит его со стороны и только констатирует признаки, которые присущи смерти: уныние, болезнь, старость, одиночество (предельное одиночество — это могила: *быд ас гүё водас* «каждый ляжет только в свою могилу») — в противоположность таких признаков жизни, как веселье, здоровье, молодость и единение в общине. В зрелом творчестве меняется позиция лирического повествователя, теперь он сам принимает участие в противостоянии жизни и смерти, он уже обладает знанием о смерти, и это знание позволяет ему понять и оценить самую глубину жизни. Первым произведением, в котором Куратов обращается к теме смерти, является стихотворение *Дзебанінын* «На кладбище» (1866), представляющее собой реминисценцию известной сцены на кладбище из трагедии В. Шекспира «Гамлет». Лирический герой Куратова, как и

Гамлет, противопоставляет нынешнюю посмертную пустоту черепа прежней живой полноте головы, полной мыслей. Но если для Гамлета череп — это повод для рассуждений о превосходстве смерти над жизнью, то лирический герой Куратова размышляет о том, что мысли, когда-то наполнявшие эту голову, теперь уже устаревшие, всё ещё веют из пустого черепа, а живые до сих пор «едят» их заплесневевшие остатки. Ироничное по форме, это стихотворение Куратова уже содержит концепцию трагического диалога с жизнью, который возможен только, если сам лирический герой находится где-то на границе между жизнью и смертью.

Тема смерти объединяет в один цикл ряд стихотворений, написанных в разное время, но, в основном, уже после 1867 года. Это *Öti бур олём* «Одна хорошая жизнь» (1867), *Oй, олём, олём!* «Эх, жизнь, жизнь!» (1867), *Со кызд сийёс тёда ме...* «Вот так его я знаю...» (1867), небольшая поэма *Кулём том мортлон* «Смерть юноши» (1867), *Брамин кулан водзылас* «Брамин перед смертью» (1870), *Важся коми войтырлон кодралом* «Поминки древних коми» (1875) и некоторые другие. Особенностью этих стихотворений является характерная для философской лирики направленность на всечеловеческое в предмете изображения. Образ смерти присутствует и в других стихотворениях Куратова, но в их основе лежит интерпретация неких биографических фактов самого поэта, его личной грусти, не возвышающейся до всеобщего, философского уровня. Это не значит, что Куратов предельно дистанцирован от изображаемого, напротив, его позиция зачастую крайне эмоциональна. Примером такой позиции поэта является стихотворение *Oй, олём, олём!* «Эх, жизнь, жизнь!» (1867), построенное в форме диалога с жизнью. Конечно же, имеется в виду Жизнь вечная (Ин. 17,3), всемирная жизнь, краткий отрезок которой дано прожить лирическому герою. Обращаясь к Жизни, поэт говорит, что с каждым прожитым днём жизнь становится ему дороже: «Мы не будем с тобою спорить, // Ты оставайся, а я уйду...» Жизнь «остаётся» в вечном циклическом движении природных форм, обновление которых происходит через их смерть, тогда как «уход» лирического героя, т.е. его смерть, означает исчезновение его личности. В этом трагизм человека, в отличие от всей остальной природы осознающего свою смерть, как смерть своей индивидуальности. «Ты, Жизнь, счастлива вечностью // И когда-нибудь станешь лучше...// И почему моя самая нелюбимая тема // Всегда «смерть», ты понимаешь». Смерть, конечно же, «нелюбимая тема», но именно она определяет цену и смысл жизни, поэтому к ней обращается поэт наиболее часто.

Ощущение краткости земной жизни, хрупкости человеческого существования лежит в основе поэмы *Кулём том мортлон* «Смерть юноши». Центральным событием, вокруг которого строится сюжет поэмы, являются похороны юноши. Композиционно стихотворение делится на три части. Лирический герой стихотворения, поэт, по воле случая оказывается на месте события. В зчине стихотворения поэту «слышится» в пении дьяка в церкви голос самого умершего юноши: умерший говорит, что смерть его «придушила, чтобы не мог сказать ни слова живым». Умерший юноша сетует на то, что ещё недавно он на посиделках «сидел рядом» со своими сверстниками, жил с ними одними заботами, разговорами, пожеланиями долгих лет и богатства, но смерть всё это перечеркнула. Она прожгла грудь, остудила кровь, лишила речи, «подвела как углем синие круги под глазами и сдула красоту с лица». Теперь здесь находится только тело, «как будто

и не жил рядом с вами!» В монологе умершего *единство* живых представлено как высшее благо, по сравнению с *одиночеством* его холодного тела, с одиночеством смерти. Вместе с тем, подчёркивается эфемерность этого единства, которое в любую минуту может нарушить смерть. Заканчивается монолог обращением к живым: «*Встаньте рядом со мной // Проводите меня...// Пока остаётесь, а будем // когда-нибудь и вместе!*», противопоставляющим недолгому единству живых будущее единство в вечности. Во второй части стихотворения, вошедший в церковь лирический герой принимает непосредственное участие в прощании с умершим, разговаривает с его матерью. В этом разговоре раскрывается трагедия семьи, лишившейся единственного кормильца. Безвременная кончина юноши фактически обрекает его родителей на полуголодное существование и скорую смерть. В заключительной части поэт, вместе с другими участниками похоронной процесии, провожает гроб с телом юноши на кладбище, и вдруг видит вокруг себя картину расцветающей весенней природы: «*А тогда весна // Только ещё начинала // Оживлять то, что (когда-то) умерло. // И что уже стёрлось (исчезло), // Омыть дождём, // Чтобы покрыть новым узором...*». В картине обновляющейся природы поэт угадывает параллель описанным трагическим событиям: жизнь человека — это лишь мгновенье всемирной жизни, и со смертью в ней навсегда растворяется то личностное начало, которое и составляло его Эго.

Пожалуй, наиболее полно тема смерти, как растворения личного человеческого бытия в сверхличном бытии Жизни вечной, Бога — раскрывается в стихотворении *Со кыдз сийёс тёда ме...* «Вот так его я знаю...». В рукописи оно не озаглавлено поэтом и, как правило, в качестве названия используется его первая строка. С точки зрения развития сюжета стихотворение строится как перифразистически зашифрованное описание некоего явления, или «логическую операцию определения, или дефиницию».¹ Самому явлению поэт не даёт названия, это послужило причиной возникновения версии скрытого под местоимением «сийё» (личные местоимения в коми языке не имеют показателя рода) образа природы в сугубо позитивистском значении материи, бытия.² Представляется, что строя свои размышления по принципу дефиниции, поэт отображает не все, но определяющие свойства Бога. Самым существенным среди них, по мнению поэта, является молчание. На протяжении стихотворения это качество трижды им повторено: в первой и предпоследней строфе дословно «*Олё чёв ѿтторъя*» (пребывает постоянно в молчании), но во втором случае с восклицательной интонацией, и в самом конце — «*пыр чёв олё*» (всегда молчит). Молчание воспринимается не только в качестве сквозного, постоянного признака описываемого явления, но и признака родового, вмещающего в себе все остальные. Поэтому закономерно, что в серединной части текста оно раскрывается через более частные компоненты — как бы составные части молчания. Таким образом, все компоненты стихотворения обеспечивают единую художественную задачу — выразить своё знание о Творце через сопоставление Его свойств с человеческими. Любое рассуждение о Боге предполагает некое размышление о том, что находится за пределами понимания

¹ Спивак Р.С. Русская философская лирика. Проблемы типологии жанров.— Красноярск, 1985.— С.18.

² Федорова А.Н. И.А. Куратов. Очерк жизни и творчества.— Сыктывкар, 1975.— С. 41. (183); Ванеев А.Е. В поисках истины.— Сыктывкар, 1989.— С. 117.

человека, поэтому Куратов, не называя Его общепринятым словом Ен — Бог, намеренно использует в стихотворении апофатический богословский метод, предполагающий постижение Божественной сущности через отрицание определяемых качеств. Всё отрицаемое поэтом в результате оказывается неприменимым к образу Бога и находится в плоскости человеческой жизни. Остаются некоторые постоянные эпитеты, такие как бесконечность, свет, красота, определяемые в богословии как имена Бога, а также образы бессмертия, абсолютного равнодушия, явленные через ёмкую метафору «непостижимого молчания».

На должности аудитора 11 линейного батальона Куратов прослужил три с лишним года. Он вёл следственные дела о хищениях, растратах казённого имущества, злоупотреблениях станичных администраций, участвовал в ревизиях и проявил себя как толковый специалист и честный человек. Уже в 1869 году военный губернатор Колпаковский представил его за «отлично-усердную службу» ордену Святого Станислава третьей степени.¹ Это была высокая награда, причём, представление к ордену второй степени уже давало право на получение наследственного дворянства. 3 марта 1871 года приказом Туркестанского генерал-губернатора Кауфмана Куратов был переведён из батальона в распоряжение губернатора области на должность младшего чиновника особых поручений.² На этой должности он исполнял обязанности уездного судьи, прокурора, следователя, по следственным делам объездил всё Семиречье. Он считался опытным юристом, профессионалом своего дела, дослужился до чина титулярного советника (офицерский чин — капитан) и был представлен к ордену Святой Анны третьей степени.³ Карьера Куратова была успешной, его ценило руководство края, уважали друзья, наверняка он поднялся бы высоко по служебной лестнице, но помешала преждевременная смерть от туберкулёза. 19 ноября 1875 года И.А. Куратова не стало, развёрнутый некролог о его смерти за подписью Л. С-н был опубликован в газете «Туркестанские ведомости» 2 января 1876 года.

Семиреченский период творчества Куратова самый продолжительный по времени — целых восемь лет. Количество произведений, написанных в этот период, сравнительно невелико. Всего насчитывается порядка 63 стихотворений, датируемых 1868–1875 годами. Творчеству мешала работа, требовавшая полной отдачи и почти не оставлявшая свободного времени для поэтических занятий. Тем не менее, Куратову удается выкраивать время для стихов, а кроме того, он работает над переводом на коми язык Нового Завета и коми-зырянской грамматикой, которую предполагал издать в Верненской типографии в год своей кончины. Творческий диапазон этого периода достаточно широк. По-прежнему в центре поэтического мира Куратова коми люди: в созданную ранее галерею крестьянских типов он включает новые образы — это старик, проживший, на его взгляд, слишком долгую жизнь и считающий, что смерть обходит его за какие-то грехи, в стихотворении *Пёрысь олём* «Жизнь старика» (1870); юная коми девушка, мечтающая о своей первой любви (*Том ныв* «Юная девушка» (1870)); нищие (*Синтём корысь* «Слепой нищий» (1874)). В этом же цикле трогательное наставление матери к своей юной дочери-невесте (*Мам* «Мать» (1875)) и ироничное

¹ Ивлев Н.И. Указ. соч. С.43.

² Там же.— С. 51

³ Этот орден давался за заслуги офицерам не ниже штабс-капитана, прослужившим восемь лет.

по форме *Важся коми войтырлён кодралём* «Поминки древних коми» (1875), сюжет которого строится вокруг идеи лучшей загробной жизни. Парадокс в том, что она скучна, и если бы на этом свете жилось счастливо, никто бы и не желал счастья того света. Большая часть любовных стихотворений Куратова написана в жанре, сочетающем признаки мадригала и эпиграммы — это миниатюры, в которых восхваление женщины проникнуто тонкой иронией:¹ *Миян сёрни вёлі долыд* «Наш разговор был весёлым» (1868), *Идеал тэ менам, Анна* «Анна, ты мой идеал», *Ме философ этшаника* «Я немного философ», *Комильфояс, франтъяс* «Комильфо и франты» (1869), *Король дінын медэль* «Медэль возле короля» (1869), *Пукалан тэ паськыда и рама* «Ты сидишь широко и скромно» (1870), *И рам и долыд пыр* «Скромна и весела всегда» (1874). Однако высшей точки в поэтизации любовных переживаний поэт достигает в стихотворении *Быд мортлён, шуюны тунъяс* «У каждого человека, говорят астрологи» (1870). Это стихотворение об одиночестве, о невозможности любви, потому что у каждого человека есть только одна звезда где-то высоко в небесах, и только одна любовь, но она также далека, как и звезда.

Семиреченским периодом датируется ряд произведений гражданской тематики. Это стихотворения *Европалы* «Европе» (1869), *Корвойписны-керисны Лессинг, да Шиллер, да Гёте* «Когда творили Лессинг, и Шиллер, и Гёте» (1870), *Оз шунин миянлы кыв Егова* «Не скажет уже нам ни слова Иегова» (1874), *Важён узьё силён мывкыд* «Давно спит его ум» (1874–1875). Эти стихотворения представляют собой отклики Куратова на различные гражданские и политические проблемы. К примеру, стихотворение «Когда творили Лессинг, и Шиллер, и Гёте», представляющее размышление о том, как меняется характер государства, когда в нём меняются культурные приоритеты: если при Лессинге, Шиллере и Гёте Германия стремилась стать Афиной-Палладой, то после их смерти она становится солдаткой. И становится страшно от улыбки солдатки, неизвестно, о чём она думает в этот момент. К произведениям гражданского звучания примыкают стихотворения, в которых Куратов пытается осмыслить свою жизнь и своё предназначение в этой жизни. Лирический сюжет стихотворения *Пасътавмысьт выль пасъком* «Надев новую одежду» (1868–1869) строится как интерпретация фактов биографии самого Куратова: работа учителем, затем «игра в жмурки с Фемидой» — подготовительные этапы к самому главному в жизни. Сейчас поэт слышит в себе огромную силу против зла и надеется, что настанет лучшее время. Но если он умрёт, то люди не скажут, что он сделал много добра и имя его гремело. И только могильщик промолвит, что людям несли радость его слова.

Это стихотворение выглядит как подготовительный эскиз к поэме *Пасъяс синтёмлён* «Записки слепого» (1870–1874). Мотив слепоты для мифопоэтики Куратова является сквозным, и это не случайно, учитывая его богословское образование. Конечно, ему было известно теологическое противопоставление обычного зрения духовному, способному видеть Божественный свет. В поэме противопоставление физической слепоты и духовного зрения является основной темой, лейтмотивом проходящей сквозь все сюжетные перипетии. Поэма интересна уже тем, что включение в её композицию автобиографических посылок позволяет связать образ лирического субъекта поэмы непосредственно с самим Ку-

¹ Дёмин В.Н. История и типология жанров коми поэзии.— Сыктывкар, 1997.— С. 58.

ратовым, так что в образе *слепого* определённо угадывается сам автор. Жизнь предстаёт перед лирическим героем как *игра в жмурки* (*быдса гораньён ме ворслі* «всю жизнь я играл в жмурки»), где повязкой на глазах водящего служат те или иные жизненные приоритеты, в зависимости от возраста. В четырнадцать лет глаза повязывались омофором или орапом, чуть взрослея — и омофор меняется женским боа, далее, ставшему юристом герою повязку на глаза накладывает слепая Фемида. Однако эти повязки скрывают от героя и смысл его жизни, и только, став слепым, он начинает его постигать. Жизнь лирического героя как бы делится на два периода: период зрячести, характерный духовной слепотой, и период слепоты, когда герой обретает духовное зрение, *зрение сердца*. В своих принципиальных особенностях образ слепого соответствует концептуальному образу *поэта* в поэтическом мире Куратова. Слепой, как и поэт, выделен из общества, одинок (его окружают зрячие, но духовно слепые люди), и обладает пониманием высших смыслов, недоступных окружающим. В образе слепого угадывается и реминисценция к образу ослеплённого Самсона, созданного Куратовым десятью годами ранее. Но если в Самсоне поэт воплотил идею разрушающей силы обретающего свободу таланта, то в поэме слепота, открыв духовное зрение, не даёт лирическому герою избыточных сил. Ослепнув, поэт обнаруживает, что мир заполнен злом, символическим воплощением которого являются гарпии, но не может противопоставить им силу, и видит выход только в смерти, в могиле.

Кроме «Записок слепого» Куратов задумывал написать большую поэму Яг морт «Лесной человек» (1870–1875). Неизвестно, была ли закончена поэма, поскольку среди рукописей были обнаружены только несколько отрывков. Судя по всему, поэма предполагала панорамный охват всей жизни коми народа, где исторические и мифологические факты объединялись в составе единого сюжета. Сюжет поэмы был подсказан публикацией коми фольклорного предания в литературной обработке М.Ф. Истомина в Архангельских губернских ведомостях,¹ но для Куратова сам фольклорный сюжет является только поводом для более общих рассуждений о судьбе коми народа, о его национальном характере. Сходная концепция была реализована в драматической поэме «Пама», от которой также сохранились только отрывки.

Очевидно, мотив скорой и преждевременной смерти, появившийся в поэтическом мире Куратова в конце 1860-х гг. был как-то связан с состоянием здоровья самого Куратова. Ещё в Усть-Сысольске он пишет короткое стихотворение *Висьём* «Болезнь» (1865) и переводит его на русский язык:

Мне тяжко слово молвить,
Чахотка давит грудь...
Но и земля придавит,
Да стерпишь как-нибудь!

Чахотка здесь не более чем поэтический образ, но, через 10 лет, в Верном поэт умрёт именно от чахотки... В целом, образы болезни и скорби, иссушающие тело лирического героя, играют довольно заметную роль в поэтической мифологии

¹ Лимеров П.Ф. Примечания и комментарии // *Му пуксьём — Сотворение мира: мифология народа коми*.— Сыктывкар, 2005.— С. 567.

Куратова и парадоксальным образом сочетаются с идеей творческого горения. Можно сказать, что скорби, болезни и ранняя смерть являются следствием служения музе и даже входят в концепцию творчества. «Жизнь хоть мне и дорога, // Но жить устал страшно. // Немного веселиться, // Легко грустить, // Не работать до усталости, Чтобы не падать от работы, — // Все это хорошо, // Но характер не таков, что поделаешь!» (1869) Поэт не может жить слегка, в меру, творчество — это тяжкий труд, требующий от него полной отдачи, но это является и причиной его усталости от жизни. Через год эта фраза повторяется в поэме «Записки слепого» (1870–74), причём слово «устал» здесь повторяется дважды: «Эх, хотя жизнь мне и дорога, // Жить устал, устал сильно...». Скорби и болезни, иссушающие тело лирического двойника поэта будто бы иссущили тело и самого Куратова. Появилась смертельная усталость от жизни, болезни, словно перекинувшиеся поэту из его стихов, от его лирического героя. В письме брату, написанном незадолго до смерти, Куратов пишет: «С 24 ноября не выхожу из дома, повинуясь врачам и слабея день ото дня. Чем же я болен? Этого я, кажется, не поведал в предыдущих письмах. Страна тёплая, жизнь трезвая... чем же я болен? Во время командировки в Кульджу, назад тому года три, я простудился и с тех пор лихорадка изнурила меня, действуя летом и зимою. Следствием столь продолжительной лихорадки была чахотка. Впрочем что же. Не по своей воле человек начинает жить и умереть должен поневоле. А между тем, я так устал жить...».¹ И всё-таки смерть наступила слишком рано, остались нереализованными планы, идеи.

Лев Самарин, автор некролога в «Туркестанских ведомостях», пишет: «Последние годы он главным образом посвятил переводу на зырянский язык Евангелия (именно Евангелия от Луки). Труд этот снабжён громадным числом филологических комментариев, доказывающих не только глубокое знакомство Куратова с языком и бытом зырянского народа, но и немалую эрудицию. Кроме того, в числе рукописей покойного найдено немало оригинальных и переводных стихотворений на зырянском языке, опыт толкового зырянско-русского словаря, грамматика зырянского языка и целый ряд этюдов». Нам хорошо известно, что за несколько месяцев до смерти Иван Алексеевич собирался испросить разрешение у главного начальника края на отпечатание в местной типографии зырянской грамматики, и только поход в Коканд и усилившееся страдания помешали Ивану Алексеевичу осуществить задуманное намерение.²

Рукописи Куратова были отправлены его племяннику, Н.А. Куратову, в то время студенту Санкт-Петербургского университета. До начала 1920-х гг. рукописи хранились в домашнем архиве его брата, С.А. Куратова, а в 1923 году оказались в поле зрения известного учёного, лингвиста и этнографа А.С. Сидорова.³ С этого времени начинается публикация художественного наследия первого коми поэта.

¹ Неотправленное письмо брату // Куратов И.А. Ты бесконечна, жизнь // Сост. В.И. Мартынов.— Сыктывкар, 1988.— С. 100.

² Иван Алексеевич Куратов. Некролог // Куратов И.А. 1988.— С.148.

³ В.И. Мартынов. История открытия и изучения рукописного наследия И.А. Куратова // Куратовские чтения.— Сыктывкар, 1990. Т. 6.— С. 34.

Иван Куратов

Выль сыланкыв

* * *

Сылан менам, сылан,
Мича авъя пиё!
Долыда ме тэнö
Босылті мелі киё.

Сьёлём шёрын кёсий
Тэнö быдтыны ме;
Со тай быдтор ми сідз
Вёчны кёсыйсылмё!

Уна на тэд колё,
Мый эг сетны эшты,
Сёмын олёмтö тай
Вунёдомысь вешті.

Кытчö тэнö лэдза?
Кодкё босытас-ö мёд?
Тыдовтчас бур йёзлы,
Кыдзи мыччысъомыд?

Еннога поп лёка
Видзёдлас тэ вылё;
Уна тёдысь-кужысь
Сералё нин, кылё...

Крестьянин оз идрав
Лолас тэнё, пиё!
Вётасьё вот йылысь
Лун-вой, коньёр, сийё!

Вёчёдас код тэнё?
Код дорё тэ мунан?
Петлё! Он на вош тэ!
Вунёдим ми уна!

Велёдчё со кориг
Айтём пёномар пи,
Йылаын со кёмтём
Чечталё тай Карпё...

Кодкё найё костысь
Быдтас съёлём вылас
Меліа, ме моза
Тэнё нора сылас!

Уна тёдысьясöс
Найё шензьёдасны,
Тэнё, коми сылан,
Ылын нимёдасны!

1860.

Выль сыланкыв

Мый нё, зонъяс, горёктылам?
Гашкё, выль ног важсо сылам...
Дыр-ё кульёс ныр уло
Ымзам, тёв мед нуалё?..

Корсям сыланкыв ас шёрысь,
Ас му-ва вылысь, ас вёрысь,
Асланым гёль грездъясысь,
Юасигён ныв-зонлысь...

Кодыр асланым ног сылам,
Шог-гаж морта-мортлысь кылам...
Кысь пыр долыд сылансö?..
Понді ме, ті кутчысьё!

1860. Вёллгда.

* * *

Тима, дерт нин, пöрысь,
Арлыдсö нин воштöм.
Морт жö! Тима бöрысь
Вöтчы мукöд тоштöм!

Мыйкö излас нэмсö,
Бользьё-кывбörитö,
Абусö и эмсö
Öтилаö йитö.

Кытчö сийö пуксяс,
Куль кö кыскö сэтсö!
Динас том йöз шуксяс,
Сы динö по петсö.

Тима бызгас-бызгас,
А кор мыйкö вашкас,
Серамён зон брызгас,
Ачыс сöмын кашкас.

Ныв кö сэтí мунас,
Воськов регыд содтас,
Асысö, югыдлунöс,
Быдсö яндзим сотас.

Коди тöдас, сöрö
Мый сэн пеж вом тайö;
Енногаяс шöрö
Сийöс, дерт, он вайö.

Изки! Оласногён
Зэв шань эськö ачыс;
Оз мун йöзö могён,
Пыр нин ломтöм пачыс.

Абу бара йöртöд
Сылон жугийн тыртöм;
Быдсö иган, кöртöд —
Сьöмыс по тай быртöм.

Оз тöд, кöні кабак,
Чуньлыскысь по юö
Кывтас; оз ю табак:
Ныр-вом ляксöй, шуö.

Мый весьшёрё шуны,
Оз бара куж Тима
Пёръявны ни гуны —
Медся на бур нима!

Сы ордысь на нэмён
Омоль эз вёв петём;
Лякны мортös немён
Да куль шмонькыв сетём.

1864. Сыктывдин.

Коми бал

Со кён балыс вёлём!
Тані абу ёлём
Нинёкодлы лоны —
Мыйла нё не воны!
Татён быдся пырысь
Пыдди пуктём, гырысь...
Гашкё, кодкё повзяс
Шунысö, мый ковзяс!..
Кёсъяс, кага бёрдзас,
Мам кёть кулак гёрдзас!
Паччёр-пёлать вылын,
Труба сайын ылын
Быдсо гösytъяс миян!
Джаджъяс вывсянъ пиян
Ӧшёдёмны кокъяс!
Джоджным векныид, вокъяс,
Сылысь-йöктысьяслы.
Кётшасын тай — часлы —
Мед на гажа вёлём.
Томмём пёрысь сьёлём.
Юис — мый кёть вёчö —
Куим румка почё.
Колан вынсö öктö.
Аддигиг йöктём, йöктö
Кокнас гусьённикöн
Рама пукалигён...
Эдз сэн шогасясны!
Кодыр нюждочасны
Том йёз сера гезйён,
Кодыр черань везийён
Найё гарчыласны,

Кодыр разёдчасны
 Торйён, кодыр кинас
 Мортса-мортсö дiнас
 Матö кыскавласныс...
 А ёд некор асьныс
 Оз и торксызылыныс!
 Син куньём кост шыныс
 Ёвсылiс... Мый лоис?
 Нем! Зон гёгёрвоис,
 Нывлысь чужём тупкис
 Юрсинас — и чупкис...
 Сiйён, тёдан, пётсис —
 Да и бара ёддзис!..
 Чёскöдiсны вомсö,
 Бара виччысь помсö!
 Йёктöм, шутёв, сылём!..
 Сёрни, гашкö, кылам!
 Кысь бара! А пёчö:
 — Тi көть мый сэн вёчö,
 Вина этша шонтiс, —
 Сыывны-й ачыс пондiс!
 Сöмын нора горён
 Артмис тай — и шорён
 Визыв синва сылён
 Мунö пидзöс вылын...
 Шпыньялö поль, шуö:
 «Мыля нö он ную
 Йёктыны тшötш мортсö?
 Ичмонь колис ортсö,
 Кызд оз эльтчи, пиö?
 Со ёд кутшöм сiйö!»
 А пёч олö-вылö,
 Водзö бёрдiг сылёт!..

1865.

* * *

Кор ме вёлi кык арёса,
 Меддона мем вёлi мам;
 Кор ме лои кызы арёса,
 Пыр мем медся дона мам.

1866.

Синтём пёльё

Пёльё важён синтём дзик,
Да оз съёктёд сийё асён
Некодёс, пыр кималасён
Уджало тай ньёжийёник.

Кёкъямысадас вося морт —
Сёмын пельёс сылы колё —
Нинкёмёдас, коді олё,
Коді кулё, вёчас горт.

Вёчас ва лок, вёчас зыр,
Оз вёч сийё кыздзи сюрас!
Вёчас лы кодь ёнёс, бурёс!
Ачыс медводз видлё пыр.

Видзёдлё ті коркё рыт —
Пёльё петас ывла вылё,
Ва лок му бердас тай ылё
Шыбитлас, оз-ё пот кыт.

Сэсся лэптас ва локсö,
Котшёдас дыр рёчнас сыйё,
Потём абу дозмук, сийё
Гор сертиыс тёдмассьё.

Потас, оз и мыччыв лёг,
Оз и шулы нем, пыр мёдёс
Пондас вёчны. Коді тёдас,
Мый пыр олё сёрниттёг?

Босътіг удж оз нинём шу;
Вёчас, ваяс гортад, чёвтас,
Кепысь-шапка кинас кёвтас
Да и петас шы ни гу.

Пёръясьём и быдся лёк
Сийёс тай нин дзугыльмёдö;
Став грезд пёрысь пёльёс тёдö,
Дозмукла оз мёдёдз лок!

Сёём оз аддзыв некодсянь;
Пёльлы быдся сарапана,
Сим поч и горд рожа-бана,
Вайё дёра, пув и нянь.

Купеч нойтор вайлывліс,
Бур морт — керпү локтіг вўрысь,
Лёк зон оз пилит! Сідз поўрысь
Овны аддзё синтёгыс.

1866.

* * *

Быд мортлён, шуёны тунъяс,
Енвеевтын ас кодзув эм;
Мунісны войяс и лунъяс, —
Менам эз петкёдчыв мем.

Сы вёсна видзёдіг быд кодзув вылёр
Откодя долыдлун съёлёмой кылёр,
Сёмын тай найёлён югоръяс шондыны
Морёссоc некодыр менсыым оз пондыны!

Быд зонлён эм, гашкё, вёлём
Мусаыс коркё; а нэм
Бурмёдны-й бурдёдны съёлём
Абу тай сиома мем.

Сы вёсна видзёдіг быд мича вылёр
Откодя долыдлун съёлёмой кылёр,
Сёмын тай кевмысьём вылёр оз небзыны,
Вёчёдём юръяснас гонъявмысьёт, лэбзьёны...

1870.

Война 1941-1945

Александр Ульянов

Александр Васильевич Ульянов, коми прозаик, родился 9 сентября 1953 года в с. Усть-Кулом Усть-Куломского района Республики Коми.

После окончания Деревянской средней школы (в том же районе) поступил учиться на филологический факультет Коми государственного педагогического института. Закончив пединститут, пять лет работал корреспондентом республиканской газеты «Красное знамя». В 1980 году перешёл в газету «Югыд туй» (Светлый путь). Был заведующим отделом, заместителем редактора. В 1987 году закончил отделение журналистики Ленинградской высшей партийной школы.

Работал главным редактором республиканской газеты «Югыд туй» (ныне «Коми му»), заместителем главного редактора литературо-художественного журнала «Войвыв кодзув» (Северная звезда), пять лет возглавлял Коми книжное издательство, был главным редактором журнала для детей «Би кинь» (Искорка). В настоящее время — редактор в журнале «Войвыв кодзув».

Александр Ульянов — член Союза писателей России. Автор пяти книг прозы. Произведения коми прозаика публиковались в периодической печати нашей республики, в литературных альманахах, в газете «Сельская жизнь», в журналах «Наш современник» и «Север», его рассказы переведены на ряд финно-угорских языков.

Александры из Деревянска

Очерк

Жизнь каждому назначит свою цену...
Коми поговорка.

...Раннее деревенское утро. Зима. За обледеневшими окнами ещё темно, только бабушка уже всталла и копошится на кухне. В первую очередь топит железную печку-буржуйку, чтобы быстрее подогреть остывший за ночь дом. Бормоча себе под нос и шаркая по полу старыми подшитыми валенками, ставит самовар, убирает со стола, изредка звякает чашками да ложками. Ходит по кухне тихонечко, чтобы не тревожить утренний сон внучат, которые спят в соседней комнате. Но я хоть и ещё маленький, но сквозь дремоту слышу каждый шаг своей бабушки, каждый её вздох. Вот она зашла в голбец за картошкой, вот она кладёт в большую русскую печь дрова, вот она пьёт горячий чай, присев на какое-то мгновение за край стола. Если после этого захлопнется скрипучая входная дверь, звякнет пустое ведро, это говорит о том, что бабушка спустилась в хлев, ушла корову доить. С полчаса её дома не будет...

Каждое утро бабушка проделывает эту однообразную работу, и я к этому уже привык. И к раннему подъёму тоже. Скоро будет шесть часов, радио заговорит, гимн страны зазвучит... Значит и мне пора просыпаться да вставать. Сбрасываю с себя лоскутное одеяло и с ленцой расстаюсь с тёплой печкой. Бабушка всё ещё возится в хлеву, доит и кормит корову, а отец с матерью и младшими сёстрами продолжают спать в дальней комнате. В доме полная тишина. И от этой утренней тишины мне бывает как-то не по себе, сердце начинает тревожно биться, когда блики от керосиновой лампы, словно живые, прыгают-скачут по потолку. Но больше всего я боюсь тёмного подполья, хотя мне уже скоро семь лет стукнет. Из-за этого по утрам я стараюсь не глядеть в сторону голбца. Дверь туда постоянно приоткрыта, и мне кажется: пока бабушки нет дома, оттуда вот-вот выскочит маленький бородатый старичок. Может, это привидение, может, это домовой, может, просто мои детские страхи. Выйдет да как схватит меня, возьмёт под мышки и с шумом-гамом утащит маленького человека вниз к себе, в тёмное подполье. И в такие утренние часы, когда бабушка оставляет меня одного, то я тут же поворачиваюсь спиной к голбцу от пугающего меня тёмного входа. Сажусь за большой кухонный стол и смотрю в заледеневшие окна дома. Так на сердце гораздо спокойнее...

Комната, где находится подполье, у нас небольшая, всего три окна выходят во двор. По левую руку в уголочке стоят старинные иконы. Между двумя окнами длинное зеркало, а чуть правее, в самодельных синих деревянных рамочках, две фотографии висят. Молодые парни с фотографий на меня смотрят. А я на них пристально гляжу. Как будто разговариваю с двумя Александрями. Ещё до Великой Отечественной войны в селе Пезмог Корткеросского района было ремесленное училище, где они и учились. Оба Александра молодые и красивые, со светлыми лицами и добрыми глазами, как две молодые сосёнки, только фамилии у них разные. Один Гуляев, другой Ульянов. Гуляев родился в 1926 году, Ульянов — в 1923. Сматрящие с фотографий на меня Александры — единственные братья моих родителей, отца и матери. А фотографировались они перед самой войной в ремесленном училище, в форменной одежде. Во время Отечественной войны оба Александра один за другим ушли на фронт добровольцами. Больше я о них ничего не знал, потому что был слишком маленький. Вот из-за этого и постоянно прицепляюсь-пристаю то к бабушке, то к отцу и матери всякими вопросами, спрашиваю о судьбе своих дядей, двух Александров. Я ведь тоже Александр, только намного моложе моих родственников, которые сложили свои молодые головы в ту далёкую войну.

...В сенях, слышно, бабушка появилась, затем скрипнула дверь, и она вошла в дом. Протопала тихонечко к печке. Увидела меня за столом и пробубнила с укором:

— И сегодня раньше всех встал, утренний сон свой будишь, залезай на печку да поспи ещё, пока дом согреется.

— Да не спится николечко,— как взрослый отвечаю я бабушке, хотя утренняя темнота клонит мою голову к столу. Посижу тут, на фотографии Александров посмотрю, я ведь их не боюсь, хоть они и не живые...

Бабушка в это время затапливает большую русскую печку, процеживает парное молоко, разливает по банкам, выносит их в чулан. Моет и убирает ведро,

поправляет занавески на окнах, заваривает чай. Потом, закончив свои дела, садится напротив меня на длинную скамейку.

— На кого там смотришь, кого опять увидел? — прищурив глаза, спрашивает бабушка. Двух Александров что ли?

— На дядьёв смотрю, — отвечаю ей и, чтобы не отказалася, жалобно прошу: — Расскажи мне, бабушка, о них, я ведь ничего не знаю, только вон фотографии висят...

— Давненько они висят. Тебя ещё не было на белом свете. Только ведь я об одном, своём сыне, могу рассказать, о другом Александре у своей матери спрашивай...

— Расскажи, расскажи, бабушка, про своего Александра, — не сидится мне спокойно, потому что очень боюсь, что вот-вот проснутся отец с матерью, сёстры и не дадут мне спокойно выслушать бабушку Варвару.

Бабушка встаёт из-за стола, накидывает на плечи цветастый платок, не спеша наливает себе и мне в большие кружки густой и горячий чай, садится возле меня. Приглаживает седые волосы на голове, о чём-то думает-размышляет. Сижу и терпеливо жду, что же мне скажет бабушка. Чай попить я всегда успею, день впереди длинный. А эта утренняя тишина мне всего дороже, до самого рассвета я готов слушать бабушкин рассказ. Но она не спешит рассказывать, дует на горячий чай и изредка бросает свой взгляд на фотографию сына. Глубоко вздохнув, она начинает вспоминать: — Что о нём и сказать? Бог не обделил его здоровьем. Крепким рос, шустрым был, заводилой среди друзей, а они слушались его. Вместе на реку Вычегду ходили рыбу ловить, за околицей села, в парме (тайге) грибы да ягоды собирали, и всегда наш Александр впереди. А однажды такое приключилось! Потерялись наши мальчишки, три дня их, маленьких чертей, всем селом искали. Волосы у нас потом дыбом встали: задумали три друга, во главе с Александром, конечно, до Кавказских гор дойти. Где-то достали географическую карту и решили по ней напрямую с Коми земли на юг пойти. Дети, дети и есть. Ума-то ещё маловато в голове. По карте Кавказские горы им рядом показались!

— А до Кавказа так они и не дошли? Мальчишки-то? — раскрыв рот гляжу я на свою бабушку. И расспрашивая, то и дело смотрю на фотокарточку Александра. Очень смелым был он, если в таком возрасте собрался махнуть с тайжного северного села до Кавказских гор.

— Нет, конечно, солнышко моё, через три дня вышли из тайги. Еда закончилась, да комары зaeли. Как оказалось, целых десять вёрст они прополали от Деревянска. Вместо Кавказа соседнее село показалось! Тогда они ещё в школе учились, чуть старше тебя были...

Сижу, сижу я напротив бабушки, а перед глазами встаёт чаща леса, тёмная ночь да трое деревенских мальчишек, которые с котомками за плечами смело пробираются через густой ельник к намеченной цели, — Кавказским горам. Не боятся ни медведей, ни волков, ни Бабы Яги. Даже беглецов из здешних

Ульянов А.П.

северных лагерей. А я в приоткрытую дверь подполья боюсь заглянуть. В своём доме. Полный трусишка.

—Что же потом, дальше-то что было?— чешется у меня язык, потому что очень хочется больше и больше узнать о дяде Александре. Скоро ведь отец с матерью проснутся, сёстры пищать-визжать начнут. Тогда с бабушкой наш душевный разговор быстро закончится. Ей целый день придётся хлопотать по дому.

— Ничего страшного не случилось. Слава Богу, живыми из тайги вернулись. Хотя тогда всякое бывало. Крепко поругал Сашу отец, но быть, как сейчас помню, не стал. Видимо, рука не поднялась на маленького человечка. После похода на Кавказ Александр больше так сильно не шалил. Ума как будто поднабрался, быстро повзросел. Всё что-то мастерил со своими друзьями. То аэроплан собирают, то машину какую-то делают, то пароход из досок. В школе учился он хорошо. После окончания семи классов в село Пезмог поехал, поступил в здешнее ремесленное училище, на автомеханика учиться. Уж очень ему хотелось стать механиком, с детства ведь любил технику. А вскоре и Германия на нас напала, война началась. Отца Александра, моего мужа, в июле 41-го и взяли на фронт. Сынок мой тогда уже после окончания училища в Сыктывкаре работал, автомехаником в гараже, а в 42-м и Александра на войну взяли...

И надо же такому быть. На самом интересном месте наш разговор с бабушкой, подобно тоненькой ниточке, внезапно оборвался: в соседней комнате проснулись мои младшие сёстры. Раздался писк да визг. Послышались голоса родителей. Теперь бабушке не до меня. Домашние хлопоты прихватят её и будут держать в своих объятиях до глубокого вечера. Но ведь после каждого спуска следует подъём, после тёмной ночи обязательно наступает рассвет. Честно говоря, я едва дождался следующего зимнего утра. И снова и снова стал расспрашивать бабушку об её сыне. Очень хотелось дальше слушать о дяде Александре, бойком и смелом мальчишке. Как только бабушка зашла из хлева в дом, подоив корову, присела на минутку за край стола, чтобы перевести дух, я тут как тут слез с печки. Сел напротив бабушки. И, припоминая наш вчерашний разговор, с детской наивностью взглянул на неё:

— А Саша разве из Сыктывкара уходя на фронт, даже в родное село не заезжал попрощаться?

Бабушка долго молчала, словно тянула время. В который раз поправила выбившиеся из-под платка седые волосы. Провела шершавыми пальцами по морщинистому лицу, накинула зачем-то на колени пёстрый передник...

Висящие на стене круглые часы с большими гирями громко тикали, наматывая время и приближая очередной зимний день, а моя бабушка украдкой вытирала слёзы, воспоминания о погибшем сыне, видимо, сейчас очень сильно задели сердце матери. Она ещё минутку-другую посидела в полной тишине, прежде чем продолжить вчерашний рассказ.

— Александр ушёл добровольцем на фронт с города. К нам он сюда уже не заезжал. Я сама на пароходе ездила в Сыктывкар его провожать, с верховьев Вычегды, — продолжила свою исповедь бабушка, смахивая кончиками платка навернувшиеся слёзы... — Младшему сыну Васе очень хотелось повидаться с братом, проводить его на фронт. Он, как сейчас помню, долго плакал-просился

поехать со мной в Сыктывкар, словно чувствовал, что больше никогда не увидит Сашу. Но Васю тогда я с собой не взяла, сказала, мол, ты дом сторожи, а я одна съезжу. А потом сильно каялась и корила себя, зачем же тогда отказалась младшему сыну, не дала ему проститься с братом. Они ведь больше никогда не встретились, расстались на всю жизнь. Помню, испекла шаньги да большой рыбник и отвезла в город для Саши. Два дня жила у него, на третий день проводили с городской пристани уезжающих на фронт. Людей было столько! Кто плачет, кто целуется-обнимается, кто на гармошке играет. Пароход дал длинный гудок и отчалил от деревянной пристани, направился вниз по Вычегде-реке, навстречу неизвестности...

Бабушка на минутку замолкает, видимо, у неё перед глазами встаёт момент прощания с сыном, последние объятия, последний взмах рукой уплывающему пароходу, увозящему её старшего сына навсегда. Она то и дело поднимает глаза к двум до боли знакомым фотографиям Александров. Тяжело вздыхает и как будто сама себе говорит:

— Оборвал проклятый немец молодую жизнь, девятнадцать лет ведь только ему было. Одну бумагу и получали. О том, что он погиб, и та куда-то с годами затерялась...

Потом уже, значительно позже, когда я вырос и повзрослел вместе со своим отцом (младшим братом Александра, Василем), уточнили, что бабушка ездила провожать сына в город в конце мая 1942 года. А Сашу на пароходе увезли из Сыктывкара 30 мая, бабушка на следующий день уехала в родное село. Приехала и со слезами на глазах рассказывала, как она провожала старшего сына на войну. Василий же ещё долго дулся на мать за то, что она не взяла его тогда с собой. Война есть война, всякое могло случиться с Сашей...

Отец мне об этом как-то сам рассказывал. Говорил с болью в сердце, и чувствовалось, что эта боль не затихла в его сердце до сих пор. Даже плакал, мол, просился у матери взять меня с собой, но она всё равно одна уехала, а я дома остался. Никогда больше старшего брата не пришлось увидеть. Сгорел в пекле войны...

Мать отца, бабушка Варвара, которая в это время пила чай с размоченными в стакане сушками, услышав слова сына Василия, даже изменилась в лице, щёки вмиг покраснели. Видимо, этот разговор был ей неприятен, так как она тоже очень сожалела, что не дала возможности братьям проститься, тогда ещё сама не понимая всех ужасов войны, надеялась, что весь этот кошмар быстро закончится и её сыновья снова будут рядом с ней. Бабушка повернула к нам свою седую голову и с укором сказала отцу:

— Одно и то же вспоминаешь, Василий. Не надоело тебе? Я, может быть, всю жизнь каюсь, что не взяла тебя тогда. Молюсь Богу, только вот Александра-то не вернёшь, ничего уже не исправишь.

— Что правда, то правда... Саша уже не вернётся. Обидно, что тогда не удалось мне с ним увидеться, от этого у меня сердце до сих пор болит,— устало ответил отец и замолчал, видно было, что воспоминания о старшем брате сильно разбередили его душу.

Бабушка тогда в ответ ничего не сказала, не хотела, видимо, спор затевать, а спорили мать с сыном довольно часто, больше, конечно, отец брюзжал на бабушку: то одно ему не так, то другое. Зачастую по мелочам ссорились. Зная ранимый

характер бабушки, её нелёгкую судьбу, я всё время заступался за неё, жалел. У бабушки Варвары с той войны никто не вернулся, она всю жизнь прожила в семье младшего сына, помогала по хозяйству, ухаживала за скотиной, косила траву для коровы, возилась с внуками. В жизни ей, деревенской женщине, немало горя пришлось хлебнуть. В годы сталинских репрессий её мужа, Павла Алексеевича, безосновательно обвинили в связи с троцкистами, за контрреволюционную деятельность по вопросу лесозаготовок, за открытое вредительство в колхозах Усть-Куломского района. Назвали троцкистом и буржуазным националистом, потом ночью арестовали, увезли в городскую тюрьму. По рассказам бабушки, мой дед, Павел Алексеевич, был человеком грамотным, деловым. Ещё в 30-е годы четыре года учился в Ленинграде и получил высшее политическое образование. На суде он сумел доказать свою невиновность и вскоре вышел на свободу. В 1938-м году был восстановлен в рядах партии. А потом и война началась. Уже в июле 1941-го года мой дед, Павел Алексеевич Ульянов, ушёл на фронт. Ушёл и к бабушке больше не вернулся. Нет, он не погиб. Но судьба распорядилась по-иному. Воинскую часть, в которой он служил заместителем командира полка, после победы над Германией перебросили на восток страны. Началась война с Японией. Дед встретил другую женщину и остался жить в Сибири, недалеко от Иркутска... Бабушка после такого предательства прокляла своего мужа, остаток своей жизни называла его зимогором (в переводе с коми языка это бродяга, бездельник). Мол, шляется где-то, стыд совсем потерял. А ведь она так ждала мужа после войны, даже новые валенки купила. Бабушка очень не любила вспоминать про своего Павла. Но если случалось, то была сурова:

— Если приедет когда-нибудь в родное село, пусть знает: я ему голову самym острым топором снесу...

Великая Отечественная война своим чёрным крылом коснулась каждой семьи, поломала судьбы сотен тысяч людей, перевернула жизнь и моей бабушки... Она осталась в 45 лет без мужа. Как говорится, ни жена, ни вдова. В конце 1942-го года под Сталинградом погиб её старший сын Александр. Только младший Василий, мой отец, живым вернулся. Богу, видимо, так надо было, чтобы наш род продолжить...

Однажды мой отец, я тогда уже в школе учился, разговорился и целый вечер рассказывал нам, как уходил на войну, как плакала мать, провожая его на фронт... Александр к тому времени уже погиб. Был отец механиком-водителем знаменитого танка Т-34, с боями дошёл до Германии, в Западной Украине воевал с так называемыми лесными братьями. В конце нашего разговора опять

Ульянов В.П.

вспомнил о погибшем брате, и тут как будто ему в голову стукнуло, замолчал ненадолго, затем поднялся на печку, а оттуда на полати перелез, долго копошился и достал в дальнем и тёмном углу толстенную кипу бумаг, завёрнутых в синий платок. Развернул на столе платок, вытащил оттуда перевязанную тоненькой бечёвкой пачку старых писем. Долго рылся, искал что-то, видимо, нужное — и найдя его, улыбнувшись мне, гордо сказал:

— Бабушка часто повторяет, что, мол, Саша, старший брат, ничего не писал с фронта. Старость не радость, забывчивая стала... Мы в войну несколько писем получали от Саши. Их я давненько храню в своём тайнике, бабушка всё равно читать не умеет...

Отец неспешно вытащил пожелтевшее от времени письмо, нацепил на нос очки и начал читать мне: «От Сыктывкара по Вычегде добрались до Котласа. Сейчас мы уже на месте. Попал в десантные войска. Учимся бить врага: стреляем, прыгаем с парашютом. Не скучайте! Скоро вернусь домой. С победой! Александр. Город Вязьма, полевая почта...».

Достал второе письмо. По словам отца, Саша его выслал уже с фронта. Вот что он писал: «Стоим возле Сталинграда, недалеко от Волги. У меня всё хорошо. Дерёмся с проклятыми фашистами. Хотя наступила зима, здесь очень жарко. Идут сильные бои. Вася, слушайся маму и хорошо учись. Ответ напишите тогда, когда я вышлю вам свой новый адрес».

Третье письмо очень коротенькое. Отправлено в ноябре 1942 года: «Привет с фронта! Я живой. Под Сталинградом бьём проклятого врага днём и ночью. Дерёмся, как львы. Александр...».

Сегодня каждый из нас знает: кровопролитная, страшная битва за Сталинград продолжалась не один месяц. Гитлер стремился захватить в 1942 году южные районы страны, богатые нефтью. Взять города Грозный и Баку, господствовать на реке Волге, которая как бы связывала восточные и западные части Советского Союза. А больше всего он хотел подчинить себе Сталинград, чтобы стереть с лица земли этот ненавистный ему город, имя которого было связано со Сталиным...

Уже в ноябре 1942 года после тяжёлых и изнурительных боёв гитлеровские войска вышли к Волге, и большая часть города попала в руки врага. Но защитники Сталинграда держались за каждый клочок земли. Больше того, 19 ноября 1942 года, когда подошло серёзное подкрепление, начали гнать фашистов с берегов Волги. Так началась операция «Уран», которая завершилась полным разгромом 6-й армии Ф. Паулюса. Этому даже не верил сам Адольф Гитлер. Ведь в окружение под Сталинградом попали 22 немецкие дивизии... После наступательных боёв советские войска взяли в плен более 90 тысяч вражеских солдат, в том числе и командующего армией фельдмаршала Ф. Паулюса. Это высшее воинское звание Фридрих Паулюс получил буквально накануне своего поражения под Сталинградом. Гитлер намеревался этим высоким званием поднять боевой дух своего генерала. Но ничего из этого не вышло. Зимой 1942 года наши солдаты, прилагая невероятные усилия и высокий героизм, сумели таки сорвать планы немцев, хотя и наши войска под Сталинградом понесли огромные потери. Около миллиона солдат сложили свои головы, защищая город на Волге. Среди них был и мой дядя, девятнадцатилетний Александр Ульянов.

...Четвёртое письмо отец не стал читать, задумчиво протянул мне:

— Возьми, сынок, и сам прочитай, здесь по-русски написано. Не громко читай, про себя. Бабушка Варвара получила его во время войны. А то у меня что-то глаза устали...

И вправду, видимо, устали, начал потирать их, словно соринка попала. А я держу перед собой протянутое письмо и медленно-медленно читаю: «Ваш сын, Ульянов Александр Павлович, при исполнении боевой задачи был тяжело ранен, умер от ран в полевом госпитале и похоронен с отдачей воинских почестей близ хутора Перелазовское Клетского района Сталинградской области 20 декабря 1942 года». Прочитал это извещение и как будто язык проглотил. Дыхание перевести не могу. То на фотографию Александра смотрю, то на это страшное извещение, даже мурashki по спине побежали. И в этот момент мне так жаль стало своего дядю, хоть стой и плачь. Вот ведь как в жизни получилось, совсем молодым, девятнадцатилетним парнем остался на всю жизнь, и теперь лежит далеко-далеко от родного села, возле Волги. И никогда уже не приедет в свой Деревянск. Только вот эта фотокарточка осталась, воспоминания матери и брата, да несколько коротеньких писем с фронта... Вот и всё. Мы же каждое утро встаём, радуемся новому дню, сегодняшней жизни. А он уже никогда не встанет, вечно молодой Александр...

Бабушка Варвара мне как-то призналась:

— Про второго Сашу я мало что знаю, слышала, он был единственным братом твоей матери. По фамилии Гуляевы. Жили они в маленькой деревушке Ягвы, а мы в другом конце села, деревушке Кывтыд. А дальше у своей матери спрашивай, вместе ведь они росли с братом-то.

Слова бабушки и подтолкнули меня на разговор с матерью. Про одного Александра мне кое-что рассказали, а про другого ничего не знаю. Кроме того, что он погиб на войне и ему тоже было девятнадцать лет. И он жил до отправки на фронт вот в этом же доме, куда мы переехали из Усть-Кулома в пятидесятые годы. А строил большой и крепкий дом мой дед, отец матери, Дмитрий Васильевич Гуляев. Он участник Первой мировой войны, побывал в плену у немцев, но благодаря удаче и своей смелости, сумел вернуться в родные края живым и здоровым. В Деревянск приехал с Георгиевским крестом и медалью на груди. Этот серебряный крест долгие годы лежал у нас на почетном месте в избе, напоминая всем нам бородатого деда, которого мы, внуки, никогда живым не видели, но который оставил добрый след на земле. У деда Дмитрия и бабушки Анастасии было двое детей: сын Александр и моя мать Валентина. Дед Дмитрий умер накануне Великой Отечественной войны. Уже в солидном возрасте. Затеял на старости лет новый дом строить, да не успел. Сердце прихватило. Наш отец этот дом уже сам достраивал. И очень гордился тем, что сумел дело нашего деда Дмитрия, своего тестя, до конца довести. Вот мы в этом самом доме и жили потом всей гурьбой. А награда деда Дмитрия, серебряный Георгиевский крест, нам осталась. Вроде семейной реликвии. Круглую же медаль моя бабушка Анастасия мужу после смерти в гроб положила. Перекрестилась и сказала: мол, сам заслужил награду, сам и бери её с собой. С такой красивой медалью, может быть, и в рай попадёшь. Там, наверху, на небесах...

Прошло какое-то время и, увидев, что мать дома одна, стал и её донимать-расспрашивать о старшем брате Александре. И показал висящие на стене

Гуляев А.Д.

фотографии. Мама медленно присела на деревянную скамейку рядом со мной, обняла меня за плечики. Затихла на минутку. Два Александра смотрели на нас, а мы на них... Мне показалось, как будто на мгновение жизнь замерла в нашем доме. Даже громкое тиканье круглых часов затихло, ушло — уплыло куда-то. Мать, видимо, мысленно вернулась в те далёкие годы, в своё детство, когда они со своим братом учились в сельской школе, а летом помогали отцу с матерью косить траву, купались в тёплой Вычегде, собирали за околицей села грибы и ягоды. Так и получилось: я сердцем чувствовал, о чём сейчас думает сидящая рядом моя мать...

— Брат Александр был на три года старше меня. Род добрым и послушным парнем, — подбирая нужные слова, с теплотой в голосе начала говорить мать. — В школе хорошо учился, за это его часто хвалили

учителя. Мол, голова у Саши хорошо работает, любой предмет даётся ему легко. Особенно он любил уроки физики, может, поэтому и уехал в село Пезмог, в здешнее ремесленное училище, на связиста обучаться. Семь классов как раз закончил, перед самой войной...

— У отца ведь старший брат тоже в Пезмоге учился, — добавил я, как будто мать об этом не знала.

— Да, да, в Пезмоге, но только на автомеханика, друг друга они, конечно, не видели. Брат отца был на три года старше нашего Александра, после окончания училища в Сыктывкар уехал, там работал до ухода на фронт, — причесала гребешком свои длинные волосы мать. И продолжила: — А нашего Александра после учёбы направили в наш район, в верховья Вычегды, там он и работал связистом до призыва на фронт. Домой, правда, перед отправкой на одну ночь заезжал, мне тогда было четырнадцать лет, война уже тогда вовсю шла. Утром из Деревянска в Усть-Кулом пешком пошёл, мол, там, в райцентре, призывников собирают, а из райцентра уже на пароходе в город поплынут. Крепко обнял нас с матерью и прошагал за околицу, а мы у калитки остались, слёзы вытираем... Вот так и расстались мы тогда с нашим Александром.

— А больше он не приезжал в Деревянск? После ухода на фронт? — нетерпеливо спрашивала у матери, спрашивала, потому что моя наивная детская душа очень хочет, чтобы её любимый и единственный брат хоть на минутку приехал с фронта в родное село, увидел мать и сестру. Были же тогда такие случаи.

— Никогда он больше к нам не приезжал. Ушёл, и в доме стало как будто темно, сердце уже тогда мне почему-то подсказывало, что Александра мы больше не увидим. Письма он, конечно, писал, но мы их очень редко получали. Больше года воевал, а вскоре из сельсовета печальную весть получили, фронтовой

треугольник, а там — известие о гибели брата. В самом конце войны погиб он, в далёкой-далёкой Австрии... 26 апреля 1945 года.

— В Австрии, значит, похоронен мой дядя,— как сейчас помню, удивлённо сказал тогда я матери, которая сидела рядом со мной и тихонечко смахивала навернувшиеся слёзы. А я в эту минуту, шестилетний мальчишка, глядя на большие фотографии двух Александров, вдруг впервые задумался: а смог ли бы я, будь на их месте, поступить так же, как они в те суровые годы поступили? Тогда на этот серьёзный вопрос я не нашёл ответа. Не нашёл, видимо, потому, что был слишком мал, даже не представлял, где же находится Сталинград и тем более далёкая Австрия...

Давным-давно пролетело моё босоногое детство. Теперь я уже и сам отец. Нет в живых бабушки Варвары, на сельском погосте, в сосновом бору покоятся мои родители, рядом с ними лежат дед Дмитрий и бабушка Анастасия. Много лет назад умер в далёкой Сибири мой дед — зимогор Павел. Он, видимо, всё же побаивался первой жены Варвары, и в родных местах после войны не появлялся, так что бабушка Варвара зря столько лет держала в чулане свой острый топор... И сейчас, когда бываю в верховьях Вычегды, захожу в постаревший, но близкий сердцу родной дом, перед глазами тут же встаёт беззаботное детство, рассказы бабушки, отца с матерью о двух Александрах, их воспоминания о той далёкой войне. А братья моих родителей всё так же смотрят на меня со стены, с больших фотографий. Намного моложе и красивее меня. Смотрят и как будто хотят сказать:

— Мы ведь не виноваты, что навсегда остались девятнадцатилетними, сложили головы в далёких краях, не виноваты, что не можем сесть за общий стол с вами. На родной стороне, в своём селе, с родными и близкими. Сесть и отметить День Победы.

И в ответ я опять не нахожу слов, хотя сказать хочется о многом...

Судьбы двух коми пареньков, моих родственников, навсегда оставшихся молодыми, до сих пор бередят моё сердце. Про брата отца вроде бы всё ясно, знаем, что умер от ран в госпитале, знаем, где и когда похоронен. А вот про брата матери мало что известно. Знаем, что погиб в конце войны в Австрии. Но хотелось знать, где он похоронен, сохранилась ли могила, установлен ли там хоть какой-то памятник. Вопросов было больше, чем ответов, и я взялся за поиски. Меня интересовала любая информация о Гуляеве Александре. И вот что удалось выяснить для начала. Мамин брат воевал почти полтора года в 348-м гвардейском стрелковом полку, был связистом в звании ефрейтора. Этот полк тогда входил в состав 107-й стрелковой дивизии 3-го Украинского фронта. В Республиканской книге Памяти, в 3-ем томе, об этом сказано очень кратко. Там написано, что ефрейтор Гуляев А.Д. действительно погиб 26 апреля 1945 года в Австрии, и больше ни слова. На этом мои поиски могли бы и безрезультатно завершиться. Но случай помог. Разговорились мы как-то с сыном Сергеем о прошлой войне, о судьбе двух Александров. Он-то и предложил мне продолжить поиски через Интернет, зайдя на сайт Министерства обороны Российской Федерации. Возможно, там удастся найти какие-нибудь сведения о Гуляеве А.Д. из 348-го стрелкового полка. Ведь после войны прошло 65 лет, и с многих военных документов существовавший гриф «секретно» уже сняли. И ещё Сергей предложил обратиться

в австрийское общество «Чёрный крест», который на протяжении многих лет занимается поисковыми работами, выясняет и уточняет имена погибших солдат различных национальностей на территории своей страны.

Наши старания оказались не напрасными. Шаг за шагом, общими усилиями, мы продвигались вперёд. И вот наконец-то настоящая удача улыбалась нам. Сергей позвонил и сообщил, что через Интернет ему удалось найти рассекреченные документы 348-го полка, он их уже распечатал, а вечером передаст мне. И вправду, сын вечером занёс пачку документов. Мы тут же сели за стол и начали их рассматривать и изучать. Скажу прямо: я своим глазам не верил, что подобное возможно в нашей стране, но страна-то уже другая, и многое стало у нас возможным. Может быть, надо было раньше рассекречивать подобные документы, не все, конечно, а те, в которых указаны фамилии и имена погибших солдат, места их захоронений и т.д. Тогда бы тысячи и тысячи людей точно знали, где лежат их отцы, мужья, братья, сёстры... Вот один из тех документов, с которого недавно сняли гриф секретности. Именно там содержится информация об Александре Гуляеве. Полное название звучит так: «Именной список № 59 безвозвратных потерь личного состава 348-го гвардейского стрелкового полка 107 Первомайской стрелковой гвардейской дивизии за период с 20 апреля по 29 апреля 1945 года». Под номером 246 написано: «Гуляев Александр Дмитриевич, гвардии ефрейтор, связист. Член ВЛКСМ, 1926 года рождения, Коми АССР, Усть-Куломский район, село Деревянск, призван Усть-Куломским РВК, убит 26.04.45, похоронен на высоте 782 в двух км. от населённого пункта юго-вост. Хайнфельд, отец Гуляев Дмитрий Васильевич». И что ещё меня удивило. В списке погибших под номером 247 значится наш земляк Елькин Павел Разумникович. Тоже связист, комсомолец, 1926 года рождения, уроженец села Шошка Сыктывдинского района. До войны работал в колхозе имени Будённого, тут же отмечено: мать Елькина Людмила Григорьевна. Парень из Шошки, как и Александр Гуляев — надо же такому случиться — погиб тоже 26 апреля 1945 года. Если у Павла Елькина найдутся родственники, пусть они знают, — коми паренёк сложил голову в самом конце войны. И теперь лежит в австрийской земле, у подножья красивых Альп...

С большим волнением рассматриваем вторую официальную бумагу, именно там указаны места захоронения погибших советских солдат в конце апреля 1945 года. В заголовке выведено: «Схема расположения могил военнослужащих 348 ГСП в районе высоты 782». В левом углу схемы начертена карта высоты 782. В глаза бросается тоненькая линия. От руки написано: «река Визенбах». Рядом расположена высота 782. Возле реки Визенбах идут отметки: 1, 2, 3..., а по правую руку от схемы написаны имена погибших, которые лежат в этих трёх могилах. Указано: солдаты похоронены друг за другом, с юга на север. В первой могиле лежат девять человек, первым идёт Гуляев А.Д., после него Елькин П.Р. из села Шошка, потом Овчаренко, Гераськин, Кузьменко, Воротнюк... Во второй могиле похоронены 14, в третьей 8 солдат. Всего 31 человек. В большинстве своём молодые парни, которые родились в 1925–1926 годы. Смотрю на схему, и на какой-то миг у меня перед глазами встаёт тот последний бой, который приняли эти юные парни на склонах Альпийских гор. Ведь им всем хотелось остаться живыми и с победой вернуться домой, к своим родным и близким... Но не всем выпало такое большое счастье, хотя война уже практически закончилась... От

этого ноет и болит моя душа, и который раз спрашиваю и спрашиваю молодого Александра Гуляева: «Почему тогда не смог сберечь себя? Что за вражеская пуля настигла тебя? Как случилось, что земляки из Коми погибли в один и тот же день? И что за кровопролитный бой на альпийских лугах шёл в конце войны?» Вопросы встают один за другим, но в ответ — тишина. Никто не может мне дать ответа. Только одни догадки приходят в голову, рассматривая эти официальные бумаги, которые лежат передо мной. Сейчас, думается, никто уже точно не скажет, что за бои шли в предгорьях Альп, возле маленькой речушки Визенбах, в том далёком апреле, 65 лет назад.

На третьей бумаге мы видим карту Австрии, если сказать точнее, показан маршрут продвижения 348 стрелкового полка 107 гвардейской дивизии, которая

тогда входила в состав 3-го Украинского фронта, командовал фронтом маршал Советского Союза Ф.И. Толбухин. Чтобы лучше понять тогдашнюю ситуацию в австрийских Альпах, вернёмся к последним дням войны. Весной 1945 года советские войска быстро продвигались к границам Германии, освободили Польшу, Румынию, Венгрию... Немцы отчаянно сопротивлялись, но наших солдат уже было не остановить. Они растекались по всей Европе и брали города один за другим, с каждым часом приближаясь к столице фашистской Германии Берлину. Было ясно, тяжёлой и кровопролитной войне приходит конец.

Весной 1945 года, после сильных боёв за Венгрию и озеро Балатон войска 3-его Украинского фронта подошли к границам Австрии. Основной удар был направлен на освобождение столицы страны — Вены. Третьему Украинскому фронту значительную помощь оказывали соседи, дивизии 2-го Украинского фронта. Если верить учёным-историкам и военным, Венская наступательная операция советских войск продолжалась около месяца, с 16 марта по 15 апреля 1945 года. 13 апреля наши войска освободили Вену и пошли в глубь страны, стремясь выйти к южным границам Германии. 15 апреля части 107 дивизии вошли в Санкт-Пельтен, самый старинный и красивый город Австрии. От Вены до этого

города рукой подать, всего 60 километров. Санкт-Пельтен раскинулся на берегу реки Трайзен. Места здесь красивые. С одной стороны протекает полноводный Дунай, с другой предгорья Альп, зелёные и пышные луга. После освобождения Санкт-Пельтена ожесточённые бои в этих местах, на склонах Альп, видимо, долго ещё не затихали. Особенно южнее, в районе населённых пунктов Лилиенфельд и Хайнфельд. Именно между ними протекает речка Визенбах, на берегу которой и были похоронены солдаты 348 полка. Весной 1945 года немецкая группировка армий «Юг» расположилась в районе Санкт-Пельтена и южнее, в предгорьях Альп. Гитлеровцы не хотели допустить советские войска к южным границам Германии, поэтому сопротивлялись отчаянно, не жалея людей и патронов. Если правду сказать, бои за освобождение Австрии продолжались и в апреле, и в начале мая 1945 года. Из официальных документов видно, что многие солдаты 348-го полка погибли в самом конце апреля, но это потери только одной воинской части, их были сотни. Австрия вроде бы маленькая страна, а при её освобождении погибло 27 тысяч советских солдат, только при взятии Вены мы потеряли 18 тысяч человек. Но с потерями тогда не считались, говорили, мол, война есть война. Это грязная и тяжёлая работа. Поэтому многие наши грехи можно было свалить на войну, она, мол, всё спишет и проглотит... Так уж случилось, но именно 26 апреля 1945 года, когда солдаты 107 дивизии 348 стрелкового полка проливали свою кровь и погибали в предгорьях Альп, командующий 3-им Украинским фронтом маршал Ф.И. Толбухин получил приятную весть — решение руководства страны о награждении его орденом Победы. За освобождение Австрии... В конце войны многие, видимо, спешили, в том числе высокие чины, генералы и маршалы. Спешили идти быстрее вперёд, на запад, спешили скорее закончить эту проклятую войну и живыми вернуться домой. Но ведь не каждый боец генерал да маршал. Самую грязную и чёрную работу на войне, выполняя приказ, делали рядовые солдаты, но именно они-то меньше всего и жили на войне. Их судьбы наиболее трагичны. Так получилось, вероятно, и со многими солдатами 348 полка в конце апреля 1945 года. В их число попали по воле судьбы мои земляки, друзья-однополчане Александр Гуляев и Павел Елькин.

...Кто-то точно и хорошо сказал: чем дальше отдаляется от нас Великая Отечественная война, тем больше вопросов она порождает. В наших сердцах, в наших умах, в наших душах... И эти вопросы, в первую очередь, связаны с теми солдатами, которые погибли на полях сражений, умерли во время войны от ран, пропали без вести, чьи могилы сейчас разбросаны по всей матушке-России и Европе. Когда мы больше узнали об Александре Гуляеве, определили примерное место гибели и захоронения дяди, у меня возникло естественное желание идти дальше, продолжить поиски. Но как это сделать? Обратились в австрийское общество «Чёрный крест», выслали здешним поисковикам те документы, которые имели по 348 стрелковому полку. Просили уточнить, сохранились ли воинские захоронения, которые указаны на схемах, полученные через сайт Министерства Обороны РФ, или же они перенесены в другое место? Через некоторое время пришёл ответ из Австрии. Вот он: «Многоуважаемый господин Ульянов! Мы получили Ваше сообщение, за которое большое спасибо. В данный момент австрийскому Чёрному кресту место захоронения Вашего родственника неизвестно. Могила находится в тяжело доступном месте, в лесу. Австрийский Чёрный крест

постарается уточнить место захоронения и в последствии, по возможности, перезахоронить останки Гуляева Александра Дмитриевича на одном из советских кладбищ. С уважением, инж. Отто Яус».

Как видно из присланного ответа, в австрийском обществе «Чёрный крест» о захоронениях советских солдат в районе речки Визенбах никакой информации не имели. Уже хорошо, что не отмахнулись от нашей просьбы, обещали помочь в поисках останков моего дяди, и может быть, когда-то что-то и найдут. Если обнаружат... Ведь после войны прошло столько лет, целых 65. Время неумолимо идёт вперёд, изменяя места прошлых боёв, леса и поля, искромсаные металлом. Об этом я как-то сразу и не подумал, а всё старался представить себе последний бой дяди Александра, слышал на красивых альпийских лугах свист пуль, грохот пушек и пулемётов. Как будто я сам вместе с дядей в предгорьях Альп воюю, как будто всё вчера было... Но жизнь быстротечна, как горная речка. Ошибался я, ошибался. На многие-многие годы... Об этом я понял чуть позже, когда продолжил свои поиски, когда получил сообщение из австрийского «Чёрного креста». Этот ответ не успокоил моё сердце, заставил идти дальше. Ведь я так и не нашёл ответа на свой самый главный вопрос, где же лежит мой дядя, Александр Гуляев? Где его могила, куда мог бы я привезти горст родной земли, поклониться праху солдата и поблагодарить его за нашу победу. Чтобы получить ответ, надо было найти знакомых людей в Австрии, а ещё лучше в Вене. Сказать-то легко... Дела не быстро делаются. Мои поиски на время приостановились. Но тут как будто Бог нас услышал. Я случайно узнал, что в Сыктывкаре вышла книга рассказов «Цветок одиночества». Автор издания Светлана Ширшова. Мне сказали, что сейчас она переехала в Австрию, работает в Вене, а до этого жила в Сыктывкаре, окончила школу № 12, затем училась в здешнем университете. Не так давно приезжала на презентацию своей новой книги, встречалась с родственниками, друзьями. Узнав о Светлане Ширшовой, я решил найти её подругу, Галину Лавриненко, которая проживает в Сыктывкаре. И обратился к ней, вкратце рассказав свою историю о дяде Александре, погибшем в Австрии.

Как оказалось, мир не без добрых людей. Галина, спасибо ей за это, сразу же откликнулась на мою просьбу и связалась со Светланой, попросила помочь. В это время я про себя думал: чем чёрт не шутит, а может быть, Светлана сама попробует побывать в тех местах, возле речки Визенбах, и попытается найти какие-то следы воинских захоронений. Ей это проще сделать, от Вены до Лилиенфельда всего 60 километров. Дороги там добротные, природа красавая, рядом предгорья Альп... Человек всегда чему-то верит. Верил и я. И очень надеялся, что землячка из Коми обязательно поможет. Так оно и вышло. Прошло всего несколько дней. Галина Лавриненко позвонила мне и сказала, что Светлана попросила отправить на её электронный адрес все имеющиеся у меня документы, что я и сделал...

Шло время. Светлана молчала, и мы не беспокоили её и Галину своими вопросами. Хорошо понимали, что такие дела за час-другой не решаются. Ведь прошло больше полувека. Может быть, все уже позабыли о кровопролитных боях возле Альпийских гор? Всякие мысли лезли мне в голову, пока я ждал ответа из Вены. Хотелось до конца довести поисковую работу, сделать какие-то выводы, а главное, найти могилу Александра Гуляева. И, наконец-то, пришло

долгожданное письмо от Светланы, прочтя которое, я понял, что время многое меняет на нашей земле, в том числе и в людской памяти. Приведу отрывки из письма: «Уважаемая Галина! Уважаемый Александр! Хочу сообщить следующее. В выходные я ездила с сыном в те места, где предположительно находятся воинские захоронения. Сначала мы поговорили с местными жителями, которые ещё могли помнить то время. Нам сказали, что на том участке было очень много захоронений, как с русской, так и с немецкой стороны. Многие останки выкопали и перенесли на кладбище городка Лилиенфельд (в паре километров оттуда). Мы всё-таки пошли на поиски каких-либо знаков захоронений. Но найти что-либо не представляется возможным. По берегу ручья (подразумевается речка Бизинбах) идёт узкая полоса травы, после чего начинается лес, поднимающийся по склону горы. За эти годы поменялось всё: рельеф местности, линия окраины леса, даже сам лес,

выросли новые деревья, многие бывшие поляны теперь тоже находятся в лесу. Так как всё это ещё и на склоне горы, доступ туда очень тяжёлый, с гор сползают камни, вокруг поваленные деревья... Скорее всего, мы находились на том самом месте, где были захоронения, или в диаметре десятков метров от них. Мы добросовестно облазили тот кусок леса-горы, где, предположительно, были похоронены ребята, но ничего не смогли найти. Не исключено, что их вывезли и похоронили в другом месте...

После этого мы поехали в Лилиенфельд, нашли кладбище, сзади которого за оградой находится захоронение русских солдат. Именного списка нет, только написано, что там покоятся 247 человек. Мы поставили свечки и сделали фотографии. После приезда в Вену я написала запрос на общину городка Лилиенфельд и попросила поподробнее рассказать об этом русском кладбище, кто и когда там захоронен, из каких мест привезены останки. Одним словом, попробуем добиться ещё какой-либо информации. А места там красивейшие, природа очень пышная, сложно даже представить, что здесь когда-то погибли наши солдаты...»

Как видно из письма Светланы, никаких воинских захоронений на месте гибели солдат 348 полка в районе высоты 782 она не нашла. Не нашла моя

Общая фотография той самой высоты.

А это монастырь в Лилиенфельде, за которым находится кладбище и памятник русским солдатам.

Памятник русским солдатам за монастырём в Лилиенфельде.

сские солдаты-освободители. Почему же тогда их могилы до сих пор не найдены или остались забытыми-позаброшенными?

После поездки в Лилиенфельд и поисков Светлана Ширшова опубликовала в русскоязычной газете «Давай», выходящей в Вене, большую статью. В ней она делится своими размышлениями о судьбах погибших и забытых наших солдат, которые сложили головы за свободу Австрии. Многие могилы в предгорьях Альп или не найдены, или позабыты. Нет на них ни надписей, кто именно там захоронен, ни памятных знаков. Светлана с болью и горечью в душе рассказывает в статье, как она побывала на кладбище городка Лилиенфельд. Она пишет, что на самом видном месте, перед кладбищем, возвышается величественный мемориал из чёрного гранита. На гранитных плитах золотыми буквами высечены имена погибших в последней войне австрийцев и немцев. Каждый из нас знает, за кого они воевали... А более чем скромный памятник советским солдатам затерялся, в стороне поставлен за церковной оградой, подальше от людских глаз, и ни одной фамилии на нём. От этого, конечно, горько и обидно, обидно за тех, кто отдал свою жизнь за освобождение этой красивой страны, а теперь лежат в безымянных могилах.

...Я всё же верю, что души двух Александров из Деревянска где-то над нами летают. Ни под Сталинградом, ни в Австрии их нет. Здесь они, возле родной земли. И если когда-нибудь прилетят да спустятся ко мне, спустятся и спросят: смог бы я так же, как они поступить? Сейчас бы ответил, что смог. Я ведь тоже из их рода-племени, и имя моё Александр. Так назвали меня мать с отцом, в честь своих братьев. Только бы войны не было. Бога прошу...

Послесловие

Из нашего села Деревянск с Верхней Вычегды на Великую Отечественную войну ушли 400 человек. Более половины из них сложили головы в кровопролитных боях за Отечество, за освобождение стран Европы от фашистской

землячки и те три могилы, где похоронены советские солдаты, погибшие в конце апреля 1945 года, в том числе и мой дядя и Павел Елькин из Шошки. Время сильно изменило местность, ищи теперь, где и кто похоронен... Понятно, что время многое меняет в нашей жизни, не говоря уже о здешней местности. Она сейчас действительно не такая, какая была в 1945 году. Но ведь после ожесточённых боёв местные жители наверняка знали, кто сложил головы на этих альпийских лугах, кто проливал здесь кровь за освобождение страны. Погибли в основном рус-

чумы. Среди них и единственные братья моих родителей— два Александра. Один Ульянов, другой Гуляев. Им было всего по девятнадцать лет.

...Широкая улица идёт в гору и ведёт к центру села. Справа, рядом с сельским Советом, на невысоком холме стоит обелиск боевой славы. Он был воздвигнут усилиями моих односельчан в 70-е годы прошлого столетия. В их числе были и участники Великой Отечественной войны: учитель нашей школы Н.А. Ракин, пенсионер-активист Г.И. Чувьюров, строитель Д.К. Моторин, шофер Н.А. Ракин, архитектор А.Д. Ракин и многие другие. Не год и не два пришлось потратить им, чтобы увековечить память погибших солдат. Уточнять имена не вернувшихся односельчан, делать эскизы памятника, искать стройматериалы, везти мраморные плиты из самой Москвы. Деньги на возведение обелиска собирали всем селом... И собрали, и возвели памятник павшим героям-односельчанам на крутом берегу Вычегды. И каждый День Победы, 9 мая, отмечают этот праздник со слезами на глазах...

Всем селом.

Поднимаюсь по ступенькам обелиска, останавливаюсь у надписи: «Вечная слава павшим в боях за нашу Родину». Слева и справа на мраморных плитках золотом высечены имена тех, кто не вернулся с поля брани. Мурашки пробегают по телу, и горький ком подкатывает к горлу: столько односельчан сложили свои головы в годы Великой Отечественной войны! И лежат они вдали от родного села. Кто в болотах Смоленщины, кто

Памятник односельчанам, погибшим в Великую Отечественную войну.

в густых лесах Белоруссии, кто в предгорьях Кавказа. От Подмосковья и до самого Берлина. Кто-то без вести пропал, кто-то умер от тяжёлых ран, кто-то в самом начале войны погиб, кто-то в апреле 1945 года... Гуляевы, Есевы, Кирушевы, Мозымовы, Поповы, Ракины, Степановы, Тюрнины, Удоратины, Ульяновы, Чувьюровы... Фамилии, имена, отчества... совсем молодых и сорокалетних, даже пожилых деревенских мужиков. Есть среди них и Александры. Как и братья моих родителей, все они лежат на чужбине и в родное село уже никогда не вернутся. Не вернутся и деревянские Алексеи, Иваны, Михаилы, Пётры, Андреи... Все те, кто ковал Великую Победу на фронтах Отечественной войны и за 9 мая 1945 года заплатил столь высокую цену— положил на алтарь победы свою жизнь. Земной поклон за это моим односельчанам. И погибшим, и выжившим в той страшной войне. Пусть огонь памяти о них никогда не погаснет, а горит ярко-ярко. В наших душах, в людских сердцах. Тогда у нас всё будет хорошо...

2010 год.

Николай Мальцев

Николай Васильевич Мальцев родился 29 февраля 1932 г. в селе Вотча Сысольского района Кomi АССР. В 1951 году окончил Сыктывкарское педагогическое училище, в 1953 г. — школу подготовки офицеров запаса в г. Ленинграде. В 1954–57 годах работал учителем начальных классов в Вотче. В 1957–59 годах учился в Княжпогостском техучилище. В 1959–95 годах работал учителем музыки, изобразительного искусства, черчения, производственного обучения. Подготовил около 80 трактористов для сельского хозяйства. В 1980 году окончил заочно Сыктывкарский педагогический институт (филологический факультет) и до выхода на пенсию (1995 г.) работал завучем Усть-Немской средней школы.

Автор публиковал свои рассказы и повести в альманахе «Сыктывкар», в журнале «Войвыв кодзув». Рассказы на коми языке вышли отдельной книгой «Енкай» (2012 г.).

От Буга через Сысолу до Одера

Повесть

Польша и на Севере
оставалась в сердцах
сынов своих.

1. Прощай, Родина!

Семья Закшевских жила восточнее реки Буг в Польше. Имение их было хорошо обухожено. Жили справно: трудились в небольшом хозяйстве с утра до вечера, от него была вполне определённая отдача. Ходили и в костёл, и в гости к родне и к соседям в праздничные дни. Помогали другим, получали подмогу от других, конечно, если затевали большие дела.

Спокойной жизни пришёл конец летом 1939 года. Река Буг стала новой границей СССР, и Закшевские оказались на советской стороне. На «той» стороне остались многочисленная родня, друзья, но это не принималось в расчёт новой властью. Сразу начались «чистки»: представители НКВД быстро убрали более или менее богатых поляков, получивших клички «панов помещиков», а также тех, кто не желал принимать Советскую власть.

Закшевские вели себя спокойно, понимая бесперспективность сопротивления мощной военно-милицейской машине СССР. «А раз спокойно, значит, согласно», — казалось, должны были рассуждать энкеведешники. Но обольщаться не стоило:

в начале мая 1941 года арестовали отца семейства. Его жену, трёх дочерей и сына Вацлава решили пока оставить на свободе.

Причиной ареста отца, без сомнения, было его участие в боевых действиях против Красной армии во время гражданской войны. Скрыть этот факт было невозможно: сильная его хромота явно говорила о ранении. Были, очевидно, и осведомители. Это стало известно из допроса, который вёл энкеведешник Чижев. Он, видимо, немалый начальник, не скрывал, что ждёт Закшевских:

— Зажрались, сукины дети! Во всём мире пролетариат тянется к свету, равенству, братству, а вам всё нипочём,— и советовал собрать «манатки» и приготовиться поостудить свой пыл «в более прохладных местах, где летают белые мухи».

Закшевские понимали, что отцу предстоит ссылка на север России. Восемнадцатилетний Вацлав мог остаться дома, но решил добровольно тоже поехать туда, куда повезут отца: не оставлять же его, уже слабого здоровьем, без помощи и ухода в пути или в тех местах «не столь отдалённых», как мрачно шутят власть имущие.

Вся семья Закшевских была в недоумении: ведь отец участвовал в боях по призыву, никого не убивал, не пропагандировал. Полностью был поглощён крестьянским трудом. Теперь не только он стал «врагом народа», но и вся семья Закшевских могла быть причислена, приравнена к врагам Советской власти.

Расставание мужчин с семьёй было похоже последнему прощанию: люди быстро узнавали о цепких лапах НКВД и не надеялись на счастливый исход. Но в то же время верили, что мужественный поступок сына, его положение неарестованного помогут преодолевать надвигающиеся беды.

2. В места «не столь отдалённые»

Поезд с его ужасным шипением, свистом и лязгом, с тяжёлым шлейфом чёрного дыма грохотал от середины Европы на её северный край. Вагоны-теплушкы не оправдывали своих названий: это были сараи на колёсах,годны разве лишь для перевозки скота на убойный пункт. И, как ирония, полы «теплушк» были устланы соломой.

Мытарства продолжались и на баржах, которые тянули пароход, пыхтя дымом из огромной трубы и нудно шлёпая плициами колёс, от Котласа вверх по Вычегде. Собранные из западных областей Украины, Белоруссии, из Польши и Прибалтики несчастные люди не понимали, зачем они нужны здесь, в лесном глухом kraю. Казалось, в редких деревнях, что виднеются на невысоких берегах реки, люди живут своей жизнью и, очевидно, спокойны, с чем нужно — сами справляются. Зачем ещё и, скажем, поляки?

Сомнения в нелепости своего положения усилились, когда баржи с ссыльными переселенцами притащили в Сыктывкар. Зачем и куда идти дальше: никто толком не объяснял. Два дня мыкались впроголодь на сыктывкарской пристани, затем приехали председатели колхозов — «купцы», чтобы отобрать из многосотенной толпы людей, способных работать на лугах во время сенокоса. Чем не работоговля! Вацлав не пожелал расстаться с больным отцом, а тот никакому председателю не приглянулся. Вот они и остались в «негодяях».

Это было 20 июня 1941 года — в канун Великой Отечественной войны, когда Польша полностью уже была поглощена Германией, а Советский Союз оказался под такой же угрозой. Поляки в Коми чувствовали себя в двойном унижении. Многие не знали, куда деваться, кого считать врагом, кого — спасителем.

Наконец, после отъезда «купцов с товаром» подали автобус, и остатки польского контингента повезли в Пустошь, что почти в ста километрах от Сыктывкара.

Пустошь — деревня примерно в километре от реки Сысолы. На возвышении и ничуть не на пустоши. От неё в сторону реки простирается широкая панорама с цветущей зеленью поймы Сысолы, вдали — также на возвышении и через речку Визингу — ещё деревня, а через саму Сысолу виднеется большое село Вотча с белоснежной церковью. Пейзаж незабываемый, но «привезённым» не до ликований: им предложили самим найти работу, жилище, хотя называли деревни, кто куда должны разойтись.

Закшевским была названа та самая Вотча, которая как будто звала своей торжественной красотой, но и неведомостью. Им в качестве сопровождающего назначили попутчицу Евдокию, которая своей говорливостью немного сняла ту хандру, что паутиной стягивала и мысли, и чувства. Кроме Вацлава с отцом, попутчиками были поволжский немец Шандер, два парня и три женщины. Парни были молчаливы, но по произношению нескольких слов обнаруживалось их украинское происхождение. Женщины, наоборот, были общительны с попутчицей, но бесконечно грустные их воспоминания изредка прерывались Шандером словами вроде: «На всё воля Божья», «Кому теперь легко?». Однажды он даже пошутил:

— Когда вас покупали в Сыктывкаре, я убежал в кусты, будто по малой нужде. А то «купили» бы на тяжёлые работы. Мне там один подсказал, что слабым предложат самим находить свою дорогу. А я ещё хочу пожить по своему выбору. Если Бог наставит, может, и хорошую невесту найду.

И тут же Шандер подмигнул Евдокии. Та покраснела, показала свой кулачок, но продолжала ранее начатый свой речитатив:

— В Вотче, торой деревне, Вичкодоре, есь сельсовет, туда и идите. Скажут сё, што надо. Там сем колхозов, работа есь.

Из журчания говоруны переселенцы поняли, что колхозники там живут сносно, а отношение к незнакомым троекое. С теми, кто живёт и работает наравне с местными, они уживаются легко, относятся к ним вполне уважительно. Но от тех, кто отлынивает от работы, отгораживаются — подозревают, что лентяй может как-то напакостить. А третьих не только не жалуют, но и не жалеют. Это — шпана, которая не сидит на одном месте, а шастает по деревням и дорогам, грабит и даже убивает. Мстит властям, не сознавая, что это оборачивается горем для простых людей и, в конечном счёте, ненавистью к ней же, к шпане.

На сысолском перевозе работал мрачный, обросший рыжеволосой щетиной, высокорослый мужик. Евдокия живо обратилась к нему:

— Алексан, перевози нас не очереди, я — жена командёра, а это — мой полк,— махнула она рукой на попутчиков.

— Ты всегда чья-то «жена», — грустно улыбнулся перевозчик, слабо обнажив свои охрипого цвета зубы. — Позавчера была женой секретаря райкома, а завтра чьей будешь?

— Самой Сталина!

— Смотри, девка, доболтаешься...

— А што, Молотова, што ли?

— Ладно, все не уместитесь, лодка не линкор. Сначала бабы заходите и вон тот старик,— и Александр махнул своей лапой в сторону старого Закшевского.

Сразу после перевоза попутчики прошли цветущим лугом вдоль озера. Оно неширокое, но длинное. Вдоль озера же и змеилась тропинка, образованная лаптями-кэтами крестьян. И озеро, и тропа, и ярко цветущая ширь так славно гармонировали между собой, что на душе путников стало легче, умиротворённее. Сразу вспоминались слова Шандера: «На всё воля Божья».

Везде живут люди... Но чувства всех омрачало то, что где-то гремит война, что где-то жгут, кого-то убивают. Закшевские даже подумали: а лучше ли было бы, если бы они остались в своей несчастной Польше? Не сожгла ли война их усадьбу, наработанную годами упорного труда?

Старик Закшевский как будто ожил, видя просторы пойменного луга и вдали, уже на опушке леса, небольшое стадо коров. Слёзы навернулись на глаза старика: «Удастся ли ещё хоть раз на этом свете увидеть такое на своей родной польской земле? И когда кончится, чтобы крестьянина, считай, безвинного отрывали от своих корней, от матушки-земли? Где и кто меня ждёт?»

3. Развод

Как говорила Евдокия, сельский совет действительно находился во «торой деревне» в большом доме псаломщика, которого арестовали и упекли бог знает куда ещё лет шесть тому назад. Дом большой, так что в передней комнате разместились все восемь «новичков». Евдокия зашла в соседнюю комнату, где были слышны мужской и женский голоса, — наверно, председателя и секретаря. Евдокия скоро вышла, её больше и не видели. Потом слышно было, как мужчина куда-то звонил по телефону, возмущался, чем-то интересовался — и всё на своём коми языке. Поэтому прибывшие могли только предполагать, что разговор был об их устройстве. В комнате председателя двое о чём-то спорили, что-то доказывали, помалкивали и снова переходили на повышенный тон, называя чьи-то имена. Наконец, вышел полный мужчина средних лет и, не здороваясь, попросил показать документы. Только у Закшевских и у женщин оказались личные документы, а у Шандера — что-то вроде справки. «Украинцы» сказали, что они потеряли свои документы. Шандер тут же съехидничал:

— Они — украинцы, вот и украли их документы.

— Выясним. Скажите по порядку, кто откуда.

Председатель, зная по уже накопившемуся опыту, понимал, кто и где в колхозах может пригодиться: крестьянин — на полях, рабочий или горожанин — на комбайнерах или на других машинах, в кузнице. Поэтому его интересовали не столько фамилии, а принадлежность к труду. Он даже не интересовался, кто прислал этих восьмерых.

— Закшевские можете выйти и своим ходом топать до последней деревни. Ягдор называется. По правую руку четвёртый дом Кушманова Ивана. Скажите,

что пред послал. Да и скажите, что умеете работать столяром и плотником. С ним у меня уже был небольшой разговор.

Женщины были направлены на скотный двор колхоза «Асья кыа».

— Там зав МТФ даст вам работу,— сказал председатель.

Женщины не знали, кто такой завмэтэфе, но молча вышли за той женщиной, которая недавно спорила с председателем, а теперь стала их проводницей.

— Хохлы переносят здесь, а завтра пойдём со мной в лесопункт. Там посёлок строят постоянно, ихних мужиков возьмут на войну. Вам придётся работать за себя и за них, если и вас не возьмут. Но сегодня же выясню, кто вы такие. А ты, говорливый, на что годен? Как тебя по правде зовут?

— Я — немец из-под Саратова, Шандер.

— Шаньгер?

— Нет, Шандер Вили.

— Тут у нас есть один немец, люди называют его Шаньгером, иногда Шаньгой. Человек работающий, простой. Рожа на твою похожа.

Шандера как током ударило: его брата Якоба ещё четыре года тому назад арестовали, присудили десять лет без права переписки.

— Как звать его по имени? — спросил Шандер.

— Только Шаньгером его и зовут. Здесь я второй год, и не слышал другого имени. Колхоз им доволен, с людьми он ладит, прицепиться повода не было. А в документах копаться некогда было. И будет некогда: нужно будет браться за оружие и немцев бить.

Последние слова могли быть поняты адресованными Шандеру, но всякое его восприятие сосредоточилось на фамилии Шаньгер:

— А как мне повидать того... Шаньгера?

— Я через час пойду в колхоз «Югыдлань». Вот и пойдём со мной. Если предколхоза возьмёт, будешь работать на косилке. Машинист молодой, его, наверно, возьмут на войну.

4. В Сир

Большое село Вотча состоит из деревень, которые коми называют грездами. От центрального грезда, Вичкодора, где стоит обезглавленная церковь, до последнего грезда, Ягдора, почти три километра, и Закшевские добирались до него с трудом. Отец задыхался, еле волочил больную ногу по пыльной дороге. Вацлаву хотелось, чтобы не отец мучался, а весь его недуг перешёл к нему, но так не бывает. Иногда он даже чувствовал себя виноватым, что сильнее своего отца. Старый Закшевский на своей родине был бы ещё довольно крепким мужиком, но чувство безвинности, безысходности подавило в нём бодрость, да и из-за дорожных неурядиц круто сдал здоровьем. Появилась одышка, стала опухать раненая нога. И теперь приходилось через каждые пять-десять минут отдыхать у дороги.

Дом Кушманова в Ягдоре нашли быстро. По случаю начала войны люди собирались на митинг, и было у кого спросить о Кушманове.

— Кушмановых у нас много,— сказал встретившийся парень.

— Столляр, плотник,— продолжал выяснять Вацлав.

- Они все столяры и плотники,— улыбается тот.
- Кажется, Иваном называют,— уточняет старый Закшевский.
- А, бондарь. Зайдите вон в тот дом,— махнул рукой парень.— Вы откуда?
- Из Польши. Поляки мы.
- Почему же сюда приехали? Надо ведь против немцев воевать.
- Будет время — повоюем. А теперь вот пока нас сюда привезли,— оправдывается Вацлав.

Отцу не до разговоров: уставший, голодный, еле стоит на ногах. Добраться бы до чего-нибудь такого, где можно прилечь, забыться.

Или — спокойно предстать перед Всевышним.

В большом бревенчатом доме Кушманова одна из комнат была столярной мастерской. Он умел делать много чего, но был занят изготовлением бочек. Оказывается, в десяти километрах от Ягдора существует лесхимартель, где собирают смолу, живицу и заготавливают её в бочки, чтобы потом отправить пароходом вниз по Сысоле. Кушманов работает по договору с лесхимартелем: обрезает, строгает, подгоняет дощечки — кляпсы для боковин и днища бочек. Вся работа трудная, требует большого мастерства. Особую трудность представляет то, что кляпсы для боковин не прямые, а погнутые, и должны они быть подогнаны взаимно безупречно. Закшевские сразу поняли: такой мастер своего дела не может быть недобрым. И впрямь он оказался общительным и гостеприимным.

— В колхозе на трудодни давали продуктами, а мало деньгами. В Сире можно деньги заработать,— рассказал Иван.— А деньги нужны на всё: на одежду, на инструменты, да и сына возить к фельдшерам — до города или ещё куда.

Иван мотнул головой в сторону сына, лежащего на широкой деревянной кровати.

— Сир — что это? — спросил Вацлав.

Иван улыбнулся:

— Это по-нашему, по-коми. Сир — значит смола. Лесхимартель, там собирают смолу. Мы коротко называем: Сир. Людей пока мало, но, говорят, будет больше.

Вацлав подумал: была-не была, может быть, туда воткнуться?

Состоялся подробный разговор о том Сире. Иван рассказал об условиях тамошней жизни (жильё — всего одна охотничья избушка), работы (от темна до темна), питание (сами рабочие готовят из привозных продуктов). Рассказал Иван и о том, что зарплату выдают два раза в месяц, но только по сдаче количества живицы.

— А что такое живица?

— Смола. Она из сосен, как живые слёзы, течёт с весны до поздней осени,— поясняет Иван.— Говорят, с началом войны химические заводы потребуют много смолы.

— Если зимой не течёт она?

— Зимой, говорят, надо строить барак, баню, ещё разные постройки. За это и будут платить. Работы будет много. Тяжело придётся. Но ты, вижу, выдержишь, а вот твой отец...

Задумался Вацлав: действительно, заманчиво уединиться в лес, в трудах отвлечься от гонений, но отцу там жить будет невмоготу, не говоря уж о тяжёлых работах. Иван как будто прочитал его мысли:

— Послезавтра из районного центра приедет начальник по лесхимартелям, я с ним поговорю о тебе, но отца твоего он не возьмёт. Туда взял из деревни только здоровых и сильных — трёх женщин и двух парней. От слабых мало пользы. Пусть отец у нас поживёт, может, в колхозе поработает. Завтра зайдите к председателю, правление здесь через дом, скажите, что умеет делать крестьянские работы. «Чему-чemu, а этому научены», — подумал Вацлав и посмотрел на отца. Но тот преспокойно спал, сидя на скамье возле двери, видимо, мерный тон Ивана убаюкал уставшего беднягу.

* * *

Есть на свете люди, которые знают жизнь и умеют ладить с другими, готовы протянуть руку помощи нуждающемуся. Вацлав сразу проникся доверием к Ивану Кушманову и решил продолжить свой путь по его совету. Договорился с председателем Ягдорского колхоза о том, чтобы он устроил отца конюхом на первое время. Сам же на следующий день с Иваном и районным начальником пошёл в Сир. Котомка не очень тяготила плечи, — наоборот, продукты, бескорыстно предложенные соседями Кушманова, как будто возбуждённо вздымали плечи Вацлава. Чувствовалось, что деревенские привыкли желать добра несчастным путникам, то же и больному. А, может быть, изуважения к почтенному столяру? Или потому, что поляки оказались с советскими людьми заодно против фашистов?

Десяток километров прошагать здоровым мужикам не беда, но тучи комаров, оводов и прочего гнуса со звоном и гудением гнались за путниками, напыляя горячей золой лицо, руки, лезли за ворот, даже в уши. Это было что-то небывалое для поляка. Все трое хлестались берёзовыми ветками, как вениками в бане, иначе — ложись и валяйся. Вацлав удивлялся выносливости попутчиков: шли ходко и даже что-то обсуждали, нигде не отдыхали, даже не попили чистенькой водицы из ручья, который журчал возле дороги примерно на полпути. Удивлялся Вацлав и тому, что лес такой бесконечный, нетронутый и, как сказал Иван, он такой же безлюдный и девственный и дальше на сотни и сотни километров. «Так вот чего захотелось фашистам, — подумал Вацлав и сам же в мыслях добавил: — Им бы вместо этого богатства комаров и оводов подарить!» И тут же улыбнулся своим размышлением.

5. Сир. Скорбь

Когда путники подошли к Сиру, никого там не было. Недалеко виднелось большое озеро Вад — непроточное, с низкими болотистыми берегами, обросшими осокой, багульником. Избушка небольшая, сарайчик. Вблизи две холщовые палатки, которые Иван назвал вонами. Вот и вся достопримечательность.

«Да-а, здесь не Варшава», — грустно подумал Вацлав.

— В этом воне спят Геня и Егор, — рассказал Иван, — в другом — одна Агни. Ещё две бабы спят в избушке. Для тебя вона нет. Сразу начинаем делать шалаш. Помогу. Всякий инструмент в сарайчике.

Начальник затопил печку с плитой в домике, вскипятил воду в ведре, а Иван и Вацлав занялись устройством шалаша из ветвей, тонких стволов сосен. Когда

вода в ведре закипела, начальник погрузил в кипяток смородиновые ветки, и получился чай что надо. Только сели за дощатый стол, подошли здешние работники на обед.

— О-о, к нам нового мужика привели,— то ли удивилась, то ли обрадовалась одна из них — черноволосая, курносая Ксения.— Агни, возьми его в женихи сразу, не зевай.

— Закрой рот,— устало откликнулась Агни, довольно привлекательная, белокурая, высокая молодица. «Похожа на соседку — полячку Ганну»,— подумал Вацлав.

Обедали, можно сказать, всухомятку, если не считать смородинового чая с сухарями и сахаром вприкуску. Ждать нагрева супа или каши никому не хотелось: уставшие до изнеможения рабочие даже ни о чём не разговаривали.

Начальник раздал работникам заработанные деньги, в нескольких словах рассказал о начале войны, но подробно объяснил, что, где и из чего нужно будет строить. Сказал, что пришлют бригадира, привезут кирпичи, стекло, гвозди, может быть, ещё и людей. Потребовал, чтобы кровь из носу, а барак на двадцать человек был в сентябре готов. Свои требования подкрепил необходимостью дать стране побольше тонн живицы.

— Назначаю временным бригадиром Ивана Веденеевича Кушманова. Будет в каждую декаду приходить в сельсовет с отчётом. Экономьте продукты. Война, наверно, будет тяжёлой и долгой. Будете мало собирать смолу — не ждите хороших денег и продуктов. Будете плохо строить — околеете от холода. Отлынивающим пощады не будет: время военное и законы военные. Все поездки и отлучки без разрешения отменяются. Выходной — только в воскресенье, работать даже в дождь и в пургу.

Иван Кушманов был добрым и справедливым, все слушались его беспрекословно, и не было нужды в его назиданиях. Никому не хотелось встречать зиму в вонах и шалаше, поэтому работали почти день и ночь. Благо на севере ночи светлые.

Когда бригадир бывал в сельсовете, узнавал о событиях на войне. А они были одни тревожнее других: немец пёр всё ближе и ближе к сердцу России. Беспокоило это всех, и Закшевских не меньше.

Бригадир Кушманов был не только плотником, столяром, бондарем — то есть мастером по изготовлению бочек. Он научил смекалистого Вацлава составлять глиняный раствор, правильно изготавливать кирпичи, а потом из кирпича-сырца класть печи. Закшевский стал классным печником, о чём поведал своему отцу в одно из посещений родителя в Вотче, в Ягдоре.

Отец Закшевский у тех же Кушмановых почти как член их семьи. Вацлав прибегал к нему ночами, чтобы поддерживать его, больного, добрым словом. А он заметно стал сдавать: раненая нога стала опухать всё выше и выше колен, и никакие лекарства и травы не помогали. Отец уже не мог ходить на колхозную работу, превозмогая боль, старался помогать Кушмановым по дому.

В сентябре в Сир привели ещё пятерых рабочих. Среди них оказался один поляк — Тадеуш Ковальский. Вацлав и Тадеуш быстро подружились и часто, сидя на бревне возле озера, вспоминали родную Польшу, мечтали о будущем.

В конце сентября работники Сира перешли из мелких времянок в барак. Начались новые работы: нужно было построить шахтную печь для изготовления

древесного угля, кузницу, сушилку, цех по производству дёгтя. Приходилось валить и берёзу, заготавливать дрова, круглый лес. Да какую только работу не приходилось здесь делать, Вацлав с Тадеушем раньше и представлять не могли.

С началом зимы в деревне начался и зимний стойловый период коров. Они стали давать меньше молока, некоторые перестали доиться перед отёлом. А это означало, чтольному отцу уже почти не доставалось молока. Кроме того, с продуктами стало скучнее и скучнее: продовольствие колхозов и колхозников уходило на фронт в виде государственных поставок.

В один из ноябряских дней Вацлав решил сносно сохранившиеся брюки обменять на молоко. Прибежал в Вотчу, но так и не смог это сделать: колхозники жили впроголодь, а если у кого и молоко было, они поддерживали жизнь и здоровье своих детей, делились с соседями. Пришлось побывать у больного отца, как обоим показалось, в последний раз. С трудом выдавливая слова, идущие от затухающего сердца, старый Закшевский завещал сыну:

— Сыне, мне, видно, Бог рассудил лежать в этой земле. Мати-земля всегда дорога, для русского своя, для коми — своя. Будь всегда Поляком: для него на свете нет милее нашей цветущей Родины. Береги мать.

Всю жизнь в ушах Вацлава звучали слова отца: Поляк, Родина, мать.

* * *

И случилось: через два дня отец умер. Об этом сообщил в Сире Вацлаву Кушманов, возвратившийся из сельсовета, куда ходил по делам артели. Он же и разрешил сделать гроб из ещё не погнутых кляпов и обоим полякам велел отвезти покойного на кладбище. Оказывается, он и договорился с председателем колхоза, чтобы выделили лошадь для перевозки гроба из Сира и покойного до кладбища.

Гроб везли до Ягдора Вацлав с Тадеушем. Все ягдорские, конечно, уже знали о кончине старого Закшевского, и многие собрались у дома Кушмановых. Сам Иван Кушманов сделал четырёхконечный крест, чтобы присовокупить его к гробу и могиле.

— Пусть могила новопреставленного христианина Ричарда будет ему ладным пристанищем, — произнёс Иван. — Хоть он был не православным, а католиком, всё равно христианин, как мы все. Пусть тело его покоятся в нашей северной земле, а душа голубем полетит в далёкую Польшу.

И у Вацлава, и у Тадеуша слёзы ручьём текли при этих словах некролога, которые произнёс Иван Веденеевич.

В ноябре тогда стояла настоящая русская зима с коми морозом. Покойного провожали соседи из Ягдора — человек пятнадцать, и что тронуло Вацлава, оба немца из «Югыдланя» — Шандер и Шангер. По пути посетили церковь, хотя она и была сильно разрушена. Немцы скоро вырыли яму — могилу на краю кладбища, а потом молча опустили гроб в землю неродную, но мирно принявшую вечного страдальца и труженика — сына далёкой Польши в северном холодном Коми крае.

Скупы, но искренне скорбны были мужские слёзы.

6. Жизнь продолжается

Жизнь в Сире не останавливалась. Приехал новый бригадир. Сидя на розвальнях, которые степенно тащил мерин Карко, проехался мимо барака и прочих строений, ничего не сказал: видно, Сир не произвёл особого впечатления. В бараке он выделил для себя комнату, её же и назвал конторой. В углу водрузил железом обитый ящик, который назвал сейфом. Вечером собрал всех работников для беседы. Используя газетные сводки, говорил:

— Наша армия остановила фашистов. Но это ещё не победа. Поэтому нам придётся ещё сильнее трудиться. С продовольствием будет очень туга. По карточкам могут быть и перебои. Колхозы не могут дать людей для заготовки леса, а тем более для нашего производства. Людей везде не хватает. Даже здешних спецпереселенцев мобилизовали на стройки Крайнего Севера. Остались одни бабы и старики.

Говорил бригадир не очень долго, но гладко. Вацлав понял, что Шандера и Шангера скорее всего «мобилизуют» на северную стройку: конечно, рискованно посыпать на фронт немцев воевать против немцев. Да и в коми деревнях люди стали относиться к ним отчуждённо, а вдовы погибших фронтовиков стали откровенно называть их фашистами.

— … поэтому я говорю: и здесь дисциплина будет военная. Нельзя опаздывать на работу и на пять минут. Без разрешения в Вотчу никто не должен уходить. Ладно, только в воскресенье, но вечером — снова сюда.

Люди слушали молча. Никаких вопросов — всё ясно. Спустя «пять минут» Ксения опустила высокую речь на греческую землю:

— А лошадь с нами же будет?

Тут Агни с улыбкой вставила:

— Не с тобой, эта лошадь ведь мерин.

Люди поняли ехидный намёк и засмеялись.

— Лошадь выделена для артели. Но за сеном придётся съездить в Ягдор. Мы с председателем договорились, что на сенокос летом выделим одного-двух мужиков взамен. А завтра, Закшевский, поедешь к Кушманову, он зачем-то хочет повидать тебя. Заодно привезёшь сено и кое-какой груз. Бутыль с керосином береги. Разобьёшь — будете сидеть без освещения до марта.

Кушманов, оказывается, прихвортнул, но не это главное. Приходил, говорит, из райцентра, Визинги, какой-то человек. Интересовался, как ты устроился, кто твои друзья, о чём вы разговаривали.

— Берегись, сынок. Время такое — лишнее слово может погубить. Немцев всех подчистую увезли подальше, но к полякам отношение пока терпимое. Даже новых привозят. Вон, мельником назначили работать польского парня, Евгением зовут.

— Как фамилия? — встрепенулся Вацлав.

— Не то Кольский, не то Ковальский. Наш мельник, глухой Алексей, его подучивает. Смышлённый, даже весёлый, говорят, этот Евгений. И несколько польских семей даже с детьми приехали. В Вичкодоре открыли детский дом, туда поместили осиротевших коми и русских детей, ну и — польских.

Пока жена Кушманова ставила самовар, нашлось время и для вопросов со стороны Вацлава.

— Как ты думаешь, Иван дядь, скоро Красная Армия погонит немцев?

— Не скоро, но обязательно погонит. Ещё раз тебе говорю: в разговорах не выражай сомнения, они теперь называются пораженческими, а за это по голове не погладят. Будь уверен: победа будет наша, так всегда и говори.

— А жизнь с каждым днём становится труднее. Стал я уставать. Заработка не хватает для покупки одежды, а она очень быстро изнашивается.

— У вас заработка не хватает, а у колхозников его совсем нет. Люди пухнут от голода, умирают. Но тебе вот что подскажу. В десяти километрах отсюда открыли Исаневский лесопункт, говорят, там обеспечение сносное. Привезли и украинцев, и одесских, и крымских немцев. Даже какую-то технику — без неё немного дашь стране леса.

— Как же — одних немцев — на север, других — сюда? — удивился Вацлав.

— Эти-то с семьями, лишнего не скажут. Или, может быть, проверенные, надёжные. Потом, мы ведь тот же самый север. Например, ты ведь тоже переселенец северный, хотя и добровольный.

Возвращался Вацлав лесной дорогой в Сир, весь погруженный в грустные мысли.

Ничего не скажешь, леса на этой земле — не то, что в Польше. Сосны — как заводские трубы Krakowa. Неописуемо величественны, мощной стеной стоят, как непобедимое войско. Не тронутые узловатыми руками дровосеков, безбрежные леса, хотя и там, на родине Вацлава, встречаются места уединённые. Только вряд ли уцелели они под сапогами фашистов и под гусеницами их танков, перемалывающих не только леса, но и дома, и костёлы, людей и их судьбы.

А в Коми — океан бесконечного леса и жуткая тишина: ни стрельбы, ни возгласов. Не слышно воплей, когда в дома заходят плачущие почтальоны с письмами — там женщины лют горькие слёзы в подушку, крепко вцепившись в свои волосы, и рыдают по-своему, неутешно:

— Ой-я дай ой-я...

Это сочетание чувства непоправимого горя и своеобразного причитания при потере своих родных и близких охватывало всю душу Вацлава. Он с трудом удерживал слёзы, когда видел стены Домны — хозяйки дома, где проживала его землячка Мария. Хотелось так же, как и Домна, стать на колени и прижаться лбом к полу, молча плакать и стучать кулаками по половицам, просить у Бога, что извещение о гибели сына было преждевременным, ошибкой.

Мария Мицкева была эвакуирована в 1942 году и сразу попала в Коми. Примерно через полгода нашла пристанище в этом большом селе Вотча. Наверно, советское руководство понимало, что в войне с Германией полезно иметь дружественную Польшу-союзницу, поэтому многих поляков принял глубокий тыл Советского Союза — подальше от грохота войны. Конечно, эвакуированные поляки всю жизнь будут благодарны за спасение — в этом никто не сомневался. Тем более, что они были устроены неплохо: Евгений стал работать на мукомольной мельнице, Мария — поварихой в садике-яслях, семейный Людвиг Борташевич — кузнецом в колхозе «Авантур». Конечно, они понимали, что их «кормушки» были в какой-то степени «обильнее» по сравнению со страшной нищетой и голоданием местных колхозников. Но что они могли сделать? Совесть не давала покоя: поделиться бы... А со всеми невозможно. Стыдно чувствовать себя почти

паразитами. И, бывало, ловили они укоряющие взгляды коми матерей, у которых дети ходили с нищенской сумой по деревням, умирали от голода.

И всё-таки не было чувства неприязни ни со стороны поляков, ни со стороны местных селян. Не только по указке сельских советов, но и из чувства сострадания колхозники, имеющие сравнительно подходящую жилплощадь, предоставляли комнаты «привезённым», как говорили в деревне. Рассуждали так: «Пусть бедняги поживут. Мы хоть голодаем, но на нас бомбы не сыплются. У них, может быть, и домов-то уже нет, фашисты сожгли. Пусть поживут».

Делились всем, чем могли, чем были «богаты»: одеждой-обувью, дровами, молоком, картошкой (если они были), небольшими радостями. И, чего скрывать, бедой. Но и работающими руками.

7. Дети войны

Во втором военном году в село привезли новую большую группу поляков с семьями. В центре села, где открыли детский дом, нашли приют обездоленные дети из соседних сёл и районов, а также польские мальчики и девочки. Этих детей распределили по школам, которые в те годы были и так переполнены довоенной детворой. Здания школ, конечно, не были «резиновыми»: почти все купеческие, «кулацкие» дома, прежде рассчитанные на большие счастливые семьи, никак не могли вмещать многоликий интернационал. За двухместные парты посадили по три, даже по четыре ученика.

Польских детей, конечно, учениками можно было называть условно: они не только не понимали материал уроков, но, кажется, даже и не хотели этого. Сказывалось, очевидно, отставание в учёбе из-за невозможности учиться в условиях оккупации, из-за переездов. Может быть, из-за различных уровней и содержания обучения, из-за языковых препятствий. Многие «из-за» сделали бедное военное поколение в большинстве своём несчастным, обречённым на серое существование.

Польские мальчики и девочки легко сближались с местными: играли, бегали, смеялись. Хотя они без конца тараторили на своём языке о чём-то своём, по-русски изъяснялись с коми детьми вполне успешно. То есть, плохо, но понятно: дети есть дети. Коми мальчики быстро запомнили их имена: Тадзик, Владик, а поляки — Виталей, Василей, Ёгор. Так же и девочки: Ванда, Целина, а те — Дуня, Агни, Соня...

— Где твой дом? — спрашивают коми мальчики.

Самый рослый, держащий себя независимо, Тадзик тычет в карту, занимающую почти четверть стены:

— Вот! Варшава! Немцев пиф-паф, всех немцев! Тодди, все мы домой, Польша! Мы и русские убьём всех немцев!

От пальцев поляков-школьников на месте Варшавы — уже дырка на карте, как, наверное, и сама Варшава в руинах.

Многие эти мальчики и девочки не знали, где воюют или лежат в земле их отцы, братья.

8. Полгода

Жизнь в Сире становилась всё более и более невыносимой. Бригадир то рыбачил в озере Вад, то надолго отлучался в Вотчу. Рабочие ворчали, стали подозревать, что часть их продуктов он присваивает себе. Особенно смелые (конечно, из местных) резко высказывались, что тот занимается и приписками в пользу друзей. Бригадир не угрожал, но пытался успокаивать их, боясь районной проверки.

Совершать приписки было легко. Если рабочий собрал, скажем, восемьдесят каров (кар — это жестяной конус со смолой, куда она стекает с надрезов на сосне), напиши бригадир сто — кто будет гоняться с проверкой? Все сборщики заняты работой, вечером возвращаются в барак — от усталости еле волочат ноги. А завтра — ни свет ни заря опять на работу.

В один из воскресных дней Вацлав пошёл в Исаневский лесопункт узнавать, не лучше ли туда перебраться. В конце концов, он ведь не осуждённый, можно попробовать сменить место работы и жительства. Но в понедельник утром опоздал к разнарядке в Сире на полчаса: всё-таки по заснеженной лесной дороге двадцать километров в темноте преодолеть не шутка. Бригадир и так был не в духе из-за недовольства рабочих по причине плохого снабжения питанием и дровами, и тут ещё опоздание Закшевского. Было, на ком сорвать свой гнев:

— Где я возьму вам царское питание? А дрова — вон тёмного леса сколько. Берите сколько вам угодно. Можете повышать голос, когда будете работать по военному, а..., — тут бригадир зло посмотрел на Закшевского, — а не прогуливать!

Хотя рабочие и пытались защитить Вацлава, дескать, полчаса ещё не прогул, бригадир со злостью бросил:

— Если каждый немец и поляк будет по-своему танцевать краковяк, толку не будет. Завтра же доложу в район о прогуле Закшевского, пусть разбираются.

Разобрались... «За самовольный уход с работы» — шесть месяцев исправительных лагерей.

Не смешно, но грустная усмешка получается: из ссыльных мест сослали вольнонаёмного в такое же ссыльное место — под Архангельск, причём пешком, самостоятельно. Вацлава донимал чёрный смех: «Буду рассказывать потомкам, как пешком ходил из кармана в карман государства, будут хохотать и не поверят. Абсурд!»

Условия в Архангельске оказались самыми ужасными. Нигде не найти хоть какую-нибудь работу по той причине, что у Закшевского не было советского гражданства. Он же не стал поступаться памятью своего Отечества, предавать родную землю и гордо отвечал на требования сменить гражданство:

— Я — поляк и буду им до конца своих дней!

Приходилось Вацлаву искать пропитания на разных случайных работах и даже принимать нищенские подачки, но полгода прошло, наступило новое лето.

* * *

После возвращения в Вотчу Вацлав имел в запасе ещё три дня до явки в Сир. Решил он навестить некоторых поляков, которые проживали в селе.

В детском доме были мальчики и девочки из разных мест, преимущественно

из восточных, но знакомых не было. Самой общийтельной и сведущей об эвакуированных была Маруся Мицкева из Кракова. Она рассказала, что в Вотче работает семья кузнеца Грановского, что его сын Владик непослушный, дочь Ванда не учится, что колхозы обязали обеспечивать всех поляков всем необходимым вне очереди. Вацлав невольно подумал: «Ты-то у котла, щебетать тебе хорошо, а как чувствуют себя дети местные — голодные, босые, больные...»

Из рассказа же Маруси Вацлав узнал, что к ней часто наведывается мельник Евгений, и тут же подумалось: «Два сапога пары — мука да каша». Но не злился: всё не съедят. Кончится война — в Польшу эти ничего не увезут, а здешние крестьяне заживут лучше поляков.

Конечно, Вацлав не мог миновать дом Кушмановых. Встреча старых знакомых была очень тёплой. Вспомнили о прежних делах, о знакомых. Вацлав рассказал об архангельских похождениях, а Иван — о колхозных делах, о Сире: он ведь там часто бывал.

— Бригадир тот же самый? — поинтересовался Вацлав.

— Тот самый.

— И такой же самый?

— Да, может быть, даже более «такой».

Иван выписывает газету «За новый Север», тут и поделился сообщением о том, что в Советском Союзе формируется Войско Польское. Вацлава это не просто обрадовало — всколыхнуло! Он решил немедленно, не являясь в Сир, пойти в районный военкомат и записаться добровольцем. Но Иван уговорил переночевать и ранним утром отправиться в райцентр, в военкомат. Вацлав согласился: не имело смысла пуститься в двадцатикилометровый путь на ночь, тем более, что ночью перевоз через Сысолу не работает. Кроме того, Иван обещал пойти в Сир и сообщить Тадеушу о решении Вацлава.

— Почему ты? Я сам и пойду, — возразил Вацлав.

— Тебе нельзя. Бригадир может стать поперёк. Людей не хватает, план выполняется с трудом. Я и так завтра должен быть в Сире, пойду сегодня. Скажу бригадиру, что Тадеушу в военкомат надо, он не посмеет отказать. А Тадеуш успеет прибежать, пойдёте вместе.

— Не пойдём — побежим! — уверил Вацлав Ивана.

9. Военкомат

Вацлав и Тадеуш были приятно удивлены, когда услышали в коридоре военкомата польскую речь. Двое молодых мужчин обсуждали, как добраться до Горсиба, чтобы забрать какие-то документы. Сошлись на том, что обоим придётся срочно преодолеть десятикилометровое бездорожье. Можно было предположить, что они уже были у военкома. Сидел-дремал там и третий мужчина, но он не вступал с ними в разговор. Вацлав подмигнул Тадеушу, чтобы он пока помалкивал, дескать, надо понять, как подойти к военкому, какие, может быть, нужны документы кроме удостоверений личности.

Те двое вскоре почувствовали, что новые пришельцы по-особому внимательно посматривают на них и примолкли. Тогда Вацлав по-польски обратился к ним:

— Что, земляки, тоже захотели повоевать?

Что тут случилось? Обнимки, воспоминания наперебой, даже слёзное молчание между репликами. Тут вышла сотрудница военкомата и потребовала соблюдать тишину, иначе...

Она не сказала, что «иначе», но земляки успокоились. Стали не только знакомиться по именам, но и рассказали о цели прихода в военкомат. Один из «прежних», Юзеф, сказал, что военком к полякам относится с пониманием.

— Но вот ему,— и Юзеф кивнул головой в сторону сидящего, который уже не дремал,— военком отказал. Сказал, что с евреями пока спешить не будем.

Вацлав с Тадеушем решили тотчас же зайти к военкому. Ему, конечно, сотрудница рассказала о причине шумной встречи в коридоре, но военком задал вопрос официальным тоном:

— Вы, молодые люди, кто такие и зачем пришли?

«Молодые люди» обратили внимание на пустой правый рукав кителя военкома, на его глубокий и серьёзный взгляд и смекнули, что можно будет рассчитывать на исполнение их надежд. Вацлав взял на себя смелость рассказать о желании вступить в Войско Польское и бить фашистов. Тадеуш молчал. Молчал сначала и военком, но когда Вацлав обмолвился о статье в газете «За новый Север», тот жестом приподнятой ладони остановил его:

— Я знаю не только эту статью, но и кое-что побольше. Знаю и ваши настроения, даже Вас знаю, товарищ Закшевский. Конечно, пока только по документам. Но взять да вот так отправить вас в то войско не могу. Вы уже не мальчишки, должны понять, что в армии есть система приказов, обеспечения, способов передвижения, подчинения, организации. Иначе будет в лучшем случае партизанщина. Я запишу и вас на учёт, сделаю запрос по инстанции, а там посмотрим.

Вышли два товарища из кабинета военкома невесёлые: что делать дальше? Пообсуждали четверо земляков своё положение, как потолкли воду в ступе. Сидевший еврей тут прервал своё молчание:

— Вот что. Если не знаете, меньше болтайте. Садитесь и напишите письмо писательнице Ванде Василевской. Она занимается организацией польского антифашистского движения. Чем больше будет подписей, тем больше будет толк. Не забудьте составить список, укажите год и место рождения. Один военком всё это не может делать. В список поляков занесите и меня, я ведь тоже уроженец Польши, а еврей или нет — неважно.

Поляки удивились, как умно предложил этот еврей выход из положения. Тут же в военкомате они попросили бумаги, конверт и заявление на имя Ванды Василевской. Узнали нужный адрес, и военком обещал отправить письмо, как он сказал, «по официальной линии», но после приложения списка и подписей поляков.

— Чем скорее составите и принесёте мне список, тем быстрее осуществлятся ваши мечты. Не скрою: эти мечты — и наши тоже.

Военком предложил сотруднице объяснить молодым людям, как лучше организовать свидания поляков с земляками и тут же сделал зачин тому списку, куда были внесены первые пять фамилий.

Решили земляки собирать подписи по всему району, невзирая на возможные возражения бригадиров, десятников, звеньевых. Главным козырем поляков было

их решительное стремление участвовать в разгроме фашистской Германии, и всякий бригадир-небригадир остерегался препятствовать патриотическому порыву поляков. Начались хождения по местам обитания спецпереселенцев: Исанево, Пунтыс-Яг, Горсиб, Панеёль... И всё это по таёжным тропам, в нерабочее время, в непогоду, в одиночку и группами. Но всё это воздалось!

Когда Вацлав Закшевский, главный заводила и самый решительный из патриотически настроенных поляков, зашёл со списком к военкому, тот встал, встретил его как доброго знакомого:

— Молодец, товарищ Закшевский, иного от Вас я и не ожидал. Мы получили соответствующий приказ. Выписки из приказа разошлём по сельсоветам и через пять дней вас соберём здесь. Дальше будут сборы в Сыктывкаре, там знают, куда вас отправить. Думаю, в дальнейшем будем ждать вестей о ваших подвигах, хотя до этого пройдёт ещё немало времени. Овладевать военной наукой — это не топором махать.

10. Эпилог

Говорят, неисповедимы пути Господни. Поляки-северяне твёрдо выбрали свой путь, согласный Господнему: стезю, ведущую к освобождению своей Родины от коричневой чумы.

...Посёлок Сельцы на Оке. Первая дивизия имени Костюшко. Военная подготовка — вот первые, и как стало ясно, необходимые шаги, без которых трудно ожидать успеха в бою с опытным и хорошо вооружённым врагом. Лишь в 1943 году приняли первые бои. Далее — посёлок Ленино в Белоруссии, бои, бои... Отдых под Смоленском, и снова бои.

Как молодого и здорового парня, командование направило Закшевского на курсы подготовки лётчиков истребительной авиации. Уже одно слово «истребительная» окрыляло Вацлава: нужно беспощадно истреблять фашизм, и для этого надо учиться этому искусству.

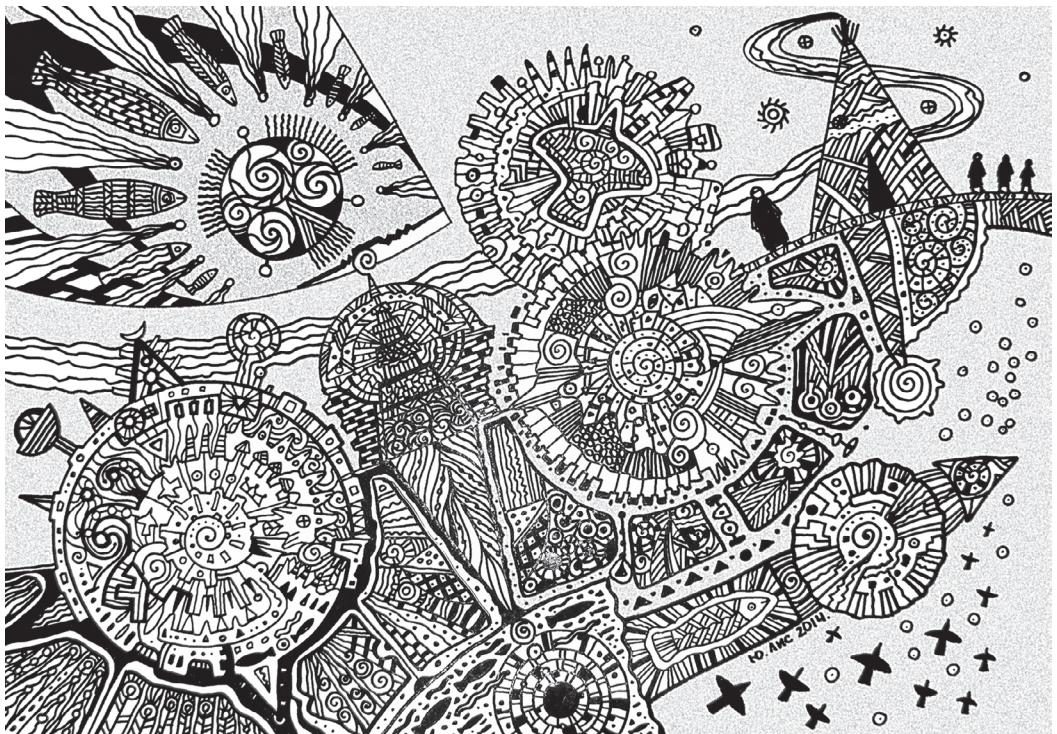
Пройдут годы, и он будет с восхищением вспоминать о главном боевом братстве, о прекрасных русских товарищах-лётчиках. Незабываемо!

Боевой путь Закшевского-лётчика пролёг через пылающий воздух на запад, через милую Польшу — израненную, рыдающую, разрушенную, но гордую.

* * *

Будучи корреспондентом газеты «Жолнеж вольности» (Солдат свободы) Вацлав Закшевский с восхищением вспоминал о трудолюбии, беспредельном терпении коми народа. Прекрасные душой, простые люди Севера не дали ему сломаться в годы духовных и физических лишений. Бескрайние лесные просторы, суровая природа Коми края — молчаливые тому свидетели.

Арт-факт

Станислав Торлопов

Станислав Анфимович Торлопов родился в 1936 году в Москве. С 1938 года живёт в Сыктывкаре. В 1953–1958 гг. учился в Костромском художественном училище под руководством живописца Н.В. Шувалова.

В разные годы ездил в творческие поездки: Печору, Полярный Урал, Литву, Польшу, Румынию, Вьетнам, Крым, Германию, Нидерланды, Болгарию.

С. Торлопов неоднократно избирался членом зональных выставок «Советский Север», членом Правления и творческих секций Союза художников РСФСР, а также делегатом съездов СХ РСФСР и СХ СССР. Многие годы возглавлял работу молодёжной секции республиканского Союза художников. Его перу принадлежит ряд критических статей по изобразительному искусству Коми.

*Народный художник Коми АССР и России.
Заслуженный художник РСФСР.*

Мои полевые университеты

Как-то один мой друг, разглядывая в мастерской работы, спросил: «Кому ты подражаешь?» Ответ был однозначен: «Природе и жизни».

Я традиционен, стремлюсь быть верен правде искусства особо почитаемых мною художников, таких как Николай Перих, Аркадий Рылов, Рокуэл Кент, наиболее близких мне по духу. И буду рад, если окажусь достойным их продолжателем, в лучшем смысле — продолжателем в мировосприятии. Каждый опирается лишь на свой, пусть небольшой, творческий и жизненный опыт. Разумеется, в его скромном соотношении с опытом и культурным наследием всего мира. Но и собственный опыт убеждает меня: чем выше мы поднимаемся в «подражании» ей и в сопричастности с нею — Матушкой-Природой, тем убедительнее получается итог, путь к подлинному, а не мнимому успеху у зрителя и критика. И в этой всеобъемлющей натуре, называемой Жизнью, заключены наша, художников, и опора, и цель, и смысл творчества. В служении её правде.

От корня — северянин, Севером воспитан, я не мыслю себя вне его. Он — мой наставник и судья. Не туристская это любовь с тем поверхностным обожанием и восторгами, где не надо прилагать душевных усилий.

Суровый, мрачный, холодный, бескрайний, величественный, и сколько их ещё, эпитетов. И все они в общем-то правильные, только становятся порой заштампованными, набившими оскомину от частого употребления — стереотипом. А вот всё то, что ещё содержится между этими понятиями, доступно тем, кто активно живёт в нём — в Севере с большой буквы. Кто с ним на Вы не от робости, а от почтания. В ком живёт остшая тоска по нему и жажда общения, даже при самом коротком расставании.

Не люблю максимализм. Но здесь пасую сам перед собой, поскольку в своей привязанности к Северу и сам — максималист. И я ревнив в своей любви к нему и предвзят, сознаюсь, когда не вижу недостатков в святом для меня предмете обожания.

Для кого-то Север — скучная ледяная пустыня. Северяне его белому безмолвию посвящают стихи. Для кого-то тундра — унылое гигантское болото. Для художников — неизбытная красота каменных и мшистых ковров, усыпанных аметистами холодных озёр. Для кого-то тайга ассоциируется со словом «дрова». А для меня ветка лиственницы — смычок, извлекающий музыку из недр её. И искренне жаль тех, кто глух, слеп и холoden к её неоглядным просторам.

Горжусь тем, что Северу принадлежит огромная плеяда известнейших славных имён. И среди них такие, как Георгий Седов и Ральф Амундсен, самобытный художник Тыко Вылко и его друг — учёный Владимир Русанов. Самозабвенно служили ему сказитель Писахов и первопроходец Семён Дежнёв — подвижники, герои, поэты.

Север дал моим товарищам и мне прежде всего нравственный стержень, утвердил в нас художников. Он поистине тот Родник с ёмким в своём первородстве значением, который питает творчество. Он указал на тех людей, которые стали примером подлинного героизма и самоотверженности. Люди Севера — не сверхличности, чуждые обычных человеческих слабостей. Но для лучших из них понятия о долге и чести — закон всей жизни и совести. Личные права и блага — у них на самом дальнем плане, а обобществлённое «надо» — норма поведения.

Так уж сложилась моя судьба, что с детства она соприкоснулась с геологией, да и вообще с учёным светом всего Коми филиала Академии наук СССР послевоенных лет, ибо жил я в академическом квартале, в старом двухэтажном деревянном доме. Самые светлые, романтические воспоминания остались в памяти мои соседи «полевики». Их ежегодные весенние сборы в поле, их возвращения — почерневших, обветренных, заросших и вечно оптимистичных геологов и геологии. И рождалось тогда смутное ещё желание стать геологом, или путешественником, быть похожим на них, жить их жизнью. Да и зачитывался я тогда в основном приключенческой литературой. Это были книги Арсеньева, рассказы о походах Головина, Крузенштерна, Пржевальского, о полярных одиссеях Амундсена, Нансена, Седова. Очень впечатляли совсем ещё недавние эпopeи папанинцев и челюскинцев.

Судьба же определила мне другое назначение — страсть к рисованию. Но не предал я свою мечту, не оставила меня страсть к путешествиям. Наверное, символично, что год рождения Института геологии, 1958-й, и начало моей самостоятельной жизни совпали во времени. Именно Институт помог мне найти свой путь, окончательно утвердил меня как художника. Именно он помог мне пройти свои творческие и жизненные университеты.

Только сейчас понимаешь, что ты ходил в поле с легендарными корифеями науки А.А. Черновым, В.А. Варсанофьевой, П.П. Вавиловым, М.А. Плотниковым, Н.П. Юшкиным... Исходил, изъездил, облетал и проплавал с ними не одну тысячу километров, забираясь в самые дальние, нехоженые места, где палатка — главное мерило комфорта. Работая с ними бок о бок, хлебнул, что называется, и «полевого лиха». Да и как можно разделить труд на «свой» и «ихний», если в экспедиции сутки редко делятся на рабочее и нерабочее время. В прозе полевого

быта человек, словно в деревне — весь на виду. Нельзя ни спрятаться, ни отсидеться за чужой спиной. Любая нелёгкая рабочая ситуация, словно калибровочное сито, отсеивает полноценное зерно от плевел, отделяет истинные ценности от лжи и фальши. На памяти немало таких ситуаций, которые не забыть. Ситуаций сложных, и сугубо прозаических. И словно иллюстрирующих коренные понятия: долг — честь — совесть.

Вспоминается прежде всего геолог, его «час истины», когда «добрый хозяин и собаку за порог не выпустит», а он уходит в ещё один маршрут — обследовать оставшийся «белым» кусок своей территории. Ибо без такового нет у него полной ясности, и он идёт — долг! Это и рабочий полевой партии, с неуклонным упорством лезущий на скалы Манараги с тяжелейшим рюкзаком, — там его товарищи без продуктов. Нет погоды — нет вертолёта. А работу их, оставшихся без хлеба и крупы, прервать нельзя: такова её специфика, и значит надо! Таков закон товарищества, таков долг. Это дни обычных маршрутов, когда слева и справа — пропасть и, преодолевая цепенящий страх, ты обязан пройти по лезвию скалы. Это ледяные купели в поисках брода и безмерная усталость дневного перехода. Силы к вечеру иссякли, а наутро всё начинаешь сначала — надо! Долг! Это часы долгого пути, когда даже выючная лошадь выбивается из сил или увязает в топи, и люди берут её груз на плечи и проходят дальше — надо! Это известные аварии с тягачом, «домом на ходу», когда надо лезть в снеговую кашу за лопнувшей гусеницей, ибо под угрозой срыва работа всего полевого сезона. И ещё — когда надо многопудовую запчасть доставить с базового лагеря на своих плечах за добрые полторы-две сотни километров. Потому, что тягач увяз «по маковку» в трясине. А в тундре, как говорится, ни палочки на сотни километров, и приходится тащить плавник с побережья за десять с «гаком» вёрст на себе, чтобы вызволить «работягу» из плена. И нет у людей морального права бросить тягач в трясине, на произвол судьбы. Надо спасать! Долг! Пользуясь терминологией фронтовиков, геологи — это поистине те, с кем ходят в разведку.

И, как это ни покажется парадоксальным, с особой теплотой вспоминаются затянувшиеся полевые сезоны, когда тебя забрасывают ещё по старому снегу, а забирают уже по-новому. И многосуточная пурга, рвущая палатку, засыпающая её по самый конёк снегом, когда с трудом выбираешься из спальника, чтобы приготовить обед. Вспоминается и вынужденная «зимовка» в палатке. Лагерь у озера, где в голой тундре чудом оказался островок леса из шести лиственниц. И выпал снег. И начались морозы. И нет дров. Но не поднялась ни у кого рука с топором на это Чудо. На шесть деревьев. В километре нашли другой «лес», крупный по тундровым меркам кустарник, и использовали его на дрова. Но не тронули красоты! Вспоминается и мальчишка пастух из оленеводов лет 12–13. По городским меркам — ещё ребёнок. Увлёкся, загостился в нашем лагере допоздна! Несмотря на все уговоры и просьбы заночевать, уехал на своей упряжке в кромешную ночь, в слякоть. Рассудив по-взрослому: ждут — надо! В нём, маленьком, но истинном северянине, уже заложены понятия долга — чести — совести. И сколько ещё воспоминаний о совместной работе с геологами — не счесть! И не покидает тебя жгучая ностальгия по «былому» — порой унылой прозе полевых будней, и романтической возвышенности, и чувств, когда на «вершине стоишь хмельной». От красоты бездонных омутов Щугора и скал до небес, и бодрых

горных рек, когда при спусках захватывает дух на очередном бушующем пороге. Таковы вот мои полевые университеты на огромном пространстве от Сыктывкара до Диксона, именуемые Русским Севером. Судьба помогла мне создать картины «Искатели» и «Буровую», «Белое утро» и «Ветер дальних дорог», «В истоках Ниедэз-Ю» и «Арктическое лето», «Каменный ковёр» и «В северном небе», «Красную палатку» и «Вечное». В этих полотнах, в этих темах и образах вижу свою правду и надеюсь убедить в ней зрителя. Есть в моей практике и «вычисленные», сочинённые образы. Вычисленные «теоретически», как невидимая, но реально существующая звезда для астронома. Тем отрадней впоследствии встретиться со своим «созданием» в реально существующей действительности. Подобное явление можно отнести к тому качеству творческого процесса, который называется интуицией, прозрением и который опирается на хорошо изученную жизнь — натуру — правду.

Часто убеждаюсь, что Север порой «балует» меня — преподносит уже готовые образы. Надо только умудриться увидеть их. Но в таких «случайностях» есть своя закономерность — длинная цепь интуитивных шагов к определённой цели, до часа, когда «случай» сам найдёт тебя. Так было с картиной «Эхо войны». Груда ржавого железа на морском берегу, когда-то реальная мина, вызвала массу ассоциаций. Странно — за неё, эту картину, пытались упрекать меня в надуманности и нереальности ситуации, конъюнктурности. Но если кому-то покажется она «плакатом», выпадающим из сферы станкового искусства, то ничуть не устыжусь такого ярлыка. Недостатки?! Разумеется, есть. Только я убеждён — здесь нет «недостатка правды». И внешняя фабула — лишь повод к размышлению о природе войны, о сути мира. И правде искусства. И картины «Искатели», «Творения неба и земли», «Эхо войны» — это моя правда, какой её вижу.

И в связи с этим припоминаются выставки из ряда называемых «спорных». Рассматриваешь в экспозиции работы. И не покидает ощущение, что подсунуты нам сухие, искусственные цветы. Но сколько ни «лелеять», ни «удобрять», ни «холить» изысканными словами эти «цветы», — не высаженные в почву жизни, они будут мёртворождёнными. Они никогда не дадут ни плодов, ни семян. Это — игра в искусство, схоластические упражнения с претензией на неординарность.

Людям, испытанным подлинной жизнью, прикоснувшимся к подлинным ценностям — труду, человечности, долгу, — не могут не быть чуждыми бумажные цветы псевдоискусства. Полуфабрикаты появляются, если мы делаем то, «что получится», а не то, что могли бы. Особенно опасны — эти духовные суррогаты, псевдожизнь и полуправда. И пусть душевная неудовлетворённость будет стимулом подъёма творческих сил, сопряжённых с познанием сложной, суровой и прекрасной действительности. Думается, стереотип просчётов лежит как раз в данной плоскости, в отсутствии важнейшей связи — идеала, устремления в жизни. Долг, совесть, гражданственность требуют глубинного осмыслиения, страстного постижения правды.

Судя по этим рассуждениям, может сложиться точка зрения, что весь мир ограничился для меня «границами» Севера. Но узких границ у Севера нет. В жизни родных мест для художника всегда собраны воедино самые драгоценные свойства большой Жизни. Большого мира.

Обзоры. Новости. Письма

«Сысольский кот» — канкан в зырянском стиле

Одним из лучших спектаклей 2013 года можно выделить постановку Коми национального музыкально-драматического театра «Канкан «Сысольский кот» по пьесе сыктывкарского драматурга Сергея Журавлёва. Премьера прошла без помпезности, так как в начале новогодней рождественской недели корпоративные вечера, детские утренники, да ещё и жёсткие декабрьские морозы отвлекли зрителя от новой постановки. Зато сезон показал восстремованность, и все остальные спектакли прошли с аншлагом. Судя по всему, этому спектаклю можно предрекать долгую сценическую жизнь, так как в нём есть все компоненты, необходимые зрителю.

Сюжет

Исторический факт о том, что во времена Отечественной войны 1812 года в Усть-Сысольске были размещены 100 нижних чинов и один офицер, до появления пьесы С. Журавлёва был интересен только историкам и краеведам. Сегодня — это событие культуры, позволяющее поговорить об истории родного города. Ведь до этого спектакля про Усть-Сысольск и его жителей постановок не было, а это первая, где используется конкретная историческая тема.

Два военнонопленных француза волею судьбы попадают в Усть-Сысольск. Время проживания в северном городке было недолгим, но изменило всю жизнь этих французов, очень разных по характеру. Анри де ла Круа, обедневший дворянин, носитель имперской идеи Наполеона, и его друг Мишель Канье — плут, регулярно себя выдающий за дворянина, но постоянно попадающий в различные переделки, знакомятся с двумя девушками, и начинается... водевиль.

Жанр

Водевиль — классический и традиционный жанр музыкальной комедии. Новизна жанра в том, что ни Коми академический театр драмы, ни Театр оперы и балета не ставили на своей сцене водевилей, да ещё и по произведению местного автора. Иной раз можно услышать, что водевиль — «плебейский» жанр, но именно он с его музыкой, танцами, коллизиями, в которые попадают герои, а главное, внутренней добротой, изначально заложенной в «фундамент» этого жанра, как никогда востребован современным зрителем.

Мишель Канье — легко узнаваемый типаж не только по другим спектаклям в этом жанре, но и в жизни. Таких мишелей и сегодня полно на улицах Сыктывкара. Он и жуир, готовый ухлестывать за каждой девушкой, он и шулер в мужской компании, он и предприниматель, умудряющийся непонятным образом

выкручиваться из передряг, в которые попадает. Регулярно получая пинки и удары граблями, не только в переносном смысле — от судьбы, — но и в самом прямом — от других героев, он не теряет присутствия духа, радуется каждому дню жизни. Противовес ему интеллектуал Анри, занимающийся разгребыванием своих комплексов, мечущийся в высоких идеях... И этот типаж тоже узнаваем. Узнаваемы и девушки, и урядник — символ власти и... местечкового зла.

Спектакль выстроен режиссёром С. Горчаковой в канонических рамках, но эти рамки не ограничивают применение новых возможностей. Например, таких, как участие в спектакле коллектива бальных танцев с номерами, органично вписывающимися в канву спектакля.

Игра актёров

Если не знать творческого коллектива этого театра, то можно сказать, что пьеса «попала в струю». На деле же, шаг каждого героя по сцене выверен и отредактирован, взвешена и выношена каждая реплика. Лёгкость на сцене — результат творческого сотрудничества, который привёл к главному результату — зритель смеётся, радуется, печалится, не замечая «авторского и актёрского «пота». В спектакле нет натуги, зато есть сопереживание и соучастие — тот контакт со зрителем, который является главным мерилом актёрского труда.

Музыка

Водевиль не может существовать без музыки. Этот спектакль наполнен музыкой.

Есть эксклюзивная, написанная для этого спектакля, есть подобранная из музыкального мирового наследия. Важно то, что в спектакле органично чередуются и фольклорные воспоминания героев, и современные ритмы, подобранные для хореографического коллектива, и песни французских шансонье, и зажигательный канкан.

Вообще, не самое хорошее занятие пересказывать то, что надо смотреть, так как невозможно пересказать качество интонаций, взглядов, а уж тем более движений и ритмов, которым наполнен весь этот спектакль. Зато можно поздравить коллектив с несомненной удачей.

Василий Гранкин

Нам пишут

Здравствуйте, уважаемая Галина Васильевна!

Пишет вам Бушенева Альбина Михайловна. Уже давно хотела отправить свою работу в ваш журнал, но были сомнения: стоит ли беспокоить своими сочинениями такой солидный журнал?

И всё же решилась.

Немного о себе. Родилась в селе Важгорт Удорского района в 1948 году, закончила там среднюю школу и поступила учиться в КГПИ на историко-филологический факультет. В 1971 году после окончания института поехала работать в Пыссы учителем русского языка и литературы, где и проработала почти 40 лет, до 2011 года. Сейчас на пенсии. Свободного времени много. Пробую сочинять. Правда, немного писала и раньше (2 рассказа в газете «Красное знамя» 1986, 1990; в последнее время мои рассказы печатались в районной газете «Выль туйёд», в журнале «Войывык кодзув»).

В память о художнике

Заметки

Что в имени тебе моём?
Оно умрёт, как шум печальный
Волны, плеснувшей берег дальний,
Как звук ночной в лесу глухом.

...
Но в день печали, в тишине,
Произнеси его, тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я.

A.C. Пушкин

Недавно ко мне в гости из Москвы в Пыссы приезжала подруга детства, моя бывшая одноклассница, а теперь, как и я, пенсионерка Лилия. Когда она увидела у меня дома на стене в рамках цветные фотографии картин Стожарова, долго рассматривала их, а потом сняла одну из них, прижала к груди и тихо сказала:

— Эту картину я беру с собой... в Москву. Хочешь не хочешь, а я возьму... на память. Других подарков мне от тебя не надо.

Это были «Важгортские проводы зимы».

Я, конечно, без слов отдала ей эту фотографию, сказала, что у меня есть ещё (благо, выручает компьютер). Я понимала её. Она уже лет тридцать живёт в столице, приезжает на родину нечасто (не к кому: родители давно умерли) и, понятно, тоскует по Важгорту.

А я вспомнила примерно такой же случай из своей школьной практики. На уроках литературы часто рассказывала детям, как однажды в Москве великий русский писатель И.С. Тургенев на одной из выставок увидел картину В.Д. Поленова «Московский дворик». Она ему очень понравилась, и он попросил художника перерисовать её для него. Поленов подарил ему этюд этой картины. И большой, тоскующий по России писатель увёз с собой в далёкое предместье Парижа, где жил в последнее время, «драгоценный уголок родной земли, с её небом, воздухом, с её красками и запахами... — со всем тем, что так отзыается в сердце человека, когда он после долгого отсутствия входит в дом, где прошло его детство, где он рос и впервые познал душой значение слова «родина».¹

Я тоже, как и Лилия, уже давно, сорок с лишним лет тому назад, рассталась с отчим домом. И хотя ежегодно стараюсь приезжать в родные места, скучаю. И поэтому не устаю смотреть на репродукции картин Стожарова, которые висят у меня над письменным столом.

Здесь, на этих картинах, осталось моё золотое детство, моя безмятежная юность. И чем старше становлюсь, тем всё чаще и чаще, глядя на эти картины, возвращаюсь мысленно к прошлому.

«Важгорт. Белая ночь».

По-моему, в журнале «Огонёк» репродукция этой картины называлась «Вышгород. Белая ночь». Поэтому двухэтажные дома нарисованы очень высокими, выше, чем, мне кажется, они были на самом деле. Наверно, художник был поражён простотой и величием этих северных домов. Ведь такие высокие дома тогда не строили в средней полосе России.

Всё остальное точь-в-точь. Ни добавить, ни прибавить. Как будто время остановилось.

Тихая сельская улица. По обеим сторонам дороги стоят высокие двухэтажные дома. Тишина. И лишь влюблённая пара не спеша идёт по деревянным мосточкам.

В доме на переднем плане в годы моей юности жила моя подруга Альбина. Когда смотрю на эту картину, сразу вспоминаю её. Кажется, вот-вот она выйдет из этого дома, встанет у калитки, подмигнёт мне своими серыми глазами и приветливо спросит:

— Аля, сыграем (в волейбол)?

Но, к сожалению, она уже никогда не выйдет мне навстречу. Уже давным-давно ушла в мир иной: несчастный случай. Когда, спустя какое-то время, я узнала об этом, долго не могла поверить, переживала...

Она была старше меня на пять лет. Но этой разницы я не чувствовала. Весёлая, озорная, с чувством юмора. Виртуозно играла в волейбол и меня научила. Альбина хорошо относилась ко мне и всегда брала играть в свою команду. Уроки

¹ Л. Волынский. Лицо времени. Книга о русских художниках.— М. 1971.— С. 182.

её не прошли даром: три года я играла в сборной факультета института. А ещё она давала мне свои коньки «Торпедо». Я каталась днём, а она вечером. В те годы коньки были любимым видом спорта у девчонок. Старшие школьники устраивали на озере, прямо у села, освещённый каток. Сами ухаживали за ним, по очереди чистили. По вечерам включали громкую музыку. И все могли после уроков вдоволь кататься. Это было здорово! Особенно были счастливы влюблённые парочки.

Второй дом слева — это мой родительский дом. Поэтому и замирает сердце, когда гляжу на эту картину. Здесь я родилась и выросла, благополучно окончила школу.

По некоторым данным, наш дом самый старый в селе, ему уже около двухсот лет. В те счастливые годы он выглядел ещё добротно: шесть огромных комнат, большие сараи, балкон на чердаке, куда нам запрещалось выходить. По рассказам родителей, в былые времена, во время Крещенских ярмарок, в нашем доме останавливались приезжие купцы, открывали на первом этаже лавки, чайные. А сейчас наш дом заметно постарел, сник, ушёл в землю. И три молоденькие берёзки, которые тогда мы, три сестры, посадили около дома, давно уже переросли его и тоже постарели, устало опустили свои могучие ветви. Когда ушли родители, просторный дом опустел. Мы, три сестры, разъехались по городам и весям. Осталась самая младшая. Но и она уже десятки лет живёт рядом, в новом доме. Заходит иногда в старый дом, походит по пустым комнатам и с болью в сердце замечает, как быстро ветшает родительский дом.

На заднем плане картины, в одном из окон на 1 этаже, горит свет. Он неяркий, но какой-то таинственный, сказочный и так и манит к себе, в далёкое прошлое, в детство. А тогда, хорошо помню, в этом доме жила одинокая женщина с тремя детьми. И кто знает, может, всю ночь, когда все спали, не выключая света, она сидела около больного ребёнка.

А на 2 этаже этого дома в то время была контора колхоза. И мы, дети, летом каждое утро через открытое окно сквозь сон слышали громкие голоса людей, спешащих на сенокос, окрики деловитых бригадиров, ржание лошадей, натужный скрип телег, шум машин. Это была музыка колхозной жизни. Жизнь в селе кипела, била ключом. Не то, что сейчас.

Деревянные мосточки на картине, по которым идут парень с девушкой, — это моя «дорога жизни». Каждый день по ней — в школу, в магазин, в библиотеку, в клуб. Помню, когда мы с сёстрами были совсем маленькими, ранней весной босиком прямо через открытое окно на первом этаже мы тайком выбегали на эти холодные ещё мосточки и, как угорелые, с весёлым визгом, бегали по ним, пока взрослые не загоняли нас обратно в дом, в тепло.

Ах, эти белые ночи! Они не давали мне спать в юности. Я сидела допоздна у окна на 2 этаже и читала, читала романы, как пушкинская Татьяна Ларина, моя любимая героиня. Проглатывала одну книгу за другой.

А мимо наших окон белыми ночами, точь-в-точь как на этой картине, по дощатым мосточкам гуляли пары. Чаще всего он в чёрном, она в белом. Я с замиранием сердца смотрела на них и мечтала («Мечты, мечты, где ваша сладость?»).

Сейчас, многие годы спустя, глядя на эту пару, на память невольно приходят есенинские строки из поэмы «Анна Снегина»:

Когда-то у той вон калитки
Мне было 16 лет.
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»

Далёкие милые были!
Тот образ во мне не угас.
Мы все в эти годы любили.
Но, значит, любили и нас.

Всё это было и осталось лишь в моей памяти и на картине Стожарова «Важгорт. Белая ночь». Большое спасибо за это художнику.

К сожалению, не все дома, нарисованные на картине, уцелели. Некоторые снесли, а оставшиеся — в нелучшем состоянии.

В то счастливое время я очень часто видела этого влюблённого в Север художника. Правда, тогда не знала даже, как его зовут. Обычно он рисовал недалеко от нашего дома, около почты. Идя из школы, бесшумно поодаль останавливалась около него и, как заворожённая, смотрела, как под его кистью на холсте ожидают улица, дома, небо... Он никогда ничего у меня не спрашивал, но и не прогонял. Просто молча творил...

Свою известную картину **«Важгортские проводы зимы»** он рисовал у заднего крыльца нашего дома, прямо у колодца. На картине слева виден даже угол нашего огорода.

Как это всё похоже на действительность! Как это всё мне знакомо! Кажется, вот-вот эти люди, кони, сани придут в движение, и женщины в ярких коми нарядах, позабыв про каждодневные горести и невзгоды, пустятся в пляс. И вот уже как будто слышишь весёлый шум деревенского праздника. Картина — праздник!

Один раз, как вспоминает моя сестра, художник заходил к нам и сфотографировал предметы старины.

В те годы, в 7 или 8 классе, нам удалось побывать в мастерской художников (обычно они приезжали по несколько человек), благодаря нашему учителю истории Борису Ивановичу, неутомимому, вездесущему краеведу (пусть земля ему будет пухом!).

В то время мы готовились к республиканскому слёту юных туристов-краеведов и нужно было нарисовать эмблему нашего клуба «Куница». Рисовать поручили мне. Борис Иванович решил, что готовую эмблему нужно показать художникам. Может, что посоветуют.

Они занимали 3 большие комнаты деревенского дома. Помню, что мы все сидели за большим столом. О чём говорили, забылось. Но, что осталось в памяти, — это большие картины и этюды. Они были везде, во всех трёх комнатах. Висели на стене, стояли на деревянных диванах, на стульях, прямо на полу. Их было много. И они наполняли комнаты солнечным светом и свежестью. И уже тогда было ясно, что это всё: знакомые нам дома, улицы, поленницы дров, люди — всё это живое, настоящее, вечное.

Любовь к картинам художников появилась у меня в школе, в начальных классах. (Всё начинается со школы!)

На одном из общешкольных вечеров учительница русского языка и литературы Валентина Николаевна показывала иллюстрации картин известных русских художников из журнала «Огонёк» и с жаром, с вдохновением, как это она умеет делать, рассказывала про них.

И этот рассказ, а особенно картины, так тронули меня, что я решила стать художницей. И с этого дня дома постоянно рисовала, вернее, срисовывала с открыток киноартистов (получалось вроде неплохо).

Но поступить после школы учиться на художника, хотя бы на учителя рисования, без специальной подготовки я не решилась. Поехала в пединститут и, наверное, поступила правильно. Ведь не зря же поэт А.Дементьев писал:

Никогда, никогда ни о чём не жалейте.
Пусть другой гениально играет на флейте,
А ещё гениальнее слушали вы.

Портрет матери. Рисунок автора. 1967 год.

В начале 70-х годов прошлого века в журнале «Огонёк» начали появляться репродукции картин «Весна. Большая Пысса», «Суббота. Бани», «Важгорт. Белая ночь», «Важгортские проводы зимы» и другие. Я была обрадована и горда тем, что наша неброская северная природа, наши сёла, деревни стали предметом внимания тысяч почитателей искусства.

И только из этих журналов я узнала, что зовут моего знакомого художника Владимиром Фёдоровичем Стожаровым. Я была влюблена в его творчество. Постоянно собирала иллюстрации его картин, читала о нём в СМИ. Его нелёгкая жизнь, целеустремлённость, трудолюбие, аскетизм поразили меня. Не зря же он был удостоен Государственной премии.

В 1973 году с глубокой болью в сердце я узнала, что его не стало. Это была для меня драма, личная драма.

Сегодня, 40 с лишним лет спустя, я могу сказать: он не умер, я его помню (как и тысячи людей в нашей стране), он живёт в моём сердце, потому что живы и

радуют нас его пронзительные и трепетные картины, в которых он сохранил для потомков скромные уголки нашей коми земли.

Я опять сижу за письменным столом и смотрю на эти картины. И мир вокруг становится чище и добре... Это и есть сила искусства.

Новости культуры

Программа фестиваля «Литературная Норвегия на земле Коми»

(декабрь 2013 – июнь 2014 гг.)

Май

**Межрегиональный фестиваль проектов по чтению «Читаем вместе!»
Фестивальная афиша (24–26 мая). Сыктывкар–Корткерос**

24 мая

с. Корткерос

В программе:

- Конкурс проектов по поддержке чтения (участвуют библиотеки Республики Коми);
- Мастер-класс по книге «Маленькая треска» (автор Улаф Кушерон);
- Историческая реконструкция «Время викингов» (представление);
- выставка-презентация и продажа литературы (Издательский Дом «Компас Гид» г. Москва).

25 мая

Выезд в с. Корткерос

- Творческая встреча читателей района с норвежскими писателями (ведущая О. Дробот);
- Лекция-презентация О. Дробот «Литературные олимпы Норвегии: от классики до наших дней»;
- Театральный вечер «Северный ветер» по мотивам произведений норвежской литературы (Молодёжный народный театр);
- Выставка-презентация и продажа литературы (Издательский Дом «Компас Гид» г. Москва).

26 мая

г. Сыктывкар. Национальная библиотека Республики Коми

- Творческая встреча читателей г. Сыктывкара с норвежскими писателями (ведущая О. Дробот);
- Лекция-презентация О. Дробот «Литературные олимпы Норвегии: от классики до наших дней»;
- Выставка норвежской живописи (репродукции картин художников XIX–XX вв.);
- Интерактивная выставка «Литературная сказка Норвегии»;
- Фотосеты у инсталляции «С героем норвежских саг», «Рыба с норвежским акцентом», «По волнам норвежских открытий».

10–12 июня V Российско-Норвежский культурный форум в Сыктывкаре

Дни открытых дверей в Национальной библиотеке «Здравствуй, Норвегия!»

- Выставочная экспозиция-презентация литературы «Норвегия становится ближе!»:

- * выставка-портрет «Великие путешественники Норвегии»;
- * выставка-путешествие «Викинги — короли морей»;
- * выставка-презентация норвежской живописи (репродукции картин художников XIX–XX вв.);
- Закрытие фестиваля «Литературная Норвегия на земле Коми»: церемония награждения победителей республиканских конкурсов:
 - * буктрейлеров «Фантазии о Норвегии»;
 - * сочинений/эссе «Удивительный мир Норвегии»;
- Показ фильмов о Норвегии;
- Посещение гостей форума.
- Фотосеты у инсталляции «С героем норвежских саг», «Рыба с норвежским акцентом», «По волнам норвежских открытий».

В течение года будут осуществляться мероприятия:

- Передвижная книжная выставка «Литературная Норвегия» из фондов НБРК по библиотекам Республики Коми;
- Комплектование новой норвежской литературой на русском языке.
- Дни Норвегии в Национальной библиотеке;

В течение полугодия по заявкам учебных групп будут организованы мероприятия:

- Медиакруиз «Норвегия или «Дорога на север»: литературные путешествия.
- Геокешинг «Открой для себя Норвегию!».
- Музыкально-художественный салон «АРТ-Норвегия: от Грига до «Крика».
- ВИДЕОИНСТАЛЛЯЦИЯ «Норвежская сага».
- Книжно-иллюстративная выставка «Норвегия — королевство фьордов».

Утвержден протоколом
наблюдательного совета
от «14» мая 2014 г. № 3/2014

**Отчёт
автономного учреждения Республики Коми «Редакция журнала «Арт»
о деятельности в 2013 году**

№ п/п	Наименование показателя деятельности	Единица измерения	Отчётный год	Год, предшествую- щий отчёtnому
1	2	3	4	5
1.	Исполнение задания учредителя	%	100	100
2.	Осуществление деятельности, связанной с выполнением работ (оказанием услуг), в соответствии с обязательствами перед страховщиком по обязательному социальному страхованию	%	_____	_____
3.	Среднегодовая численность работников учреждения	человек	8	7
4.	Средняя заработка плата работников учреждения	тыс. руб.	17,6	15,8
5.	Объём финансового обеспечения задания учредителя	тыс. руб.	2308,4	2343,4
6.	Объём финансового обеспечения развития учреждения в рамках программ, утверждённых в установленном порядке	тыс. руб.	500,0	100,0
7.	Объём финансового обеспечения деятельности, связанной с выполнением работ или оказанием услуг, в соответствии с обязательствами перед страховщиком по обязательному социальному страхованию	тыс. руб.	_____	_____

1 8.	2 Общая сумма прибыли учреждения после налогообложения	3 тыс. руб.	4 (76,8)	5 (0,4)
9.	Общее количество потребителей, воспользовавшихся услугами (работами) учреждения	единиц	4800	5800
	в том числе бесплатными, в т.ч. по видам услуг:	единиц	—	—
	частично платными, в т.ч. по видам услуг (работ): освещение социально-значимых проектов	единиц	4800 4800	4800 4800
	платными, в т.ч. по видам услуг (работ): - издание книг - издание компакт-дисков, буклетов - подготовка и проведение выставки - размещение рекламы - размещение объявлений - размещение официальных материалов органов государственной власти, органов местного самоуправления и пр.	единиц		1000 1000
10.	Средняя стоимость получения платных услуг (работ) для потребителей по видам: - издание книг - издание компакт-дисков, буклетов - подготовка и проведение выставки - размещение рекламы - размещение объявлений - размещение официальных материалов органов	тыс. руб. за экземпляр тыс. руб. за единицу		0,28

1	2 государственной власти, органов местного самоуправления и т.п.	3	4	5
11.	Средняя стоимость получения частично платных услуг (работ) для потребителей, в т.ч. по видам: освещение социально-значимых проектов	. тыс. руб. за 1 экз. формата 70x100 $\frac{1}{16}$	0,56	0,58
12.	Учредитель учреждения	<i>Функции учредителя осуществляют Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям и Агентство Республики Коми по управлению имуществом</i>		
13.	Виды деятельности учреждения	<ul style="list-style-type: none"> - подготовка, выпуск и распространение средства массовой информации и его приложений; - рекламная, информационная, издательская деятельность; - оказание информационных услуг. 		
14.	Перечень разрешительных документов, на основании которых учреждение осуществляет деятельность (вид, дата выдачи, №, срок действия)	<i>Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г., выданное Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций</i>		
15.	Состав наблюдательного совета учреждения (ФИО, должность)	<p>Конаков О.И.- заместитель руководителя Агентства Республики Коми по управлению имуществом;</p> <p>Карабанова М.Г. – консультант Агентства Республики Коми по печати и массовым коммуникациям;</p> <p>Чистяков А.А. - консультант отдела юридической, кадровой работы и государственного заказа Агентства Республики Коми по печати и массовым коммуникациям;</p> <p>Габов С.И. – председатель МОД «Коми войтыр»</p> <p>Лимеров П.Ф. – заместитель главного редактора журнала «Арт».</p>		

Руководитель (главный редактор)
автономного учреждения

Г.В.Бутырева
подпись Ф.И.О.
"14" мая 2014 г.
Автономное учреждение
"Дом * «АРТ» журнально-издательского центра"
Республика Коми

Главный бухгалтер
автономного учреждения

Т.В.Леончик
подпись Ф.И.О.

"14" мая 2014 г.

Утверждён протоколом
наблюдательного совета
«14» мая 2013 г. № 3/2013

**Отчёт об использовании имущества,
закрепленного за автономным учреждением
Республики Коми «Редакция журнала «Арт», за 2013 год**

№	Наименование показателя	Единица изме- рения	На начало отчётного периода	На конец отчётного периода
1	Общая балансовая стоимость имущества автономного учреждения, <i>в том числе:</i>	тыс. руб.	505,0	529,0
1.1	балансовая стоимость закреплённого за автономным учреждением имущества, всего <i>в том числе:</i>	тыс. руб.	505,0	529,0
1.1.1	недвижимое имущество	тыс. руб.	221,6	221,6
1.1.2	особо ценное движимое имущество	тыс. руб.	88,5	88,5
1.1.3	иное движимое имущество	тыс. руб.	194,9	218,9
2	Количество объектов недвижимого имущества, закреплённых за автономным учреждением, всего <i>в том числе:</i>	ед.	2	2
2.1	здания	ед.		
2.2	строения	ед.		
2.3	помещения	ед.	2	2
3	Общая площадь объектов недвижимого имущества, закреплённая за автономным учреждением, <i>в том числе:</i>	кв.м	35,3	35,3
3.1	площадь недвижимого имущества, переданного в аренду	кв.м		
4	Иные сведения (по решению автономного учреждения)			

Руководитель (главный редактор)
автономного учреждения

Г.В.Бутырева
подпись Ф.И.О.
"14" мая 2014 г.
* «АРТ» журнальный
автономный учреждение
Коми Республика агентство

Главный бухгалтер
автономного учреждения

Т.В.Леончик
подпись Ф.И.О.

"14" мая 2014 г.